

Б.Ф. Мазуров

А ПТИЦЫ ЛЕТЯТ...

Социально-исторический роман

ХантыМансийск
2012

ББК

М

Рекомендовано решением Учёного совета автономного учреждения дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования»

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Семёнов Александр Николаевич, зав. кафедрой журналистики и литературы Гуманитарного института Югорского государственного университета, доктор пед. наук, профессор;

Ефремов Анатолий Владимирович, ректор автономного учреждения дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования», доктор пед. наук, профессор;

Киселёв Александр Георгиевич, заведующий кафедрой истории Гуманитарного института Югорского государственного университета, канд. ист. наук, доцент.

АВТОР

Мазуров Борис Фёдорович, заведующий, профессор кафедры социально-гуманитарного и художественно-эстетического образования автономного учреждения дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования», канд. филос. наук, доцент.

М

Мазуров Б.Ф.

А птицы летят... : социально-исторический роман / Б.Ф. Мазуров. – ХантыМансийск : Информационно-издательский центр, 2012. - 330 с. - фото, документы.

Перед вами произведение, замысел которого появился у автора несколько десятилетий назад. Книга написана в собирательном жанре событий из жизни простых людей и лидеров Тюменской области и её автономий с 1944 по 1991 год. Автор стремился осветить события уже далёкой истории, применяя свой жизненный опыт, личные знакомства с людьми, периодическую прессу и архивные данные. Роман противоречив, в чём-то трагичен, для кого-то – наоборот, но он представляет единое целое в прошлом и настоящем нашего северного края, историческая судьба которого ещё не оценена в полной мере.

Автор выражает признательность:

*бывшему первому секретарю Тюменского обкома КПСС
Геннадью Павловичу Богомякову – за помощь в подготовке материалов для книги;
Геннадью Васильевичу Дроботу – за организационное содействие.*

Издано при финансовой поддержке автономного учреждения дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования».

© Мазуров Б.Ф., 2012

©

ISBN

От автора

Сидя в шезлонге на песчаном турецком берегу, писатель уже понимал, что ему придётся «взяться за перо» сразу после приезда с места отдыха; при этом было удивительно безразлично от возможного ощущения работы за компьютером. Он по четыре-шесть часов в день плавал или просто с приятными ощущениями лежал в тёплой морской воде под чистым южным небом и думал без предвзятости и унижений о том, почему же Турции достался такой чудесный берег с ветрами из Синайской пустыни, с такой тёплой морской водой, а России – пусть и красивый, но с таким трудом завоёванный холодный берег моря... Да и судьба у русских была более жестокой в попытке обогреть на этом холодном берегу себя и весь окружающий мир...

Поздно ночью писатель устроился у ноутбука и незаметно для себя ушёл в свои собирательные исторические образы. Какие же эти образы? Для каждого народа они разные и противоречивые: для Италии это образ мужчины-певца с голосом тенора, для Испании – кабальеро, для американца – ковбоя. Какой же образ характерен для России – задумался писатель – и с каким периодом истории страны соотнести этот образ?

В Древней Руси доминирующий образ – крестьянин с сохой, который вечно пашет землю и кормит всю страну, или образ богатыря, защитника Родины Ильи Муромца. Какой же собирательный образ был характерен для России в XX веке? Неужели революционер? Этот образ раскаивается в своих деяниях или делает вид, что раскаивается, постоянно оглядываясь на окружающих – не

услышит ли об этом кто-нибудь, а потом расплачивается за свои дела – через четыре поколения от начала воплощения своих идей – судьбою праправнуков и их благополучием и ценностью общественных идеалов, воплощённых революционным порывом идей в умах людей о лучшем будущем человечества сталинской эпохи, когда были перечёркнуты все ранее существовавшие устои общества... Или рисовать образ современного либерала девяностых годов XX столетия, создавшего все условия для экономического обмана своего народа?..

В произведении «А птицы летят...» прослеживаются несколько жанровых линий: философско-исторической повести, психологической повести, отчасти любовного трагического романа, социально-исторического романа, мемуаристики.

В данной книге автором перелистываются политические и экономические страницы довоенной и послевоенной истории Тюменской области – во время интенсивной разведки на наличие нефти и газа; затрагиваются проблемы лагерей ГУЛАГа, побегов и восстаний в них; весьма широко представлена политическая палитра взглядов всех главных действующих лиц; человеческие судьбы, в которых любовь и жестокость по злему року русской судьбы беспрестанно граничат, исторически и социально переплетаются на протяжении всего романа.

Психологически события 1937 года явились, по мнению автора, итогом незаконченности осуществления классовых политических установок революции 1917 года и целей Гражданской войны 1918-1922 гг. Становление бесчеловечного тоталитарного режима было следствием столкновения идей нэповской России и политики военного коммунизма, результаты которого вылились в идеи строительства казарменного социализма в стране на пол-

века вперёд. Даже добыча нефти и газа на Севере в столь огромных масштабах через десятилетия после известных событий тридцатых годов носила классовый интернациональный, хищнический и во многом по сегодняшним меркам бессмысленный характер. Однако эта политика была продолжением экономической революции в стране, строящей впервые в мире коммунистическое общество. Весь XX век был для России сплошной революцией. (Как известно, революцию начинают романтики, свершают прагматики, а результаты её достаются подлецам, — об этом писал ещё Дантон, закончивший свой жизненный путь на эшафоте во времена Великой Французской революции.)

Социально-исторический роман представлен в синтезе микроисторий человеческих судеб и окружающей природы, человеческих поступков и истории человеческих идей, создания материальных ценностей и отношения к ним. Всё это должно просматриваться в едином русле событий, — они, по мнению писателя, должны вызвать интерес и склонность к дискуссиям на соответствующую тематику. Автор вводит вопросы человеческой ментальности и человеческого бытия, раскрывая на простых примерах отношение людей к цвету и значимости его в практической жизни и судьбе человека.

В романе читатель может открыть для себя политические взгляды человека по его поступкам и свершениям и увидеть трагичность человеческих судеб в необычных и порой труднообъяснимых жизненных ситуациях. Борьба людей за выживание, за право вернуться к нормальной человеческой жизни после нахождения в системе сталинских трудовых лагерей представлена на протяжении всего произведения. Показывая жестокость человеческого мира в его ограниченности миропонимания и посто-

янной борьбе за очеловечивание всего разумного, автор напоминает о том, что развитие цивилизации циклично и многое возвращается на очередном витке, в том числе и неоправданная ничем человеческая жестокость. Философское видение, авторский подход к изложению содержания романа позволяют читателю быть в постоянном поиске приоткрытых проблем общества и разумной природы. При этом прослеживается стремление философски подойти к тому неокрашенному розовым цветом пониманию мира человеком тех уже далёких от нас дней в их взаимосвязи с современностью.

Весь этот поток взглядов на окружающий мир – от «зека», образованных людей до партийных лидеров, принимавших сложные ответственные, пусть даже не самые великие и важные, решения выхода из регионального цивилизационного кризиса, – нашёл своё отражение на страницах данной книги. Эти решения прямо или косвенно совпадали или не совпадали с официальными решениями партии и правительства, однако именно они могли сломать с таким трудом «сотворённую» профессиональную политическую карьеру.

Писатель выставляет на всеобщее обозрение взгляды людей с неординарным мышлением в достижении поставленных целей, арестованных в большинстве своём по сталинской разрядке и находившихся в то время в лагерях ГУЛАГа с различными сроками заключения и решившихся на побег. С другой стороны, эти люди добивались собственного освобождения из мест заключения решением задач, поставленных руководителями ИТЛ и выполняемых на грани жизни и смерти.

Двадцатый век в истории России и СССР – век исторических личностей, век трагедий и всеобщего надлома. История России оставила свой трагический след самого

короткого «революционного столетия», уместившегося в семьдесят пять лет, в жизни тех, кто был на разных ступенях положения в обществе. И все они оценивали бурные события через призму двойственных подходов к прошедшим девяностым годам, подытоживая жизненный путь перед Богом и совестью русского народа...

В произведении политические лидеры государственного и регионального масштаба соседствуют с простыми тружениками севера и юга Тюменской области. Автор стремится при наличии фактического материала показать усилия партийных лидеров улучшить ситуацию «в нравственном, классовом, т.е. коммунистическом, воспитании населения» через их творческую трудовую деятельность в меру того, каким представлялся им этот окружающий их мир и что первый руководитель области предпринимал и делал для воплощения этих идей в жизнь.

Поток принятых решений затрагивал всех, кто проживал на этой территории, располагающейся географически почти в центре некогда великого государства с необъятными просторами и, казалось, нескончаемыми трудовыми ресурсами и природными богатствами. Наряду с этим показан рост авторитета и промышленного потенциала области и автономных округов в её составе за десятилетия освоения нефтяных и газовых месторождений.

На страницах книги все интересующиеся историей могут встретить знакомые персоны партийных лидеров страны, чьи судьбы и деятельность в правительстве СССР тесно переплеталась с богатой региональной историей и необъятными в их представлении природными ресурсами Севера. Весь этот пёстрый социальный мир прокручивается вместе с судьбой иностранцев, попавших в нашу страну разными жизненными путями. И всё это

предстаёт перед читателем с параллельным описанием природы, её разумности и стремления к жизни.

Образ величия человека труда без больших личных запросов и медленное пробуждение политического сознания различных социальных групп населения страны и региона прослеживает автор романа, для чего он как бы «пролистывает амбарную книгу» человеческих судеб, сложившихся под влиянием различных событий, в том числе из-за личностных характеристик как самих действующих лиц, так и окружающих их людей. В романе ведётся противопоставление живой природы и человека разумного с надеждой на духовное обновление-очищение последнего.

В произведении читателю предоставлена возможность проследить судьбы людей различных социальных и идеологических воззрений, которые формировались под тяжестью событий в период активного строительства «коммунистического» общества. Многие из простых и образованных жителей региона с классовых позиций принимали участие в этих противоречивых событиях с разных сторон «красных» идеологических баррикад. Каковы были действия всех участвовавших в этой жизненной драме? На что они рассчитывали, какие цели преследовали, какие лелеяли надежды, как сами относились к труду и приказам со стороны высшей политической элиты страны, что стремились пропагандировать? Какова была реакция простых жителей на предпринимаемые действия всех уровней партийной власти? На эти и другие вопросы читатель сможет найти ответы, углубившись в прочтение представляемой здесь книги.

С точки зрения человека, знакомого с принципами идеологической работы в народных массах прошлого века, в романе показаны формирующиеся политические

взгляды людей под воздействием пропаганды государственных структур, идеологических установок для строителей коммунизма и условий «жизнедеятельности» сотен тысяч людей, находящихся в трудовых лагерях Севера Советского Союза, людей разных жизненных принципов и действий по отношению к власти. Автор как бы подталкивает каждого участника данного произведения взглянуть на себя со стороны и попытаться понять самого себя – будь то первый секретарь райкома, окружкома или обкома партии, или простой рабочий.

На страницах книги сделана попытка уравнивать всех живущих на Земле – для того, чтобы подтолкнуть читателя к философским рассуждениям на тему человеческого бытия в поликультурном обществе и в безумно быстро меняющемся мире двадцатого и двадцать первого веков, когда кажется, что в какие-то 20-30 лет втиснуты события и размышления человечества, занимавшие в ранний период развития тысячу или даже десять тысяч лет¹. Отсюда социальная неуспокоенность, непродуманность действий, жестокость и безрассудство в поведении людей. Прослеживается стремление целых государств и систем не опоздать в набирающий скорость поезд, уходящий во вторую половину XX века, чтобы не отстать уже навсегда в историческом индустриальном и постиндустриальном развитии. И всё это, как карусель, прокручивается перед глазами человечества всего-то за одно поколение и ставит перед современным поколением бесконечное множество вопросов, но не даёт ответов. И поколения восьмидесятых и девяностых годов XX века не успевают осмыслить то, что происходит и происходило

---

¹ Материалы круглого стола «О нравственности, патриотизме, культуре и бескультуре» (актуальный разговор на вечные темы) // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 3-27.

в стране и мире, и это усиливается фактом засекреченности истории минувших десятилетий, запечатлённой в спрятанных от глаз и явно передержанных по срокам архивах... В умах современного поколения история носит прерывистый характер, при этом хочется, чтобы уровень знаний о событиях XX века стал намного выше тех результатов, которые мы видим на сегодняшний день.

Автор стремится изложить исторический и философский материал так последовательно и с пояснениями, как он прожил эту эпоху вместе со своим и старшим поколением, и как он это себе представил – без заказа на то какой-либо структурой в обществе с указанием параметров направленности произведения. Впрочем, общество ещё только начинает созревать для подобного заказа, рассчитывая на воспитание подрастающего поколения однобоко, только на положительных примерах, а ведь жизнь однобокой никогда не бывает. Писатель рассчитывает, что его позицию оценят, а произведение вызовет потребность в дискуссиях и спорах, в которых сам читатель должен найти для себя ответы на возникшие жизненные вопросы. Одним из основных вопросов, возможно, станет такой: может ли уже не первое молодое поколение, выросшее в мире засекреченности, отсутствия исторической памяти и любви к истории, уважительно относиться к прошлому своего народа и строящейся истории будущих поколений?

Ныне живущее поколение молодых людей не только недостаточно полно знает о том, что представляла собой область накануне великих открытий нефти и газа Западной Сибири, изменивших весь сырьевой углеводородный мир планеты. Как показал практический опыт поиска информации для книги, молодое поколение и вновь прибывшие в северный регион люди, даже весьма

образованные, работающие в высших научных кругах, от которых во многом зависит мировоззрение молодого поколения, слабо или вообще не знают историю открытия нефтяных и газовых месторождений Тюменской области. Этому в значительной степени способствовала резкая смена парадигмы и понижение интереса к общественному развитию страны и края. Автор стремился как можно реальнее раскрыть потенциальные возможности каждого известного ему лидера Тюменского обкома партии: о судьбе многих из них мы имеем весьма скромную подборку публикаций, кроме справок о датах рождения, образования, государственных наград и стажа партийной работы. При наборе материала не все респонденты пожелали описать интересующие автора события, из-за чего остались «забытыми» случившиеся многие десятилетия тому назад факты их производственной деятельности и жизни коллективов. Ведь именно здесь автору приходилось трудиться, что наложило определённый отпечаток на содержательную сторону данного романа, в котором на определённых страницах имеются только сноски на периодическую прессу полувековой давности.

Автор не ставил перед собой цель описать судьбу всех замечательных людей периода освоения нефтяных и газовых месторождений севера Тюменской области, он лишь останавливает своё внимание на тех личностях, которые являются более знакомыми и понятными ему. Но остальные участники событий ждут своих «первооткрывателей» и энтузиастов, которые вот так, практически без поддержки кого-либо, смогли бы потратить годы своей жизни и понести финансовые затраты и другие издержки, не зная о том, что их произведение будет востребовано и одобрено как самими первооткрывателями, так и обществом — слегка повзрослевшим, но недоста-

точно поумневшим за те немногие десятилетия, которые прошли с начала освоения нефтяных и газовых месторождений Севера.

Произведение написано в большей мере по воспоминаниям очевидцев, в том числе и первых секретарей райкомов и обкома партии. Однако читатель должен понимать, что эти ретроспективы могут быть весьма субъективными и не всегда верно отражать объективную реальность прошлого, поскольку зачастую такие рассказы основываются на идеологии марксизма-ленинизма. В произведении используются архивные материалы Тюменской области, исторические произведения, написанные в период конца двадцатого и начала двадцать первого века. Вместе с тем, при возможном рассекречивании архивных данных (очевидно, в очень далёком будущем), применённый фактический материал первой главы частично будет требовать корректировки и уточнения и возможного, как полагает автор, незначительного дополнения. Однако в тот далёкий от нас будущий период уже не будет свидетелей тех трагических дней истории нашей страны – они, к великому сожалению, уходят в мир иной, зачастую из-за подорванного здоровья. Именно наличие очевидцев и участников событий прошлого придаёт особый колорит данному произведению. По мере возможности автор будет подтверждать описываемые события документами и редкими фотографиями, которые, вполне возможно, ранее нигде не публиковались и должны заслуженно вызвать интерес читателя.

Исторический роман включает в себя не только сцены жестокости в событиях прошлых дней, но и романтические, любовные хитросплетения. Именно они создают в произведении красочность повествования, сопряжённую с пониманием противопоставления красоты подаренных

любимым цветом с кровью на их красивых лепестках и искалеченных с детства судеб тех людей, которые были сыновьями этих некогда живших в беспокойной обстановке людей. Произведение не всегда вызывает приятные ощущения от его осмысленного прочтения — оно направляет читателя на размышления о прожитых годах с целью сравнения моментов собственной жизни с событиями, описываемыми в этом романе.

Автор стремится напомнить читателю события давно минувших дней из истории недавно ушедшего в прошлое двадцатого века, используя при этом «метод историко-философского возврата» в памяти прилетевшего ворона, который живёт на этом свете более трехсот лет, чтобы посмотреть на изменения окружающего мира за последние восемьдесят лет.

Данное произведение может быть применено при изучении курса отечественной и региональной истории для воссоздания более полной исторической картины и частичной ликвидации имеющихся так называемых «белых пятен» истории, т.е. ненаписанных страниц по истории Ханты-Мансийского автономного округа, Тюменской области и даже Уральского федерального округа в целом. Кроме того, преподаватели среднего и высшего звена имеют возможность применять в своей деятельности выборочно, в зависимости от поставленной цели, исторический материал, охватывающий период до и после открытия и освоения нефтяных и газовых месторождений на Тюменском Севере. Специфика изложенного в романе материала позволяет преподавателям применять его для развития философского и исторического мышления учащейся молодёжи, выборочно для патриотического воспитания и профессиональной ориентации молодого, во многом противоречивого современного поколения, —

ведь в настоящем и ближайшем будущем решающую роль в развитии страны и региона должен сыграть заинтересованный молодой интеллект нации.

Двадцать лет спустя...

*Фронтовики, фронтовики,
как мало вас в живых осталось,
а вы, ссылаясь на дела,
так мало пишете о прошлом.*
Б. Мазуров

Огромное, казалось, никогда не заходящее, светило, висевшее над северной тундрой, окружённой ледовыми торосами на Обской губе, под крик летящих на северные гнездовья для продолжения своего рода казарок, медленно догорало весенним закатом с кровавым оттенком на небосклоне.

В это же время южные районы были уже в полутьме, и тёплый, дующий с казахских степей уже ночной, но ещё не уснувший ветер заставлял шелестеть свежую распутившуюся листву деревьев и гнал водную рябь на реке Туре... Парочки влюблённых стояли на берегу реки и, словно оцепенев, внимали эту удивительную красоту природы в наступающей ночи. И только легковые автомобили плавно несли волну движения вверх по дороге в сторону монастыря.

* * *

Борис Евдокимович Щербина прилетел в Тюмень на самолёте Ли-2. У трапа его встретил правительственный «ЗИМ М-12» и, плавно взяв с места, понёс гостя по

старинным и новым улицам областной столицы, не знакомой приехавшему в Тюменскую область в апреле 1961 года на должность первого секретаря Тюменского обкома КПСС. На этом посту он сменил Василия Владимировича Косова (1955-1961).

Александр Константинович Протозанов, уроженец Киева, приехал в Тюменскую область в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году из Удмуртии. Сумел провести большую содержательную работу в комсомоле и партийных органах, к моменту ухода с работы В.В. Косова на пенсию (по настоянию Н.С. Хрущёва – из-за личной неприязни) занимал пост второго секретаря обкома КПСС и тут же был назначен председателем облисполкома. Его назначение совпало практически с началом организационной работы в области по разделению партийных организаций по производственному принципу – на сельские и промышленные обкомы партии. После этого разделения Щербина возглавил сельский обком, а Протозанов, уже возвращённый в обком партии, взял в свои руки вместе с севером области всю промышленность и все города. Именно в это время началось бурное развитие промышленности в Тюмени: шло строительство моторного завода, завода АТЭ, камвольно-суконного комбината, значительно увеличил производство продукции судостроительный завод и т.д.²

После объединения обкомов первым секретарём Тюменского обкома КПСС был избран Б.Е. Щербина. А.К. Протозанов вновь стал как человек, имеющий опыт работы в промышленности, вторым секретарём обкома КПСС, курирующим промышленность, транспорт, а также разведку и добычу нефти и газа. Протозанов обладал

² Записано по воспоминаниям Г.П. Богомякова, село Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

определённым организаторским талантом. Именно в это время на территории области начинает развиваться железнодорожный транспорт, ведётся строительство автомобильных дорог с твёрдым покрытием.

* * *

Праздничное утро девятого мая 1965 года: впервые после окончания Великой Отечественной войны отмечали День Победы. Он был объявлен выходным днём, и тысячи горожан вышли из своих домов и направились к улице Республики. Перед парадом на площади около здания обкома КПСС выстроились колонны курсантов Тюменского высшего военно-инженерного училища. По метеосводкам день должен быть ясным и без дождя, однако свежий ветерок всё же гулял по улицам и площадям. Яркое солнце, словно радуясь празднику, светило мягко и безмятежно, лаская своими лучами молодых парней в парадной военной форме с погонами инженерных войск; следом за военными выстроились праздничные колонны жителей областной столицы; по сторонам площади и центральной улицы были вывешены флаги и транспаранты. Из-за всей этой суеты совсем не чувствовалась утренняя весенняя прохлада.

На трибуне, возведённой специально для проведения парада за сутки до торжества, выстроились не только ветераны войны, но и весь состав обкома КПСС. Первый секретарь обкома партии Борис Евдокимович Щербина, стоявший рядом с А.К. Протозановым, вторым секретарём по промышленности и транспорту, впервые в своей должности принимал парад вместе с областным военкомом в День Победы. Праздник отмечали в стране первый раз за минувшие со дня окончания Великой Оте-

чественной войны двадцать лет, — почему случилась такая несправедливость, Борис Евдокимович не понимал. Перед парадом он почти не сомкнул глаз — одолевали воспоминания о его неординарном участии в боевых действиях — сначала в Советско-финляндской войне, а потом в Великой Отечественной войне. Бессонница, как он полагал, появилась в результате того, что в памяти всплыли трагические, кровавые события, связанные с освобождением Харькова.

* * *

Город после его взятия частями Красной армии лежал в руинах: были взорваны водопровод, один миллион шестьсот тысяч квадратных метров жилой площади, все линии железной дороги и связи, все учебные заведения города... По оценкам специалистов из капиталистических стран, для восстановления города необходимо было не менее пятидесяти лет.

Этот некогда цветущий город, символ первых пятилеток, стоял, разрушенный яростными бомбёжками Люфтваффе и артиллерийскими обстрелами. Авиационные налёты были настолько сильны, что даже кладбище, где находилась могила Михаила Кошкина, главного конструктора танка Т-34, было уничтожено, словно захватчики мстили ему за его детище. Город был освобождён в четвёртый раз двадцать третьего августа тысяча девятьсот сорок третьего года в момент победоносного завершения Курской битвы. Вся земля на площадях и улицах города была пропитана кровью сотен тысяч погибших солдат и офицеров Красной армии и мирных жителей.³

³ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. — М.: ОЛМА медиа групп, 2010. — С. 635-637.

Борис Евдокимович как человек, имеющий опыт хозяйственной работы и военный опыт, в 1942 году получает очередное назначение и становится начальником военных перевозок, затем, по линии ЦК ВЛКСМ, направляется в Харьков для организации восстановительных работ в городе. Довоенный город был знаком ему хорошо, поскольку он был выпускником Харьковского института железнодорожного транспорта в 1942 году. В его памяти всплывают минуты заседаний обкома комсомола в 1943-1944 гг. с военной тематикой: все сидят в военной форме, где-то над ними слышен гул вражеской авиации... В то время он занимал должность секретаря Харьковско-го обкома ЛКСМ Украины по военной работе.⁴

Именно благодаря энтузиазму молодых людей, приехавших сюда, в разрушенный войной город, по направлению комсомола, этот промышленный гигант пережил второе рождение: уже через год в нём действовало двести сорок семь восстановленных промышленных предприятий, а к третьей годовщине освобождения города – уже более семидесяти процентов промышленного потенциала города. В довоенное время город утопал в цветах и зелени южных растений... Постепенно, квартал за кварталом, благодаря труду оставшихся в живых жителей и приехавших сюда на восстановительные работы он возвращался к своей прежней красоте.

После всего увиденного им в этом южном украинском городе – разрушенного и воссозданного, где бы он ни работал уже в мирное время по заданию комсомола и партийных органов и какую бы руководящую должность он ни занимал, – перед любым зданием органов власти, где размещался его аппарат, всегда было много цветов с явно южным оттенком... Что побуждало его к этому,

---

⁴ Большая Тюменская энциклопедия. – Тюмень, 2004. – Т. 3. – С. 427.

никто из числа окружающих не мог понять и сказать. Вполне возможно, что многие просто относили это к очередным причудам руководства и постепенно даже незаметно для самих себя привыкали к этому стремлению окружить себя природной красотой.

* * *

В назначенный и ожидаемый всеми присутствовавшими на празднике людьми миг заиграл духовой оркестр и по команде начался этот ранее неизвестный в майские дни парад войск и курсантов военно-инженерного училища, которые были в это время дислоцированы в областном центре. Чётко печатая шаг, прошли курсанты. Многие из стоящих на трибуне фронтовиков мысленно представили себе ту военную технику, которая находится на вооружении специальных военно-инженерных войск, а кто-то произнёс: «Эту бы технику нам в Великую Отечественную войну – вот тогда бы она закончилась намного быстрее... Да и топлива для техники нынче достаточно. В первые месяцы войны были только постоянные бомбёжки да танковые клинья противника и кровь погибших товарищей; наступление и временное отступление частей Красной армии и большие, ничем не оправданные потери в живой силе и технике... Но были в далёком 1945 году и поверженный Берлин и долгожданная Победа...».

Многое изменилось с тех уже далёких и таких близких для них дней. Самое главное – сменилось и не однажды высшее руководство страны и области, но лучше или хуже стало жить в стране и в регионе – время ещё не показало. На обширных просторах Тюменского Севера время тянулось так не спеша, что казалось, будто нет на Земле силы, которая может повернуть его вспять, хотя

загорелись уже факелы на первых открытых здесь месторождениях углеводородного сырья. Это время с северным размахом прорастало в каждом из всех присутствовавших на параде и оставляло свой неповторимый след в их судьбах, и каждый присутствовавший здесь думал и вспоминал о своём...

Весенние цветы

*«...Нет, не тому приходится удивляться,
что мятежей и восстаний не было в лагерях,
а тому, что они всё-таки были».*

Александр Солженицын

Около десяти часов утра автор позвонил одному из родственников тех, кто был непосредственным участником событий по началу формирования нефтегазового комплекса на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (в то время – Ханты-Мансийского национального округа). Однако его не было дома, но даже после вежливого приглашения к телефону в более позднее время ответа не последовало. Именно поэтому автору пришлось писать книгу по множественным воспоминаниям других участников тех незабываемых «приключений» и по событиям, частично запечатлённым в архивных документах по истории прошлого Ханты-Мансийского автономного округа и Тюменской области.

* * *

Какими же предстают перед нами Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа перед открытием на их территориях нефтяных и газовых месторождений, в своё время взбудоражившим весь мир?

Рассматривая события, происходившие на территории области, нельзя обойти стороной политические изменения, прошедшие в стране после XX съезда КПСС. Именно они лишь частично выявили результаты эксперимента над русским народом, его физическими, психическими и культурными возможностями — как в центре страны, так и в сельской глубинке, вдали от городской цивилизованной суеты.

Жившее на окраинах страны, в том числе и в Ханты-Мансийском национальном округе, население плохо себе представляло и понимало то, что с ним будет в самое ближайшее десятилетие, а о долгосрочной перспективе и говорить не приходилось. Достоверность провозглашённых идей большинством населения определялась наличием продовольствия и отсутствием репрессий — так их научила жизнь в последние сорок противоречиво прожитых лет, в которых почти не было места для размышлений, а были тяжелейшая работа и молчание. Они всегда выполняли чей-то приказ не раздумывая, понимая, что в случае его невыполнения, к примеру в тридцатые годы, могли быть аресты, судебные процессы, где каждый мог получить 58-ю статью — «за антисоветскую деятельность». Даже после того, как в пятидесятые (а позднее — в девяностые) годы прошлого столетия наступило время реабилитаций жертв политических репрессий, территориальные партийные организации не всегда ставили в повестку дня соответствующую тему, не было выступлений и обсуждений, все молчали. Молчали и на местах — в столицах национальных округов.

Исторически так сложилось, что для постоянно проживающего здесь населения со времён его заселения область постепенно превратилась в свалку и сливное мес-

то не только неосуществившихся грандиозных научно непродуманных проектов, но и в кладбища брошенных материальных ценностей: например, в самом устье реки Оби на берегу оставили выработавший свой ресурс реактор атомного ледокола «Ленин»...

Технику и всё, что из-за географических условий было трудно вывезти, консервировали, а иное, что не вывезли в Игарку и Норильск, бросали прямо в тундре, на территории, обдуваемой всеми ветрами и обмываемой весенними и осенними дождями. Все эти ржавеющие и гниющие памятникистроек под кодовыми номерами 501, 502 и 503 остались здесь, похоже, до скончания времён. Эту «мёртвую железную дорогу» можно считать одним из самых утопических проектов ГУЛАГа.

В данном произведении термин «ГУЛАГ» (Главное управление лагерей) используется не для обозначения этого подразделения ОГПУ – НКВД – МВД, а в том, более широком смысле, данном А.И. Солженицыным в художественно-историческом исследовании «Архипелаг ГУЛАГ» и обозначающем всю советскую систему рабского труда и уничтожения людей. Условия там были самые невыносимые: заключённых с отбоя до подъёма держали в запертых бараках, а работали они по 12 часов в день; на «заработанные» гроши они не могли купить даже куска хлеба; не имели права получать более одной посылки и одного письма в год. Ежегодные издержки «человеческого материала» на строительстве вряд ли уступали колымским показателям, поэтому ежегодно привозили новые партии заключённых для лагерного пополнения, которые тут же редели под сквозным тундровым ветром – от тяжёлой работы и отсутствия нормального питания. Очевидно поэтому материалы, касающиеся этой стройки, до сих пор засекречены.

Однако ни для кого не секрет, что все так называемые «великие стройки коммунизма» – гигантские ГЭС конца 1940-х – начала 1950-х годов – строили зэки. Писатель и учёный А.С. Трус пишет: «Мне часто приходилось слышать от заключённых, что «всё в стране сделано нами». Перехлёст, конечно. Но такая смесь чувств бессилия и мощи взрывоопасна. ГУЛАГ стал пороховой бочкой».⁵ В том числе эта пороховая бочка была глубоко заложена и в действующих лагерях в самых труднодоступных местах на территориях двух северных национальных округов Тюменской области.

Трасса железной дороги должна была пройти вдоль полярного круга (как десятилетием позже выяснилось – по самым газоносным местам Ямало-Ненецкого национального округа) в условиях вечной мерзлоты. Начало её строительства было связано с 1947 годом, а завершение планировалось в 1953 году. За означенный период на этой дороге работало от 33 тысяч до 120 тысяч заключённых. Даже при анализе и сопоставлении фактического материала, основанного на скудных данных доступных архивов и воспоминаний бывших заключённых, можно высказать мнение, что на первой стройке рождённого НКВД ГУЛАГа – Беломорканале – работало самое большое количество учёных и профессоров, чем на любой стройке тридцатых годов. Стройки 501, 502 и 503 приняли на себя чёрную, по количеству привлечённых заключённых и специалистов, «почётную» эстафету после Беломорканала. На стройках 501, 502 и 503 действовали даже театры, показывающие для заключённых произведения классиков истории социализма с тематикой социалистического реализма. Подлинных ху-

⁵ Александр Штамм. Кенгир как конец сталинского ГУЛАГа // Посев. – 2004. – № 6.

дожественных произведений не было: в стране господствовал отцензурированный и выхолощенный всесущий социалистический реализм.

В меню для строителей иногда входили ценные породы северной рыбы⁶, чего не было, скорее всего, ни в одном из лагерей ГУЛАГа с момента их возникновения. Железная дорога, по мнению сталинского руководства, должна была обеспечить экономический рост на весь двадцатый век с использованием стратегического сырья, взятого в труднодоступных местах. Кроме того, дорога была призвана решить транспортные проблемы по укреплению оборонной мощи страны: учитывался беспрецедентный случай времён Великой Отечественной войны, когда немецкий военно-морской флот сделал попытку увеличить своё присутствие в морях Северного Ледовитого океана⁷...

* * *

Тогда немецкий линкор «Тирпиц» прошёл в Карское море, т.е. в незащищённые глубинные районы страны, со стороны Ледовитого океана, при этом такого класса корабль имел возможность два раза обогнуть весь земной шар без дозаправки. Линкор поджидал проход конвоя с транспортом по Северному морскому пути, но, не найдя его, вернулся обратно и обстрелял по пути порт Диксон, выпустив по нему более трёхсот снарядов. В порту начались пожары; военные снарядили стотридцатимиллиметровые орудия и открыли огонь прямой наводкой с пирса по движущемуся во льдах линкору, в результате

⁶ <http://www.adm.yar.ru/suvdt/istory/stoik.htm>

⁷ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. — М.: ОЛМА медиа групп, 2010. — С. 141.

чего на нём вспыхнул пожар. Но команда немецкого судна быстро выставила дымовую завесу и сразу же вывела корабль из-под сильного орудийного обстрела. Вместе с ним ушла и сопровождавшая линкор подводная лодка, обладавшая повышенной скоростью в подводном положении.

После обстрела под Диксоном самый мощный (после гибели линкора «Бисмарк») надводный корабль Германии двинулся на восток возле самой кромки льдов, которые могли в любую минуту закрыть выход в устье Енисея и в Карское море. Осторожно, крадучись, иногда на самом малом ходу он всё-таки с большим трудом вышел в Енисейскую губу, ведущую к порту Дудинка, что был в девяноста шести километрах от Норильска. Линкор двинулся к портовому гиганту Северо-Восточной Сибири, который по сведениям немецкой разведки был незащищённым городом. Однако перед портом немецкий линкор встретили выстрелами три сорокапятимиллиметровые пушки и настойчиво вели огонь по кораблю, а тот, почти не почувствовав их, прошёл чуть дальше и остановился словно в раздумье.

Немецкий капитан размышлял: «Что делать дальше? Ведь они стреляют по нам даже из сорокапятимиллиметровых орудий с отвагой обречённых на победу, а что будет дальше — перед самым городом? Они же с трёхлинейками пойдут на нас, как на абордаж, они этот военный опыт имеют, а манёвра во льдах у корабля может и не быть. А если линкор будет зажат льдами в случае их подвижки, ведь снаряды будут разрываться и на льду. Удивительно, — смотря в бинокль, произнёс капитан, — ведь они привлекли к обороне даже заключённых, которые помогали устанавливать орудия на набережной, — так они им и трёхлинейки дадут. Странная страна, не-

понятный цивилизованному миру народ: их содержат в лагерях, унижают, а они добровольно берут в руки оружие и начинают защищать своих угнетателей... Нет, рисковать нельзя. Мне не известна глубина обороны Дудинки и её возможности, да и до самого Норильска ещё 96 километров идти по неизвестной местности... Я и так не выполнил основной поставленной цели и приказа фюрера — не потопил торговые суда союзников России с оборудованием и вооружением в составе конвоя. Где-то же он прошёл, да так, что мы его не заметили. Летний период был тёплым. Погода этим русским помогает даже здесь, на Севере. Наши войска с этим первый раз столкнулись в тысяча девятьсот сорок первом году — тогда у стен Москвы морозы были под сорок градусов, моторы у танков завести не могли, а здесь — наоборот, неожиданно потеплело, и природа предоставила широкий коридор для прохода гружёных транспортов».

По приказу капитана корабль развернулся во льдах и ушёл в Карское море, чтобы проплыть через него до Обской губы. Там линкор остановился перед сплошной белой полосой льдов, которые ветер пригнал с полюса.

«Вот бы такие льды были за Диксоном, чтобы прижать и раздавить торговые суда, так нет — нас прижали эти льды, — выдавил из себя капитан. — Запросить метеосводки у русских, может быть они нас за своих примут», — приказал он помощнику капитана, и тот исчез с палубы выполнять приказ.

По внутренней связи пришёл ответ, что эфир молчит. Капитан повторно запросил сводки у советских метеослужб, но не получил ответа: «Видимо, уже получили сообщение о проходе линкора».

Заработал радиопередатчик одной из разведывательных групп по геологии: радист сообщил, что часть груп-

пы пленена сотрудниками НКВД в верховьях небольшой горной речки Сосьва, остальные успели укрыться в лесной и гористой местности до наступления зимы. Группы были высажены и для того, чтобы поднять в этих местах и на Урале восстания среди заключённых и осуждённых советской властью, а их, по данным разведки, на этой территории в предвоенные годы было более двух миллионов человек...⁸

«Что-то и здесь ничего не получается», — посетовал капитан.

Возникла очень опасная ситуация. Необходимо было выбрать вариант решения проблемы: один предусматривал прохождение линкора до Берёзова и остановку там на зимовку со сбором всех разведывательных групп геологов, что были отправлены на лето по заданным квадратам; второй предусматривал ожидание изменения ветра, чтобы льды отошли на север.

Капитан приказал поставить корабль в управляемый дрейф на сутки, а сам подумал: «Возможно и нам среди этих снегов и льдов погибнуть суждено, зима здесь стремительно приходит с морозами и опять мне Москву этих русских напоминает... Сюда же приплывали наши подводные лодки для сбора информации и пополняли свои продукты свежей олениной, выменянной на винтовки и боеприпасы у местного населения. Общение шло, конечно, на русском языке, хотя ненцы и на нём говорят не очень-то чётко. Они хорошие стрелки и один может вывести из строя целый отряд, а ещё они прекрасно ориентируются на местности — даже без звёзд, в метели и

---

⁸ Данные были приведены через 67 лет после описываемых событий А.А. Петрушиным (в девяностых годах XX века возглавлявшим Федеральную службу безопасности по Ханты-Мансийскому автономному округу) в передаче о роли органов НКВД в годы Великой Отечественной войны на территории Югры. — Телекомпания «Югория», 04.07.2010 г.

в полярной ночи... А информатора за неверные сведения о проходе транспорта расстреляют, ведь из-за него наш корабль может погибнуть во льдах и пойти на дно, как «Бисмарк».

Поздно ночью ветер неожиданно изменил направление и заштормило, о борта линкора с грохотом ударились льдины, команда, как на подводной лодке, стала готовиться к худшему, и никто от напряжения не смог впоследствии вспомнить, когда же лёд начал отходить на север, а линкор развернулся и сделал попытку уйти в норвежские фьорды для того, чтобы... быть потопленным в тысяча девятьсот сорок четвёртом году⁹ единственной торпедой, сброшенной в воду английским торпедоносцем... А следом за ним вновь потянуло северным ветром и временный проход вновь затянуло мощными льдами.

* * *

Именно этот проход немецкого линкора и стремительное продвижение немецких войск в 1941 году и составило в конечном своём виде концепцию необходимости создания линии обороны по защите северных территорий от вероятного вторжения вооружённых сил недружественных стран.

Прокладка железной дороги через новый северный коридор, дававший выход всей стране к восточным рубежам через Игарку и Норильск на Колыму и к Берингову проливу, позволяла осуществлять грандиозные планы по связке всех северных лагерей ГУЛАГА единой цепью, создать третью ветку Транссибирской магистрали и укрепить оборону страны. Здесь, в малонаселённом северном

⁹ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. — М.: ОЛМА медиа групп, 2010. — С. 203.

районе страны замышлялась реализация этой гигантской коммунистической стройки и, как и прежде, планировалось применение труда заключённых.

Поздней ночью в конце января 1949 года на совещании в кабинете И.В. Сталина присутствовали А.П. Берия, министры транспорта, обороны, машиностроения СССР (а первые секретари обкомов партии Тюменской области и Красноярского края были поставлены в известность о сути содержания данного решения письменно) – обсуждался вопрос прокладки через северные районы Сибири первого участка приполярной рельсовой магистрали протяжённостью 1300 км между Обью и Енисеем – от Салехарда до Игарки. Министр внутренних дел Н.П. Дудоров высказался следующим образом: «Местность, на которой планируется построить железную дорогу до Игарки и Норильска, представляет собой «естественную тюрьму» и её даже почти не надо охранять.¹⁰

Такой подход к строительству железной дороги и оценка местности планируемой стройки очень понравились Иосифу Виссарионовичу: «Вы так твёрдо думаете о стройке, Дудоров?..», – спросил он, держа в своей правой слегка выдвинутой руке трубку, примерно так, как он делал это на совещании Ставки Верховного командования при принятии ответственного решения об очередном наступлении Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны.

Министр от испуга замолчал и с трясущимися руками смотрел то на Сталина, то на Берия, а через минуту промолвил: «Да».

«А как насчёт доставки грузов и трудовых ресурсов в этот труднодоступный район, ведь для стройки их нужно очень много?»

---

¹⁰ ГУЛАГ: государство в государстве // Россия XX в. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М., 1997. – Т. 2. – С. 241.

«Обеспечим их доставку и охрану заключённых к местам отправки непосредственно на станции и в пути следования. Осуждённых и подлежащих отправке по всем данным для начала такого грандиозного строительства на Севере на данный момент хватает. Министерство транспорта и связи пусть подумает об увеличении доставки заключённых и грузов через Воркуту по железной дороге, а летом по течению полноводных рек Енисея и Оби», – ответил, чуточку заикаясь, Н.П. Дудоров.

Сталин повернулся в сторону Лаврентия Павловича Берия: «Проконтролируете и доложите через год о ходе выполнения на всех видах транспорта. Если что – накажите провинившихся в тех же самых местах. При необходимости можно ужесточить меры наказания в уголовном кодексе, чтобы поток заключённых обеспечивал нужды стройки», – это был практически приговор с отсрочкой на год или два, с чёрной окраской и петлёй на шею обречённого.

Дома у министра внутренних дел жене стало плохо, она долго всхлипывала и почти в истерике кричала: «Я же тебе говорила, что в России любая инициатива или оценка событий наказуема!».

И действительно, после окончания Великой Отечественной войны заключённых везли как с запада, так и с востока – из Манчжурии, где русское население было депортировано и вывезено под разными предлогами на послевоенные стройки. Во всех этих планах конечный результат охватывал судьбы более пяти миллионов жителей страны и нескольких сотен тысяч политзаключённых, в основном мужчин, что не дошли до своих семей с войны и послевоенного периода и обречённых на медленное вымирание. Тюменской области наряду с Красноярском, Тюменью и северным городом Тюменской области Са-

лехардом выпадала роль «второй Колымы» — главного транспортного распределителя человеческой смерти под названием ГУЛАГ.

Принятое на этом совещании решение было спустя несколько дней узаконено секретным правительственным постановлением. Так на карте ГУЛАГа появилось два новых строительства — Обское № 501 и Енисейское № 503.¹¹

При строительстве Северной железной дороги выяснилось, что на стройках Дальнего Востока с применением труда заключённых текущие затраты на добычу металлов в 1932-1956 гг. составляли 25,7 млрд. руб. в ценах 1950 г. (6,425 млрд. долл.), что в четыре раза выше мировой цены конечной продукции и добыча металлов становилась невыгодной, за исключением золота.¹²

Уже в процессе строительства стало ясно, что возить по новой железной дороге пока нечего и некого, готовые участки дороги бездействовали. Все лесозаготовки происходили намного южнее, а отправка древесины производилась по водным артериям в летнее время до Салехарда, а далее по железной дороге в центральные части СССР или Северным морским путём на экспорт. Продолжение строительства железной дороги стремительно и окончательно завязло, хотя до её завершения оставалось немного меньше времени, чем уже было потрачено.

После закрытия дороги история становления самой стройки на многие десятилетия осталась для всех полузакрытой темой по простой для советского общества причине — из-за опасения попасть, мягко говоря, «в опалу», негласно бытовал принцип: «Меньше говоришь о

¹¹ http://www.mk.ru/social/article/2009/07/12/317876_prizrak-mertvoy-dorogi.html (30.01.2010)

¹² Александр Штамм. Кенгир как конец сталинского ГУЛАГа // Посев. — 2004. — № 6.

неприятных вещах, дольше жить будешь» или «Слово — серебро, молчание — золото».

Вспомнили об этой дороге геологи, первые разведчики земных недр Ямала, только тогда, когда были открыты крупнейшие месторождения нефти и газа на Севере, которые изменили оценку возможности добычи углеводородного сырья во всём мире, а партийным лидерам вскружили голову нефтедоллары, которые по разным поводам можно было дарить кому угодно, не требуя взамен ничего, кроме социалистической ориентации страны.

«Видимо, Сталин был всех умнее, давая команду строить дорогу до Норильска, вот только метод был чересчур жестоким, как, впрочем, и вся его жизнь, пронизанная внутренними противоречиями и классовой ненавистью. Нам бы эту железную дорогу сейчас, при таком потоке грузов и большой себестоимости при перевозке», — говорили некоторые специалисты в данной области через пятнадцать лет после того, как её бросили незавершённой, и утверждали, что её ещё можно было восстановить по частям... Но уже тогда, взглядываясь в искорёженные и поведённые в стороны из-за морозов рельсы, многие из этих специалистов засомневались в возможности эксплуатации дороги, построенной по устаревшим технологиям.

В то далёкое, более чем полувековое прошлое начинался процесс, связанный с освобождением репрессированных на всей территории СССР. Даже после частичного освобождения спецпереселенцев в 1948 году количество не получивших свободу на территории Ханты-Мансийского национального округа исчислялось сотнями.¹³

¹³ См. Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е — начале 1950-х гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2005. — С. 12.

Проблема оставалась нерешённой, и от этого зависели судьбы тысяч осуждённых, в том числе и их детей. И не все ещё понимали, что решение её должно быть осуществлено в ближайшее время.

Последние спецпереселенцы на территории Ханты-Мансийского национального округа получили долгожданную свободу в третьем поколении – с 1 января 1958 года. Это совпало по времени с запуском в СССР первого в мире искусственного спутника Земли (4 апреля 1957 г.) и получением первого, пока ещё не промышленного, притока Шаимской нефти.

Получив украденную у них свободу, многие из спецпереселенцев так и остались жить на этих суровых северных, теперь уже родных по прошествии стольких лет, просторах. Работали они на лесозаготовках и в сельском хозяйстве. Благодаря именно их труду на территории Ханты-Мансийского национального округа были возведены сто двадцать пять новых населённых пунктов. Эти люди сохранили в большинстве своём черты новой «зековской» нации, начавшие формироваться в первые сорок лет советской власти, – с навязанной культурой строгого подчинения и молчания при разговорах о сложностях своей судьбы. Они предпочитали делать и строить что-либо, но не общаться. Многие так и ушли из этого мира, не рассказав ничего о своей противоречивой и сломанной жизни, полной жестокости и унижения. Это поколение строго относилось к себе и другим и надеялось только на себя. Лишь могильные холмики на кладбищенской территории говорят о том, что вымирали от непосильного труда, голода и болезней целыми семьями, вместе с маленькими детьми, как это видно по первым захоронениям на северном кладбище города Ханты-Мансийска и на уже неизвестных по точному месту захоронения в районах пятой и шестой школ.

* * *

Кладбищенский смотритель Ханты-Мансийска, словно возвысившись над временем человеческого бытия и тяжело вздыхая от старческой одышки, не спеша говорил с собой: «И куда эти люди «слишком умные» торопятся — ведь человеческая жизнь так коротка, не успеешь обернуться, а она уже на исходе. Ведь седым даже не походишь. Да ещё «помощничков» шибко много ходит, и стараются изо всех сил, чтобы всех на тот свет отправить. У Бога ведь не спрашивают — разучились, видать, совсем в церковь ходить. Для чего они друг на друга кляузы пишут и волком глядят на всех, правителей жестоких восхваляют повсеместно, а потом — вот эти поселения и лагеря... Ведь по разнарядке людей арестовывать начали и по принадлежности к классу... Вот только к какому? А тут ещё эти завистливые и жадные на всё люди и людишки — все стремятся за счёт других в рай попасть. Надо посмотреть ещё на то, попадают ли они в этот желанный для них божественный рай, ради которого они готовы перегрызть горло друг другу».¹⁴

* * *

В длинном узком здании барачного типа, построенном из свежееотёсанных брёвен кедра, пихты и ели, сидел в углу священник, осуждённый по 58-й статье, и беспрестанно крестился, взывая к Богу. По воспоминаниям тех, кто остался живым и передал по памяти увиденное своим детям, это был Алексей Хорошев — священник из

¹⁴ Из воспоминаний смотрителя северного кладбища. — Ханты-Мансийск, 15.10.1989 г.

села Цингалы, неподалёку от Остяко-Вогульска.¹⁵ Его недлинная борода слегка поседела, толстые пальцы и огромная ладонь стали тонкими. В 1937 году общество признало его социально опасным¹⁶, и всё его окружение было расстреляно. Сам он каким-то чудом остался в живых и был направлен на работу в Остяко-Вогульск, однако и здесь его предали, арестовали вторично как священнослужителя, а приговор, как он понял, оставили в силе. Да и просить пощады он не собирался. Алексей Хорошев знал о том, что обратного хода времени не будет, как не было его у священников прихода села Шеркалы, утопленных жителями этого села – бесновавшимися в своей жажде быть хозяевами всего, что их окружало в том жестоком и кровавом мире XX века. В тени растущих кедров за зданием церкви – на месте, где были погребены останки священнослужителей прошедшего столетия, – сельчане сделали отхожее место. Наверняка шеркальцы в своей жизни видели слишком много жестокости, начиная с Гражданской войны. Ведь всё дно Оби и Иртыша было устлано костями расстрелянных или утопленных «белых» и «красных». С того времени место утопления священнослужителей и стало, по признанию местных жителей, проклятым местом...

«Откуда эта жестокость и безумие? Где тот первый шаг жителей Российской империи к происходящему ныне в стране? Ведь он явно берётся из истории – или дальней или ближней... При коронации Николая II в Успенском

¹⁵ Из воспоминаний дочери священника – А.А. Хорошевой 1932 года рождения. Запись произведена в селе Шеркалы Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – по пересказам среди слушателей курсов повышения квалификации учителей общественности, 21.03.2010 г.

¹⁶ Постановление ЦИК и СНК СССР от 01.02.1930 г.

соборе Кремля 14 мая 1896 года¹⁷ народ русский поклялся в верности Божьему Помазаннику – Царю, а потом предал его... Царская власть в лице императора Николая не успела повзрослеть, а её предали и расстреляли, а вместе с ней прошёл своим путём народ, не успевший повзрослеть, – он был охвачен кровавым романтическим юношеским максималистским стремлением жить лучше сейчас, а не через какой-то период времени. И сколько этого предательства было за всю историю, сказать трудно... – скорбно подумал священник Алексей Хорошев, ещё раз обратив внимание в памяти на свою изломанную и обречённую на смерть по людскому приговору судьбу. – Я человек религиозный и Царь был на редкость религиозным человеком¹⁸ и приговор у нас по жизни, очевидно, один, вынесению которого способствовал не только В.И. Ленин, но и И.В. Сталин... И это делает православный правитель, учившийся в духовной семинарии в Тифлисе! – воскликнул Хорошев. – Боже, вразуми его, наставь на путь истинный, пока он не принёс ещё большего зла русскому народу... Эх, придёт и для нынешнего правителя трудное времечко и вынужден он будет обратиться за помощью к православию,¹⁹ к Богу и православным иконам за жизнеспасительной силой, жизнь-то ведь, как бумеранг... Неужели глупость и жестокость человеческая появились на свет вместе с человечеством, и если это так, то вместе с ним всё это и умрёт...»²⁰, – разуверившись в человеческом разуме, произнёс отрешённым голосом приговорённый к смерти.

¹⁷ Российская корона. Князья, цари и императоры. – ЗАО «Издательский дом «Ридерз Дайджест», 2009. – С. 289.

¹⁸ Там же. – С. 289.

¹⁹ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. – М.: ОЛМА медиа групп, 2010. – С. 490-491.

²⁰ См. философское пояснение: Флоренский П.А. Письма... Словно нет ничего, кроме водорослей // Природа. – 1993. – № 12. – С. 51.

(Даже итальянский диктатор Бенито Муссолини, тоже выпускник духовной академии, не стал так относиться к церкви, повысил священнослужителям заработную плату и приступил к восстановлению церквей.²¹)

Дверь в камеру отворилась, и в неё без стука вошёл сотрудник НКВД из местных жителей, поставил в жестяной банке для арестованных молоко и ломтик хлеба: «Ешь, отец Алексей, да побыстрее,²² пока не заметили, что я тебе передал...», – и тихо вышел из камеры смертников. Надзиратель знал, что утром следующего дня ему придётся принимать участие в расстреле.

На рассвете в Долине ручьев Остяко-Вогульска среди вечнозелёных елей и кедров раздался резкий оружейный залп... Всех расстрелянных сбросили в специально подготовленные ямы... и наступила душераздирающая тишина...

Прилетевшая как будто из ниоткуда невидимая, но осязаемая волна зла безостановочно кружила над местом расстрела, усиливая и без того безмерную жажду насилия и жестокости...²³

* * *

В Ханты-Мансийске в годы войны появилась традиция: возле дома, жилец которого погиб на войне или при других обстоятельствах, ранней весной высаживали

²¹ Такая информация прозвучала в документальном сериале о Второй мировой войне. – Телеканал «Спас», 92-я серия, 11.10.2010 г.

²² Данные о сочувствии арестованным были приведены в телепередаче о роли органов НКВД в годы Великой Отечественной войны на территории Югры. – Телекомпания «Югория», 04.07.2010 г.

²³ См. философское пояснение: Чижевский А.А. Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Мысль, 1995. – С. 350-406.

черенки красной рябины или кусты красной смородины, которые багряным цветом в осеннее время осыпали пространство перед каждым домом, ежегодно повторяя осеннюю скорбь. Проходило время, и от старости стволы рябин кренились, ломались и под собственной тяжестью падали. Они будто рассказывали всем, что на свете не стало тех, кто хранил родственную память о погибших и ушёл из жизни, так и не поведав о своей судьбе. В этих местах сама совершенная природа разом в одно мгновение дня и ночи, постарев ещё на один безумный человеческий век, уснула, чтобы проснуться с новой силой, но перед этим она под утихающий шум вечернего ветра стремилась к спокойному размышлению в присутствии багряно-красных ожерелий гаснущего заката над седыми уставшими водами древнего Иртыша. А он, невзирая ни на что, с ощущением собственного величия катил свои воды на далёкий холодный север, соединяя свои воды с древней Обью. Как будто эта жизненно важная сила, придя из Верхнего мира и не дойдя до Нижнего, дала жизнь всему существу на Земле, и нёс это стремление к жизни сильный и нескончаемый ветер вместе с плавно несущейся по равнине водной стихией. И просил этот летящий по воздуху странник минутного отдыха под уютным наклоном неба, и всё это напоминало частицу принесённого и отрезанного от небес южного небосклона, соединённого с северным небесным свечением лучей солнца на водной глади.

В вечерней тиши природа озвучила приглашение на место временной колыбели возле посёлка Остяко-Вогульска (ныне Ханты-Мансийска) для соединения в жизненном пространстве мироздания возникающих идей и мыслей о будущем как у человека, так и у природы. Природа как бы давала человечеству возможность создать

условия для осмысленного подхода ко всему жестокому и доброму, красивому и ужасному, сотканному из противоречий окружающему миру, окрасив его различными тонами для размышлений на заданном природой месте с естественным временным теплом и уютом. Всего-то на одну короткую, красивую, ожидающую нужного ей результата и выделенную для этого ночь — один раз за миллион лет. Светлая ночь с переливами вылетающих из-за горизонта лучей солнечного света, способная унести в вечность итог этой желанной для природы встречи с человеческим разумом и его эволюцией от биологического к общественно значимому существу. Природа как бы спрашивала у человека: «Далеко ли ушёл ты в своём развитии и миропонимании?.. Может быть, так и остался тем примитивным жестоким первобытным человеком, как это было до палеолита в эпоху вашего бурного биологического развития, а общественное развитие не оказало на вас никакого существенного прогрессивного очеловечивающего влияния даже через десятки, а может и сотни тысяч лет?..».

Воспользовался ли мир представленной возможностью подумать о своём будущем и настоящем, сказать было трудно, — слишком долго психика человека не могла даже понять свою историю и то, что происходило совсем рядом в каждом доме, в коллективе на производстве и в системе управления обществом в целом.

Наутро природа смахнула с себя всю тяжесть размышлений и в лёгком предрассветном мечтательно улетающем ввысь тумане своих грёз и мечтаний оставила человечество поразмыслить в одиночестве о множественности восприятия окружающего его мира.

И когда луч солнечного света коснулся земли, седой от прожитых на земле лет и многое повидавший чёрный

ворон, сидя на высоком сухостое, гулко каркнул, и этот звук разнёсся по всей округе, возвещая о том, что срок размышлений может очень быстро закончиться. И если люди не поторопятся, то вряд ли могут стать умнее и добрее в обозримом будущем.

* * *

Противопоставив себя этим гулко летящим карканьям седого мудрого ворона, как его неизбежным выводам, и показав себя «умными властителями мира», разумные люди, словно окончательно обезумев от предоставленной им властью силы, разместили в здании Кодинского (Кондинского) Свято-Троицкого монастыря²⁴ свои радиостанции. Словно презирая всё святое и вечное, они стремились разговаривать на этом языке силы с мировым разумом, который, по их представлению, вовсе не находился в мире непознанного...

На другом участке общественно-государственной жизни сотни осуждённых и обездоленных людей в серых однообразных тужурках вышли по приказу коменданта на работу – на строительство грунтовой дороги от Остяко-Вогульска до Самарово: так же в Древнем Риме строили булыжные дороги для военных и хозяйственных нужд согнанные с покорённых территорий рабы, которых после смерти от страшно тяжёлой работы хоронили в безымянных могилах.

Вечером на северном кладбище, на самой окраине Остяко-Вогульска (ныне Ханты-Мансийска), где рано утром кричал седой от старости ворон, кладбищенский рабочий

²⁴ Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в I половине XVIII века: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации (сборник документов) / сост., ст. и коммент. С.В. Турова. – Тюмень: Вектор Бук, 2003 (Сибирский раритет. Вып. 3). – 216 с.

хоронил кого-то в безымянной могиле в грубо отёсанном гробике с проложенным вместо подушки мхом, понимая, что к ней никто не придёт, чтобы её поправить и пролить слезу в память о покоящемся здесь тринадцатом и последнем, самом маленьком, брошенном на произвол судьбы, члене неизвестной семьи спецпереселенцев...

Осенью тысяча девятьсот тридцать четвёртого года Степан Пахтусов, комендант спецпоселения для осуждённых в большей части по сталинской разнарядке (по статье 58 УК РСФСР «За антисоветскую деятельность») и высланных вместе с родителями в посёлок Ягодное Кондинского района, бил кнутом молодых девушек, сбрасывая их с повозок, как это делали надзиратели в Древнем Риме, следя за работой рабов и хлеща их бичевой. А бил он их только за то, что эти юные создания, ещё не познавшие жизнь, стремились получить образование и выехать с этим намерением за пределы ненавистой для юности зоны заключения с пожизненным сроком нахождения в ссылке.²⁵

В областном центре, в Тюмени, вечером по тёмным улицам гнали арестованных по доносу сельчан, ранее раскулаченных крепких сельских хозяев, из колхоза «Красная поляна» посёлка Лиственничный Кондинского района Тюменской области...

На рассвете следующего дня они стояли у стены Троице-Сергиевого монастыря... На востоке всё сильнее разгорался поздне-осенний морозный ноябрьский рассвет, и, когда первый луч солнца коснулся монастырских куполов, раздался залп, окрасив кровавыми крапинками свежевыпавший белый снег... Из башен монастыря вылетели испуганные и не проснувшиеся до конца кричащие галки.

---

²⁵ Записано по воспоминаниям Д.Г. Морозовой, п. Ягодный Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, август 2009 г.

«Больно, больно...», — простонал лежащий на мёрзлой земле оставшийся в живых и истекающий кровью приговорённый к смерти А.Д. Вепрев, арестованный в своё время по сталинской репрессивной разнарядке...

К корчащемуся на снегу человеку подошёл поседевший от прожитых лет бывший красноармеец, теперь уже сотрудник НКВД, который участвовал в подавлении восстания крестьян на юге Тюменской губернии в 1921 г. и после сабельного рейда подарил в ночной темноте своей любимой букет белых ромашек, забрызганных кровью... Он вспомнил своих товарищей по последнему сабельному сражению, которые были зарублены с особой жестокостью. В душе он даже был доволен, что сотни тех, кто сражался с «этой белой тварью», добивают её в различных казематах области. Он никому ничего не простил, воспитанный в восьмилетних кровавых сражениях Первой мировой и Гражданской войн, и не хотел, да и не умел ничего делать, кроме того, чтобы сводить на своей кровавой работе старые, десятилетней давности, счёты.

«Надо же, уже и на Север подались эти кулаки. Все богато и здесь собираются жить. Кровопийцы чёртовы! Все выступают против всеобщего равенства и братства, берегут и преумножают богатство своё, а не общее, и заставляют работать на себя, а не на светлое будущее человечества, других...²⁶ Ещё и восстание там, на Севере, подняли — под Казымом в Остяко-Вогульском национальном округе... Все везде за оружие берутся, хотя знают, что ответ будет один — подавление силой! Вот и здесь я слышал, что направили на подавление восстания пятьсот особистов из Свердловска, помнится, так же это

²⁶ См. описание последствия такого подхода к жизни: Франк Л. Крушение кумиров. — М., 1990. — С. 128.

было на юге Тюменской губернии в тысяча девятьсот двадцать первом году...».

Бывший кавалерист вскинул наган и, нисколько не волнуясь, практически в упор произвёл выстрел в висок ненавистного классового врага. Затем, после минутной тишины морозного утра, гулко хлопнул контрольный выстрел...²⁷

* * *

Второго октября тысяча девятьсот тридцать четвёртого года было принято постановление бюро Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) окружного ВКП(б) с формулировкой «По сообщению т. Васильева (инженер-геолог) об изыскании нефти в округе» — первый официальный документ власти, где упоминается слово «нефть».²⁸ Это был своего рода лишь начальный ответ человечества самой природе за считанные месяцы предоставленных раздумий красивой летней ночи о своём будущем...

Однако природа оказалась более терпеливой и продолжала приглядываться к быстро стареющему от неразумных действий человечеству, как торопящемуся ледоколу, движущемуся через нагромождение ледяных торосов, словно спрашивая себя в грохоте проходящих событий: «Что же всё-таки из этих раздумий и выводов по содержанию жизни получилось в этом жестоком и бесчеловечном по поступкам мире людей?..».

---

²⁷ Записано по воспоминаниям А.С. Лукоянова (бывшего заключённого, находившегося под стражей в здании на ул. Симакова, дом 9, город Тюмень), станция Паклевская Свердловской железной дороги, декабрь 1969 г.

²⁸ Новости Югры. — № 110. — 23 июля 2009 г.

* * *

В тысяча девятьсот шестьдесят шестом году после награждения бывшего главного специалиста колхоза имени Мичурина Кондинского района орденом Ленина за высокие показатели в труде, представители бывшего колхоза вместе с награждённым прибыли в Ханты-Мансийск на почётное вручение. На пристани всю делегацию встречал бывший комендант спецпоселения этого колхоза Анатолий Бушмелев, убеждённый в том, что в этих заслугах специалиста есть и его труд²⁹, основанный на насилии, унижении человека и издевательствах не только над взрослыми, но и над детьми...

При этом в трудах историков минувшего века на региональном уровне был возвеличен и этим даже частично сглажен факт труда рабов двадцатого века. Однако история оставила авторам этих произведений возможность жить до конца своих дней на той пенсии конца века, что постоянно была ниже требуемого для этого прожиточного уровня жителя региона...

* * *

В Остяко-Вогульске после окончания Великой Отечественной войны начала работу совпартшкола среднего звена — видимо, было чему обучать партийных и советских работников за полторы тысячи километров от строительства железной дороги, где в самое напряжённое время трудилось около ста тысяч политических заключённых...

---

²⁹ Записано по воспоминаниям Г.С. Мазуровой, п. Луговой Кондинского района, Ханты-Мансийский национальный округ, сентябрь 1966 г.

* * *

В городе Тюмени на улице Симакова, дом девять – в здании, где в тридцатые годы прошлого столетия держали безвинно арестованных, которых потом ещё и расстреливали³⁰, – было размещено студенческое общежитие педагогического института, где жили в основном студенты историко-филологического факультета, т.е. будущие историки. Они знали о предыстории своего места обитания, но предпочитали не говорить друг с другом об этом. Говаривал о тех событиях лишь старый сторож, что жил неподалёку. В глубоком кирпичном подвале, где за полуметровыми стенами коричневого цвета в своё время приводились в исполнение смертные приговоры и даже был сделан сток для смыва крови, находилось питьевое заведение для расслабления всех желающих, в том числе и преподавателей, которые приходили сюда изредка в момент психологического расстройства, размышляя о чём-то своём после прочтения лекций по истории и философским проблемам начала этого безумного двадцатого века... У каждого из них кто-то из родственников был репрессирован либо наоборот – служил в то время в НКВД...

* * *

Через пятьдесят лет после начала насильственных событий по уничтожению кулачества как класса, в период начала перестройки, в бытность пребывания М.С. Горбачёва на должности Генерального секретаря ЦК КПСС,

---

³⁰ Записано по воспоминаниям А.С. Лукоянова, станция Паклевская Свердловской железной дороги, декабрь 1969 г.

на партийном собрании территориальной парторганизации был поставлен предварительно вопрос о возможном рассмотрении факта установки памятника жертвам политических репрессий в городе Ханты-Мансийске. Однако в первом варианте он не был включён в повестку дня партийного собрания, так как при голосовании не набрал положенных двух третей голосов... Осенью тысяча девятьсот девяносто первого года Коммунистическая партия Советского Союза была распущена – после августовского путча в столице страны городе Москве...

* * *

В октябре 2008 года в Екатеринбурге на одном из важных региональных совещаний преподавателей истории по вопросам модернизации исторического образования в системе школьного образования и выхода нового учебника по новейшей истории России учительница истории, по виду не более сорока лет от роду, при всех торжественно призналась в любви к событиям Октябрьской революции 1917 года. (Необходимо отметить, что большая часть тех, кто отбывал свои сроки заключения в сталинских лагерях и погиб в них или после освобождения, горячо любили первую в мире победоносную пролетарскую революцию.) Это произошло при всеобщем молчании съехавшихся сюда преподавателей средней и высшей школы, хотя в зале чувствовалось расхождение взглядов по выдвинутым идеям. Противоречивая и неосмысленная из-за малого количества отведённого для этого отрезка времени – чуть более семидесяти лет – ситуация повторилась, как в том расколоте на две части мире – на «белых» и на «красных» – запечатлённом в памятни-

ке жертвам политических репрессий, установленном в Ханты-Мансийске в 2006 году уже по распоряжению администрации города (*автор-скульптор – Владимир Арсенович Саргсян. – Б.М.*)...

Каждый год осенний и обычно холодный день, соединивший воедино итог обид, унижений и оскорблений человеческой жизни на земле, объявлен в стране Днём памяти жертв политических репрессий. К подножью памятника жертвам политических репрессий в различных городах страны ложатся цветы, как и в Ханты-Мансийске – возле пятой школы, где была размещена регистрационная комендатура для контроля за отбыванием пожизненного срока для спецпереселенцев и их семей...

* * *

Ранней весной 2009 года, когда на лесных полянах окружного центра появились первые синевато-белые подснежники, впитавшие приятно-тёплые лучи весеннего солнца, писатель, издавший ранее свой социально-исторический роман «Отверженный, или Жизнь на земле без человеческого благословения», получил в свой адрес первый и весьма аргументированный краткий отзыв юриста, ярого сторонника власти И.В. Сталина, проработавшего по специальности не один десяток лет в сталинскую эпоху: «Обрыдли вы все с этими вопросами о спецпереселенцах и их судьбами... Для чего всё это надо? Людей пугать?! Спокойнее жить – лучше для всех. Многие ничего не знают и... не хотят знать. На тему эту написано уже достаточно много, так зачем же ещё раз ворошить историю, и причём тут сталинские лагеря, ведь так же можно обозначить тюрьмы сегодняшнего дня, как путинские или медведевские... Лагеря всегда присутство-

вали как необходимый элемент в обществе, они и будут существовать, очевидно, вечно...».³¹

* * *

В свете лучей Солнца человек внимает тому, что ему оставили предыдущие поколения, — это как духовно-очистительный факт становления души сквозь крик прозрения в осознании недостаточного понимания своего прошлого и хоть слабого осмысления всей противоречивости и непонятности до сих пор истории своей страны, региона, города, села или отдельной семьи. Этот представший перед нами пытливый человечек — маленький, согнувшийся под давлением навалившейся на него тяжести истории, — стремится выпрямиться, вырасти в своих глазах, своих суждениях, уйти от выполнения с исторической точки зрения непродуманных приказов «божественных вершителей судеб человеческих на Земле и во Вселенной» и устранить в своей жизни само поползновение политических иллюзий к этому состоянию.

* * *

В далёкий до открытия месторождений нефти и газа на территории Ханты-Мансийского национального округа миг размышлений природы, не потревоженной изысканиями полезных ископаемых, в предрассветном тумане маленькие юркие лодочки скользили по водной глади рек и речушек и по заброшенным ныне копанцам и вырытым вручную местным населением за многие столетия своей борьбы за выживание каналам и протокам,

³¹ Из письменного отзыва на книгу «Отверженный, или Жизнь на Земле без человеческого благословения». — г. Ханты-Мансийск, 29.05.2009 г.

некогда дававшим осмысленность и целенаправленность в их свободной трудовой деятельности, результаты которой применялись для передачи необходимой для жизни информации по месту проживания коренных народов, сохраняя при этом национальный язык и культуру.

Столетиями продвигались работы по рытью соединительных каналов, которые делали короче путь между водоёмами для живущих по берегам озёр и проток людей и, образуя сеть «капилляров», имели выход на главную транспортную реку-артерию. Используя эти гидросооружения, мансийские лодки-калданки перевозили с берега на берег множества водоёмов приехавших на Север молодых людей, стремившихся открыть богатые нефтяные и газовые месторождения.³² В национальных округах Тюменской области лодочный вид транспорта в довоенный и послевоенный периоды был основным в летнее время.

Прошло около десяти лет как сняли с основных водных артерий охранительные заставы, которые в течение предшествовавших десятилетий оберегали спецпоселения национальных округов от контактов с внешним миром: люди только начинали осваиваться в свободе передвижения. Многие просто опасались выезжать на другую территорию по причине потерянных навыков смены географического пространства.

Известен случай побега из мест предварительного заключения рецидивистов, которых расстреляли из автоматов ПППШ в лесистой местности возле реки Конды неподалёку от города Урая. Бежавшие оказали вооружённое сопротивление при попытке их задержать. Две шлюпки с милиционерами нагнали беглецов за посёлком Три Конды и прижали с помощью обманных манёвров в

³² Записано со слов рыбаков у озера Ерёмкино Кондинского района, Ханты-Мансийский автономный округ, 08.06.1986 г.

притоку основного русла. Свободного пространства оставалось не более трёх километров, и беглецы начали отстреливаться из украденного дробовика, – вот здесь-то и пригодился выпущенный во время войны ППШ.³³ Север и здесь оставил в жизни след, как место ссыльных в дореволюционном прошлом каторжников...

Как показывают воспоминания и архивные документы, в пяти городах Тюменской области (Тюмени, Ишиме, Тобольске, Ханты-Мансийске и Салехарде) в годы сталинских репрессий на постоянной основе осуществлялись расстрелы политических заключённых. Однако и до этого здесь в двадцатом веке в годы Гражданской войны пролилось много безвинной крови. По вечерам багряно-розовый закат солнца лишней раз напоминал и по сей день напоминает всем знающим и понимающим историю края о кровавом наследии прошлого и о чьих-то насильно воплощённых идеях. Оставленные древним ледником холмы вдоль берегов Иртыша, украшенные кедрово-еловыми лесами вплоть до слияния с Обью, лишь подчёркивали сильный своенравный характер реки, ежедневно и ежечасно активно смывающей и уносящей в небытие из памяти человека все отрицательные стороны жизни на Югорской земле.

* * *

Осенью 1952 года по первому ледоставу совершили свой дерзкий побег шестьдесят заключённых-рабов со строек №№ 501, 502 и 503.³⁴ Побег был настолько

³³ Записано со слов сотрудника милиции, бывшего в описываемое время участковым милиционером посёлка Луговой Кондинского района, Ханты-Мансийский автономный округ, 08.08.1983 г.

³⁴ <http://elis.pstu.ru/konovalov.htm>

неожиданным и «громким», что тогда у начальства по служебным охранным делам полетели из петлиц погоны, заработанные десятилетиями такого «напряжённого труда».

Послевоенный состав узников ГУЛАГа сильно отличался от того, что был в эпоху «большого террора» 1934-1939 гг. Тогда в лагеря попадали неорганизованные и несолидаризированные массы людей, большей частью политически дезориентированные. Исключительной пестроты достигла в последующие годы палитра политических взглядов самих политзаключённых, среди которых было много ортодоксальных марксистов, а также людей, не боровшихся с режимом, а получивших политическую 58-ю статью «по разнарядке» людоедской сталинской системы³⁵. Большая часть заключённых прошла военную школу жизни и могла идти на любой риск.

По прошествии стольких лет многое изменилось во всех сторонах жизни общества – изменились с технической точки зрения и условия охраны заключённых в исправительных трудовых лагерях. Теперь в течение трёх часов о случившемся были поставлены в известность все ответственные лица Тюменской области, в том числе и первый секретарь обкома.

В этот раз Северное управление строительства МВД, входившее в ГУЛЖДС (Главное управление лагерей железнодорожного строительства), вынуждено было обратиться за помощью к военным лётчикам с жёстким и уже согласованным выше решением: было дано указание с воздуха расстреливать всех бежавших заключённых; оставшихся в живых после этих налётов преследовали лыжники из специально составленного отряда. В списке

---

³⁵ Александр Штамм. Кенгир как конец сталинского ГУЛАГа // Посев. – 2004. – № 6.

бежавших были и «политические» — бывшие партийные работники среднего и высшего звена, осуждённые ещё в тридцатые и сороковые годы. Принятое решение было направлено на уничтожение тех людей, с которыми партийный состав области, возможно, был знаком лично в различные периоды своей партийной деятельности.

Ещё молодому, по меркам трудовой деятельности, первому секретарю Тюменского обкома КПСС Фёдору Степановичу Горячеву позвонил из Северного управления строительства МВД, где находился руководящий состав строящейся железной дороги, ответственный за лагерь на территории области и проинформировал его о случившемся.

«Что собираетесь предпринять?», — упреждающе, опасаясь непонимания со стороны силовых структур, спросил первый секретарь.

«Мы уже предприняли меры... и я вас ставлю в известность, что по согласованию с военными, которые дислоцировались недалеко от посёлка Лабытнанги, дали команду поднять в воздух авиацию — ведь чёрные точки бегущих людей хорошо просматриваются сверху на ровной снежной местности... Если не накажем этих сбегавших, то побегут и остальные! Сами знаете, в стране не очень-то спокойно, идут разные слухи о состоянии здоровья партийных лидеров...»

«Поставлены ли в известность органы исполнительной власти области?», — в телефоне что-то щёлкнуло, и тот же голос продолжал доводить информацию до высшего руководства области.

«Не волнуйтесь, председателя облисполкома мы уже поставили в известность».

«И какая же его была реакция, ведь события происходят совсем рядом?», — спросил первый секретарь.

Собеседник промолчал, тяжело вздохнув. После минутной паузы ответственный за лагерь продолжил разговор на ответственных тонах: «Вы же знаете, что Москва и лично Лаврентий Павлович Берия... вы же знаете его по предыдущим годам: если вовремя не примем меры по уничтожению бежавших, нам этого не простит никто и никогда, особенно Он сам...», — и взволнованно положил телефонную трубку, оставляя пищу для размышлений.

«Да, наверное, ещё долго будем жить так, что все ответственные решения будут принимать за нас... Идеальная власть должна упреждать подобные события и не изобретать то, что уже создали на северных просторах... И когда же всё это встанет на нормальный уровень? Ведь партия — руководящий орган политической жизни страны, и именно в этом органе начинает понемногу расти недовольство силовыми структурами. Однако почему всё плохое и жестокое приписывают ему и так же думают о Лаврентии Павловиче Берия? Ведь, насколько мне стало известно через своих преданных людей, хотя я в этой информации очень сомневаюсь, они даже породнились с семьёй Максима Горького. Сомнительно всё это выглядит — ведь плохая семья с хорошей не уживается, как бы она этого ни желала! Историческая жестокость рано или поздно разбивает одну из сомневающихся сторон семьи — и даже всё поначалу отрицающую влюблённую пару. Все боятся его крутого нрава, но количество расстрелов по политическим вопросам при нём уменьшилось в десятки раз, хотя и они носят отвратительный бесчеловечный характер», — мог ли секретарь обкома КПСС Фёдор Степанович Горячев знать о том, что в уже ближайшее время Лаврентий Павлович Берия будет расстрелян, обвинённый в предательстве интересов страны?

(По уточнённым, но далеко не полным данным, которые были опубликованы в начале третьего тысячелетия, с 1937-1938 гг. было вынесено 681 692 смертных приговора; за неполных 15 лет до ареста Л.П. Берия было приговорено к высшей мере наказания 54 253 человека; за вычетом 42 149 человек, уничтоженных таким образом в 1941-1945 гг., остаётся 12 104: получается, что за один год, если разделить на десять, при Л.П. Берии было расстреляно 1 204 человека, если на 15, то цифра составит более 800; при Ежове – 340 846 человек за один год.³⁶)

После смерти Сталина 27 марта 1953 года Президиум Верховного Совета утвердил Указ «Об амнистии»³⁷, а 4 апреля 1953 года был издан подписанный Л.П. Берия приказ МВД, запрещающий пытки и применение мер физического воздействия к заключённым. Именно Берия на президиуме ЦК КПСС предлагал широкую амнистию для политзаключённых, однако его предложения не приняли, и амнистия была объявлена лишь для уголовников. Вся обстановка принятия указов осталась загадкой, поскольку нельзя было даже вести личные дневники, которые могли стать предметом обвинительного заключения для любого партийного работника, да и разговаривать было нельзя – кругом шныряли доносчики. Именно доносы не позволили Горячеву развернуться и показать все свои организаторские возможности.

«Я не думаю, что те, кто всё это совершает, не знают об этом, однако ничего нельзя сказать в открытую – могут посадить в такие же места, где строилась и строится железная дорога 501-502-503... Время покажет и расставит всё на свои места...», – и для самоуспокоения и показа собственной значимости он пригласил в кабинет

³⁶ См. <http://gorod.tomsk.ru/index-1228319420.php> (01.02.2010).

³⁷ Там же.

заведующего отделом пропаганды и агитации. Ему хотелось как-то снять внутреннее напряжение и обозначить идеологические проблемы на обозримое будущее в этих, казалось, слабоуправляемых из-за больших территорий местах, которые могли вместить всю Западную Европу и где отсутствовали постоянные транспортные связи.

* * *

Как рассказывали те, кто вёл следствие по данному происшествию, зимние морозы и нехватка продовольствия приводили к людоедству. Раненых добивали свои же бежавшие заключённые, а затем съедали мягкие места, как это делали и делают людоеды где-нибудь в Африке. Из всех бежавших шестидесяти заключённых были уничтожены пятьдесят шесть. Оставшихся тогда в живых ранней весной по запаху разлагающихся тел нашли оленеводы, которые совершали ежегодное каслание³⁸ с севера на юг и наоборот в зависимости от времени года. Скрываясь от погони, из последних сил во время вьюги дотянули «счастливики» до временки и тут же заснули от навалившейся усталости. Пламя очага какое-то время ещё согревало жилище, но, съев дрова, медленно потухло, оставив только красные угли... Температура в тундре была ниже минус сорока с пронизывающим ветром, и тепло быстро улетучилось из ненадёжного пристанища...

³⁸ *Каслание* – кочевье оленьего стада. Словарь В.И. Даля: *Каслать* – кочевать, перекочевывать. На Севере России (Ямало-Ненецкий автономный округ) слово «*каслание*» применяется также иносказательно: (пример) «Каслание» праздника День оленевода. *Каслание* – это перекочёвка не оленьего стада, а стойбища (бригады, семьи) оленеводов. Стадо в это время может и не перекочёвывать. Но ритм и продолжительность перекочёвок стойбища определяется состоянием оленьих пастбищ, их способностью прокормить животных. Как только эта способность утрачивается, возникает необходимость в смене пастбищ и, следовательно, в каслании.

Все оставшиеся в живых беглецы продолжали крепко спать, прислонившись к стенкам этого временного жилища, и никто из них уже не проснулся, оставшись лежать, крепко друг с другом обнявшись на холодном полу быстро промерзающей избушки с берестяной крышей.

Преследовавшие беглецов специально высаженные с самолета лыжники пересчитывали всех расстрелянных по головам, видневшимся из-под снега, как собственную добычу на охоте.³⁹ Расправа над совершившими этот дерзкий побег должна была стать назиданием для других, притом что политическая ситуация в стране в виду болезни И.В. Сталина складывалась напряжённая.

«Сейчас хоть ставят нас в известность, раньше и этого не было, — рассуждал первый секретарь обкома КПСС. — Ведь уже было три восстания, в основном политзаключённых, — два в Салехарде (в 1948-м и 1950-м) и одно в Сеиде (в 1948-м). Ох, и крови же там было пролито, как сообщали по своему «телефону» сами заключённые, были сотни расстрелянных, и эти данные совпадают с теми, что скупо специальной связью по служебной почте в печатном виде ежемесячно предоставлялось в то время в обком партии под грифом «особо секретно». Как же мы грядущим поколениям в глаза будем смотреть? Не знаю, что и сказать... Вон, даже и свои сотрудники на работу бегут, боятся опоздать на работу — это ведь сталинская закваска, а до обкома четыре километра и транспорта почти нет. Да что там говорить, и в городе тоже маловато транспорта, поэтому на работу все выходят заранее, чтобы не опоздать и не вызвать общего недовольства...»

³⁹ Записано по воспоминаниям Максима Александровича Мироновича, работавшего заведующим по снабжению, вольнонаёмным сотрудником на стройке 501. Записано в г. Тобольске в 1967 г.

Он ещё раз подержал в руках итоговые документы по результатам подавления восстаний и постарался воспроизвести в памяти информацию, которую он знал и о которой ему приходилось молчать, чтобы не попасть в те самые места, о коих он узнавал понаслышке...

* * *

В 1946-1947 гг. и в 1949 г. в ГУЛАГ были отправлены большие потоки политзаключенных всех категорий. В результате в особых лагерях, созданных постановлением Совмина СССР от 21.02.1948 г., где концентрировались «особо опасные» политзеки, возникли организованные группы, потенциально готовые к восстанию.

Поэтому начиная с 1946 г. лагерные восстания следуют одно за другим. Во многих случаях восставшие делали попытку уйти из лагерей и организовать на близлежащих территориях партизанскую борьбу: коммунистический режим сталинского послевоенного образца на самом пике своего силового развития по всей стране не оставлял им иного выбора, как взяться за оружие.

Вот весьма неполный перечень восстаний

в 1946-1952 гг.:

1946 г. – Колыма, Джезказган (Казахстан);

1947 г. – Усть-Вымь (Коми), Джезказган, Колыма, Арзамас-16 (Саров), Воркута, Игарка (два последних выступления были подавлены силами уголовников, позднее расстрелянных чекистами);

1948 г. – Салехард, Печора, Сеида, Колыма (Ягодное);

1949 г. – Колыма («Эльгенуголь»);

1950 г. – Салехард, Тайшет, Колыма;

1951 г. – Джезказган, Сахалин, Красноярский край;

1952 г. — Вожаель (Коми АССР), Молотов (Пермь), Красноярский край, Экибастуз (Казахстан), Тайшет.

Общей чертой всех этих выступлений было то, что их участники могли рассчитывать на успех лишь в случае массового освобождения своих товарищей из других лагерей. Самыми распространёнными лозунгами были: «Долой тюрьмы и лагеря!», «Требуем вернуть нас к нашим семьям!», «Слава Коммунистической партии!», «Да здравствуют мир и дружба всех народов!». Помимо экономических требований, общими для всех лаготделений стали такие пункты, как: пересмотреть дела политзаключённых; наказать виновников произвола — работников МВД — МГБ; отменить ношение номеров на одежде; снять с окон бараков решётки и с дверей замки; не ограничивать переписку с родными одним или двумя письмами в год; отправить «на материк» инвалидов, больных, женщин и стариков; вывезти на родину иностранцев; отменить бесчеловечные наказания; прекратить расстрелы и произвол в лагерях и тюрьмах; отменить решения Особого совещания как неконституционного органа; прекратить пытки на следствии и практику закрытых судебных процессов; организовать пересмотр дел всех политзаключённых; освободить и реабилитировать заключённых — участников или жертв Великой Отечественной войны; отменить 25-летние сроки заключения; освободить осуждённых за происхождение (дворян, детей кулаков и т.п.), а также тех, кто до 1939 г. не имел советского подданства, осуждённых за намерения, по подозрению, а не за действия...⁴⁰

---

⁴⁰ Александр Штамм. Кенгир как конец сталинского ГУЛАГа // Посев. — 2004. — № 6.

* * *

В Сеиде восстали заключённые на стройке 501 (железная дорога Сеида – Лабытнанги) под руководством некоего Воронина. Восстание это было жестоко подавлено: сотни людей расстреляны; по некоторым данным, против повстанцев было применено химическое оружие, что привело к гибели нескольких тысяч человек. Зная о внедрении агентуры в свои ряды, восставшие взяли на вооружение опыт подпольных организаций (НТС, УПА). В этих восстаниях сумели объединиться многие этносы существовавшего тогда СССР (русские, украинцы, белорусы, евреи, литовцы, эстонцы, латыши и др.).

Как стало впоследствии известно, сначала трое заключённых стали готовить побег на Запад – для информирования мировой общественности о том, что творится в ГУЛАГе и в СССР в целом. В ходе этой подготовки западным украинцам-самостийникам и русским удалось найти общий язык. По докатившимся до других лагерей ГУЛАГа слухам, многие восставшие были участниками войны, либо партизанского движения в Западной Украине или в других западных районах СССР, присоединённых в довоенное время.⁴¹

Фронтовики, прошедшие дорогами войны тысячи километров, сдаваться не захотели, но и в лагерях отбывать по двадцать или пятнадцать лет тоже не желали. Они хорошо владели не только оружием, но и приёмами рукопашного боя. Так просто взять восставших становилось невозможно: у них был опыт военных действий, имелись захваченное автоматическое оружие и продовольствие, а также огромное желание получить свободу.

⁴¹ Александр Штамм. Кенгир как конец сталинского ГУЛАГа // Посев. – 2004. – № 6.

Начальник ИТЛ № 1 (того самого, в котором больше всего погибло заключённых в лютые морозы на обжигающем ледящем ветру при обустройстве строительных площадок) наблюдал, как военные подтягивают необходимые войска. Подавление восстания было жизненно важным для него и его семьи. В его глазах все восставшие были уже мертвы.

«Отсутствие компромисса приводит к применению грубой силы», — произнёс стоявший рядом с полковником сержант. Через минуту полковник внутренних войск дал команду приготовиться к бою — подчинённые открыли по восставшим пулемётный огонь, косивший всех, кто взялся за оружие, а по снегу в бой двинулись воинские подразделения, прибывшие ранее авиацией и по железной дороге. Все опасались прорыва восставших в сторону Салехарда, однако атака наступавших быстро захлебнулась. Бывшие заключённые, умело меняя свою позицию, стреляли из автоматического оружия перекрёстным методом, поэтому из наступавших на них остались в живых лишь лежавшие на снегу раненые да вовремя укрывшиеся за деревянные стены уже постаревших бараков солдаты. День прошёл в перестрелках и в попытках уговорить восставших, но это ничего не дало.

«Да куда же вы идёте и стреляете — ведь это же смерть для вас!», — выкрикнул бывший полевой разведчик, прошедший немецкий плен и нечеловеческие унижения в фашистском концлагере и в лагерях ГУЛАГа.

Рядом с ним, медленно оседая и окрашивая снег крапинками крови, валился один из руководителей восстания — седой политический заключённый, у которого на свободе уже выросли без него дети. Он был в своё время партийным работником, знавшим немецкий язык, что и решило его дальнейшую судьбу. Перед уходом на фронт

он подарил портсигар своему другу по партийной работе. Во время восстания он не стал стрелять в наступающую цепь, так как в бинокль увидел среди наступающих своего родного сына, которого видел в последний раз восемь лет назад, когда лежал в госпитале недалеко от родной деревни. Парень вытянулся и возмужал, и отец, расчувствовавшись, забыл, где он находится: «Сыночек, сколько же лет я не видел тебя и не ласкал твоих кудрявых волос. Да ложись ты на снег, не то и убить могут!». Пули многократными фонтанчиками взорвали снег у самых ног идущих цепью на восставших. Наступающий в цепи военных в белых полушубках военного образца его родной, уже взрослый и красивый, взявший внешне всё самое лучшее от отца сын выстрелил по выбранной живой цели, как учили его на стрельбище, и пуля наискось пробила отцу в зековской одежде позвоночник и зацепила лёгкое – кровоточащая рана была смертельной...

В ушах писателя, стоящего под пронизывающим холодным северным ветром через 50 лет примерно на том месте, где кипел бой между восставшими и внутренними войсками и где умирал зек от пули родного сына, звучали слова:

Всё теперь против нас, будто мы и креста не носили.

Словно аспиды мы басурманской крови.

Даже места нам нет в ошалевшей от горя России,

И Господь нас не слышит – зови, не зови.⁴²

Падающие с неба снежинки ласково накрывали глаза некогда любимому отцу и мужу, бывшему партийному работнику, честно, как он понимал, исполнявшему в своё время все решения партии и правительства и своей

⁴² Четверостишие из стихотворения Юрия Борисова «Белая песня» (1967-1968 гг.).

смертью словно вопрошавшему живых: «Каков смысл жизни при отсутствии свободы?..».

Никто не хотел отступать, тем более что восставшие имели бóльшую военную выучку, чем наступавшие. Один из восставших мог противостоять целой дюжине необученных солдат. В рядах тех, кто взбунтовался, временно в одном строю оказались бывшие полевые разведчики Советской Армии военного времени, бывшие военные и националисты Западной Украины и даже иностранные солдаты – узники лагерей. Вот тогда-то и было принято решение о применении химического оружия с авиации – во избежание напрасных потерь среди личного состава воинских подразделений, где держали в своих руках винтовки и автоматы не успевшие повзрослеть мальчишки, пришедшие со школьной скамьи...

* * *

Первый секретарь обкома Фёдор Степанович Горячев достал папиросу «Казбек» из портсигара (подарок друга, прошедшего всю войну и сгинувшего по доносу где-то в лагерях ГУЛАГа, вполне возможно, здесь, на севере Тюменской области), размял её пальцами, для порядка постучал ею по серебряной крышке и задумался, к чему же все эти восстания могут привести и что будет дальше со страной. О плохом думать ему не хотелось: народ и так уже был изрядно уставшим от различного рода довоенных и послевоенных экспериментов. Да и он сам мог в любую минуту быть арестованным: только скажи об этом портсигаре и о дружественных отношениях с арестованным партийным работником – он бы давно, очевидно, не был на этом месте, а где-нибудь на северной дороге или на Соловках. Придётся сживаться временно

со всеми этими явлениями в жизни. Однако как долго всё это будет продолжаться, он не знал.

Очевидно, сведения о восстаниях распространялись по всем «островам» ГУЛАГа, побуждая людей к борьбе, но здесь напрашивается вопрос: против кого в стране они направлены? И он не нашёл ответа для себя. Против таких, как он? Но что он сделал плохого людям в этом мире? К тому, что делается за стенами Кремля, он, кажется, никакого отношения не имеет, разве что приходится выполнять их распоряжения, но ведь он эти указы не пишет. Значит, всё происходящее на Севере направлено против руководства страны – то есть и нас не оставят в покое. Однако не верится, что оно, это руководство, вот так просто отдаст власть да ещё неизвестно кому... Альтернативы И.В. Сталину всё равно нет и в ближайшие пятьдесят лет не будет: силы в обществе для этого нет, оно надорвалось и экономически, и политически, а это значит – всё будет по-старому, даже если будет много освобождённых из лагерей.

Хотя на девятнадцатом съезде партии, как многим показалось, И.В. Сталин сидел, явно о чём-то задумавшись, – скорее всего он начал понимать, что не вырастил себе разумную замену⁴³... Он видел перед собой серую однообразную всегда подстраивающуюся массу, отсутствие личностей сильных и властных, способных ещё раз сделать с народом и партией примерно то, что он сам сделал.

«Да, дважды история не повторяется, для этого необходимо, чтобы пришло кризисное время и таких, как я, попросили бы прийти к власти. Двадцать пять или тридцать лет нахождения у власти для русского народа –

⁴³ Такая информация прозвучала в документальном сериале о Второй мировой войне. – Телеканал «Спас», 93-я серия, 11.10.2010 г.

ничто, он просто не успеет осознать и вместе с этим поумнеть. И будет только игра подставных личностей в большую политику, — но уже потом, после меня. Лаврентий Павлович Берия здесь не останется безучастным — этот всё перевернёт, в интригах он силён. Маршал Жуков силён как военный, но не политик. Вот только бы сохранить засекреченность архивов! Зачем и кому необходима эта осмысленная история?..», — постепенно теряя жизненные силы, проговорил для себя вождь всех народов.

И здесь, в северном регионе, на краю земли, как бы в подтверждение раздумьям первого секретаря обкома партии, возникли мерцающие в сознании ещё не обдуманые до конца первоначальные выводы: «Восстания вызвали серьёзный кризис в руководстве ГУЛАГа и усилили кризис власти в стране, проявившийся в непрерывных кадровых перестановках, которые происходили на территории области».

* * *

Весной 1953 года в тундре стояла ещё вполне зимняя погода с обычными уже весенними перепадами температуры. В исправительно-трудовых лагерях на «мёртвой дороге» чувствовалась какая-то перемена: заключённые интуитивно что-то ощущали, но что конкретно — никто сказать не мог. Наконец, в один из мартовских дней всех выстроили и объявили о смерти И.В. Сталина. Стояла такая тишина, которой за всю свою надзирающую деятельность никто из сотрудников трудовых лагерей никогда не слышал и не знал, что такое возможно. Колочий мартовский ветер, неся снежные хлопья липкого снега, порывами, словно пикирующая птица, со свистом

пролетал вдоль неподвижно застывшего строя людей, видавших в своей каторжной жизни многое, но впервые услышавших такую весть, и заставлял сильно, с ощущением горечи и утраты, трепетать приспущенное полотнище государственного флага СССР с чёрными траурными лентами. Не было слышно в рядах стоящих сочувствия или злорадства, не было и вздохов надежды на освобождение. Неожиданное известие многих ввело в состояние временного шока... Стоящих в шеренге распустили по баракам, они шли медленно, ещё не осознав до конца, что же всё-таки произошло в стране, за перегородками бараков по поводу этого начались перешёптывания... У многих начался кожный зуд от нервного перенапряжения, кто-то в шоке забился в угол...

Для определённой части заключённых всё-таки вспыхнула некая надежда — особенно это коснулось иностранцев, которые отбывали сроки в советских лагерях ГУЛАГа, и, как показали последующие события, амнистия коснулась их на общих основаниях. Многие из тех, кто был осуждён на большие сроки, будто предчувствовали, что им уже никогда не вернуться в родной дом, либо они вернуться туда уже дряхлыми стариками — ведь те, кто устроил им такую «жизнь», не очень-то захотят иметь свидетелей на свободе. В конечном итоге так и получилось.

Александр Штамм в своей статье «Кенгир как конец сталинского ГУЛАГа» писал: «В третьем лаготделении имел место очень яркий пример самопожертвования. У одного заключённого, бывшего капитана румынской армии, срок заключения кончился именно в разгар борьбы. Его вызвали для оформления документов. Но, подойдя к проходной, он заявил: «Так как мой срок заключения закончился, я не принимаю участия в этой борьбе.

Но до её окончания я не могу выйти из зоны, так как не хочу нарушить установленного моими друзьями принципа неповиновения и не хочу вызывать зависть у тех, кто остаётся за колючей проволокой...» (За своё благородство румынский офицер заплатил жизнью...).

После смерти Сталина его преемники были вынуждены пойти на смягчение режима. В этих условиях с подачи Л.П. Берия ПВС 27.03.1953 г. принимает указ об амнистии для осуждённых, но лишь по неполитическим статьям УК. Режиму необходимо «разгрузить» лагеря, чтобы получить рабочую силу для военной промышленности. Но из-за хаоса, царившего в администрации уголовных лагерей, среди примерно 1 млн. 180 тыс. амнистированных оказалось немало профессиональных уголовников»⁴⁴.

Такая амнистия вызвала бурю возмущения в лагерях. Не дождавшись свободы, политические подняли восстание в 1953 году — за три года до начала работы XX съезда партии. Против них были выдвинуты имевшиеся в тех местах бронетранспортёры, и в тундре раздавались пулемётные очереди...

А после наступившей тишины под завывание и стоны пролетающего ветра на своё пиршество собрались четвероногие серые хищники, которых после изобилия пищи в эти зиму и весну выжило весьма много. На следующий год приплода от волков было ещё больше, так что для их отстрела вынуждены были применять авиацию, а на добывание и дополнительный пересчёт трофеев по мёртвым или ещё подающим признаки жизни волчьим головам, видневшимся из-под снега, — для получения различного рода премий военным и лагерным руководством за

⁴⁴ Александр Штамм. Кенгир как конец сталинского ГУЛАГа // Посев. — 2004. — № 6.

их уничтожение — с самолётов высаживались «десантники»...

* * *

«Надо бежать, лучшего времени для побега нам не найти — руководство не знает, что дальше-то делать. Нам многим амнистия не светит, я осуждён на пятнадцать лет за измену Родине, хотя всего-то был в плену два с половиной года... Ты на двадцать пять лет, добавили тебе и по классовому происхождению, многие на «десятку» схлопотали... Дождаться свободы, отбывая срок, — это то же самое, что медленно рыть себе глубокую могилу в вечной мерзлоте с расчётом, что стенки её обвалятся и ты выберешься на свободу...», — выпалил мужчина, по внешнему виду имевший определённые организаторские способности, начинавшие «тухнуть» в лагерной среде.

«Что предлагаешь?», — спросил тот, у кого срок отбывания был двадцать пять лет.

«Побег нужен, более удобного случая не подвернётся. Только вот надо бы подготовиться к нему, тем более что продуктов теперь стали давать намного больше, чем раньше».

«А дальше что? Куда бежать и кто нам может помочь?», — спросил собеседник.

«Имеются два пути следования до Оби с последующим переходом по Уралу, и при условии преследования нашей группы необходимо предусмотреть выход на реку Аган, а там спустимся вниз по течению на плоту — всё-таки не топтать ногами по земле да болотам, но есть опасения, что в устье Агана нас будут поджидать...»

«А если начнут искать, тогда что?», — продолжал допытываться второй.

«Тогда заляжем в лесах и будем пережидать. А пережидать есть что: сидеть сложа руки — значит мотать себе дополнительно в Воркуте более пятнадцати лет, не отсиженных в лагерях. Так что ничего не остаётся, как соглашаться на эту перспективу».

«Да, но нас так просто не отпустят — стрелять будут», — произнёс кто-то из присутствующих.

«А ты думаешь, проще гнить на угольных шахтах Воркуты и зарабатывать болезнь лёгких, от которой ты всё равно никуда не уйдёшь... И домой в лучшем случае пришлют весточку, в худшем — вообще ничего не сообщат. Вот и всё! А так... все охранники боятся за свою шкуру и не знают, что делать... Пока идёт эта неразбериха, надо уходить и притом без кровопролития, никого не зацепить и не убить. Вот только проблема в том, что у нас нет оружия для охоты на зверя, а без него нам в тундре и в тайге вряд ли выжить...», — говорящий задумался, закурив самокрутку из махорки, пуская по привычке дымные круги под потолок.

«Может быть, кого-нибудь подкупить каким-то образом, чтобы запасное оружие, о котором забывают вовремя спросить с подчинённых, и, конечно же, продовольствие заполучить. Сделаем всё тихо — долго не хватятся, а может быть и вообще никто ни о чём не спросит, ведь наши же зеки дежурят на вышках, свои зеки...», — полушёпотом выдал кто-то из лежащих на нарах.

«Смотри-ка, своих нашёл! Да они продажные, тебя же и заложат!»

«Заложат — не заложат, а без них нам всё равно не обойтись! Ведь лучший способ побега — это бежать с поезда, и собаки долго след будут искать при условии команды на поиск, в чём я лично сомневаюсь по причине растерянности руководящего состава. Они и нас-то дер-

жат из-за страха — ведь семьи у них здесь проживают, чуть что — они первыми пострадают, так как безоружные, да и не умеют и не желают пользоваться оружием».

Все затихли, каждый разрабатывал разные версии побега для получения долгожданной свободы... Вот только кто из них дойдёт до неё — никто не знал, но каждый надеялся, что он непременно доберётся до безопасного места и устроится там в это не очень-то спокойное время.

Приказ об отправке заключённых как всегда пришёл неожиданно в конце апреля. Подошёл поезд, территорию окружили охраной с собаками. Всех заключённых вывели и строем заводили в вагоны-теплушки, где было так тесно, что поворачивались с большим трудом. Однако люди уже знали, что стройка закрывается и все заключённые либо попадают под амнистию, либо продолжают отбывать свой срок на воркутинских угольных разрезах. Последовала команда, и теплушки поезда-товарняка были захлопнуты за исключением воздуховодов. Состав двинулся до следующего перегона, где должны были посадить следующую партию заключённых.

Поезд двигался медленно... На одном из поворотов в крайней теплушке приоткрылась дверь и оттуда начали выскакивать заключённые, кому нужно было сидеть более пятнадцати лет, а жизнь в заключении давно надоела и им лучше было умереть, чем дальше быть в лагерях, и они хватали своими лёгкими воздух хотя бы временной добытой ими свободы. Всего набралось более двадцати пяти человек, все остальные отказались бежать в надежде на предстоящую амнистию, а самое главное — они дорожили остатком жизни и надеялись вскоре вернуться домой. Среди бежавших были заключённые всех мастей — от политических до уголовников — таков был временный

союз двух несовместимых позиций, окрашенных кровью погибших людей в борьбе за совсем различные жизненные цели.

Организатор побега, бывший военный, до конца своей трагически окончившейся жизни остался верен своим словам и убеждениям: «А что мы в лагерной своей жизни теряем, если нас убьют во время побега или расстреляют перед строем эков? В чём разница: что мы сдохнем от истощения и от тоски по утраченной навсегда свободе завтра-послезавтра или умрём через несколько часов сегодня как беглые – под автоматные очереди охраны лагеря?.. Пусть оставшиеся в вагоне ждут от волка свободы!», – крикнул выпрыгнувший последним и матюгнулся, а паровоз вместе с вагонами уполз вдаль. Дымный чад ещё долго висел над полотном недостроенной железной дороги. Бежать ближе к Оби они не рискнули в виду того, что ближе к реке усиливалась охрана заключённых.

* * *

По амнистии 1953 года после переезда в Воркуту и в другие лагеря ГУЛАГа со строек №№ 501, 502 и 503 были частично отпущены на свободу тысячи людей – и не только политических заключённых. Всего было вывезено около пятидесяти тысяч эков и столько же свободных, работавших по контракту вместе с членами семей. Сотрудники милиции и военнослужащие внутренних войск вместе со средним руководящим составом трудовых лагерей организованно стремились обеспечить отправку всех бывших заключённых на места их постоянного проживания. Своевременно всем были закуплены железнодорожные билеты, на станциях было организовано

круглосуточное дежурство ответственных за отправку амнистированных, что позволило в целом относительно чётко отправить всех на свои места проживания. Создавалось впечатление, что после смерти И.В. Сталина Л.П. Берия стремился настроить народ на то, что именно он принял все меры для проведения амнистии, и возразить ему было невозможно.

Что стало с другими оставшимися бывшими заключёнными – никто точно сказать не может. Даже Обской ИТЛ, находившийся в месте дислокации возле Салехарда, имея задание вести строительство между 168-м и 300-м километрами, испытывал трудности с организованным перевозом заключённых. Местные власти дали команду органам внутренних дел быть в состоянии повышенной готовности для возможного пресечения различного рода провокаций.

* * *

Самостоятельно заполучив долгожданную свободу, беглецы на первом же переезде спокойно награбили себе продуктовые запасы и лежащую в складских помещениях спецодежду и двинулись дальше к свободной жизни. Основная часть освободившихся после побега людей находилась за сотню километров от Салехарда и двинулась в сторону самого крупного населённого пункта на трассе строящейся железной дороги – посёлка Тазовского.⁴⁵ После этого они должны были продолжить движение с последующим выходом на берег Оби возле начала стройки у населённого пункта Лабытнанги, однако в сам посёлок заходить было нельзя из-за опасности быть арестованными.

---

⁴⁵ Записано по воспоминания Б.С. Ципко, г. Ханты-Мансийск, 22.03.2009 г.

Далее всё зависело от того, будут ли преследовать их специально подготовленные для этого подразделения. Всем следовало, по замыслу организаторов, уйти на реку Аган, что несёт свои холодные воды с севера на юг и впоследствии впадает в Обь, однако там наверняка их будут поджидать сотрудники внутренних войск с правом открывать огонь на поражение.

* * *

«Ох, и не лёгок был этот путь к долгожданной свободе», – с горечью вспоминали сумевшие дойти, преодолевая все трудности, до родного очага, где их уже и не ждали, а многие, не дождавшись, создали новые семьи, учитывая горький опыт предыдущих поколений.

Десятилетиями после амнистии все вышедшие на «большую землю» бывшие заключённые перед уходом на пенсию разбирались в своих трудовых книжках, где не было записей о работе на стройках № 501 и № 503, так как данные об этом были засекречены и находились и находятся в архивах по вопросам строительства Печёрской железной дороги.

Получали ли заключённые вольную без побегов? История стройки говорит, что такое случалось, но чрезвычайно редко и связано было с важными событиями в исторической жизни государства. Как вспоминали сами бежавшие, одна из таких «вольниц» была проведена накануне 7 ноября. Ведь тогда было почти узаконено рапортовать о трудовых успехах к дню Великой Октябрьской социалистической революции или к открытию очередного партийного съезда...

* * *

Год тысяча девятьсот пятидесятый выдался, как никогда, очень холодным. Уже в октябре Обь покрылась тонким слоем льда, который, однако, не набрал ещё достаточной толщины из-за малого количества морозных дней. Поэтому начальство лагеря дало команду: поверх ледяного покрывала реки положить шпалы и рельсы, наморозив перед этим дополнительный слой льда. Ширина реки в этом месте составляла около шести километров. Нужно было к празднику Октября перегнать на другой берег реки паровоз — для того чтобы начальство смогло рапортовать в Москву о начале работы «ледяной железной дороги через Обь». Начальник исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) № 1, располагавшегося неподалёку от Салехарда, в военном порядке собрал своих заместителей и приказал через своих осведомителей найти смельчаков, которые могли бы справиться с поставленной задачей.

«Время для сбора информации — сутки и не больше, — приказал он. — Я знаю, что вы владеете данными о том, кто в карты играет и кого проигрывают и как часто. Мне нужна работа другая — в ознаменование Великого Октября, задание политическое. Отрицательные ответы не принимаются. В случае невыполнения приказа будет проведено служебное расследование, а вы знаете, чем всё это может закончиться для каждого. Многие из вас просмотрели документы о восстаниях прошлых лет. Да объявите заключённым, что после успешно выполненного задания всем будет выдана порция свежемороженой рыбы ценных пород. Выполняйте приказ!»

Все вышли молча, кто-то нервно потянулся за папиросой, зная о том, что их может ожидать впереди... Смель-

чаков среди вольнонаемных не нашлось, тогда начальник лагеря приказал выстроить всех заключенных.

(«И до чего же этот случай напоминал события в концентрационных лагерях нацистской Германии⁴⁶ во время Второй мировой войны⁴⁷», – воспроизвёл писатель в своей памяти сцены, встречавшиеся в произведениях разных авторов, описывающих военное время.)

«Машинисты есть? Два шага вперёд!», – скомандовал сам начальник лагеря и стройки.

Из строя вышло несколько человек.

«Кто перегонит паровоз на тот берег, тому – вольная», – добавил начальник.

Откликнулся лишь один. Весь строй заключённых повернулся к нему, словно прощаясь с ним. Однако он так по-юношески любил свою молодую жену – самую красивую для него на свете женщину, – что решил рискнуть, чтобы вновь встретиться с ней. Ценой служила ещё полная сил и энергии молодая жизнь, которая, как и всё живое на земле, стремилась к любви, красоте, уважению и... продолжению человеческого рода.

На берегу заключённый, подойдя к паровой машине, перекрестился и залез, как обычно он делал в своей свободной мирской жизни, в паровоз, в машинное отделение. Уже стоя в тамбуре, полном первоклассного воркутинского угля, привычно для себя осмотрел знакомые приборы, подбросил в жаркую топку угольку, поддал пару, чтобы на короткой дистанции разогнать паровоз и... двинулся вперёд. Паровоз, сильно зачадив дымом и свистящим паром, дёрнул с места. И так покатил, что к моменту выезда на лёд набрал скорость свыше пятидеся-

⁴⁶ См. Шолохов М.А. Судьба человека: повесть // Правда. – 31.12.1956 г.; Дон. – 1957. – № 1.

⁴⁷ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. – М.: ОЛМА медиа групп, 2010. – С. 305.

ти километров в час и продолжал с ускорением мчаться навстречу смертельной опасности по ровной железной дороге, сваренной из старых, ещё военного прошлого рельсов. Однако на середине реки лёд начал пугающе с грохотом трескаться и ломаться, машину несколько раз сильно дернуло и качнуло, когда по сторонам от паровоза стал обваливаться лёд, где заканчивались брёвна. Паровоз держали рельсы и шпалы, запас плавучести насыпанных и вмороженных брёвен да приличная скорость, уже перевалившая за восемьдесят километров в час... Машинист настороженно выглянул из кабины паровоза на лёд Оби и обомлел: обская тёмная пучина, как голодная волчица, поглощала убегающие за паровозом шпалы и рельсы, угрожающе подбираясь к нему. Машинист, побледнев, добавил пару, насколько это было возможно, и с надеждой взглянул вперёд – на приближающийся берег.

«Дотянуть бы побыстрее до него...», – мелькнула мысль.

Осталось тридцать метров... двадцать... И вот долгожданный заснеженный берег, ещё не успевший почернеть от дыма паровозов. Заскрипели резко включённые тормоза, и паровоз, по инерции проскользив по старым рельсам пару сотен метров, остановился. Машинист соскочил на снежную насыпь, упал и, обняв холодную мёрзлую землю, заплакал... Вскоре прибежали запыхавшиеся конвоиры – для контроля и охраны.

На следующий день после подвига машиниста – перегона паровоза на другой берег Оби – начальство лагеря по телефону рапортовало Сталину о новой трудовой победе на стройке № 501 к празднику Великого Октября⁴⁸.

---

48 <http://kominarod.ru/php/news/newsntw.phtml?id=6523&cidntw=40019&start=105>

Начальник лагеря Барабанов слово сдержал и смельчаку И. Юровнику⁴⁹ в тот же день выписали «вольную», сократив срок пребывания на зоне на десять лет. Затем, получив от начальства лагеря приобретённый билет (с проездом через город Киров), он долго ехал на поезде по той самой голой и заснеженной тундре, где провёл столько голодных и холодных лет. Ему купили, очевидно уже зная все тонкости возвращения домой, место на верхней плацкарте, чтобы лишний раз не показываться внизу и не столкнулся с представителями правоохранительных органов. Однако один раз патруль всё же потребовал у него документы для проверки, долго их рассматривал и вернул, предупредив ещё раз о том, что в крупных городах ему находиться и жить не положено. Кондуктор многократно подносила горячий чай с кусочками сахара-рафинада, а он брал их дрожащей рукой и бережно опускал в чай. Только здесь кондукторша заметила, что одежда у пассажира зэковская...

Во сне ехавший часто переворачивался на своём месте, ночью не раскладывал тёплое спальное бельё и по всем приметам ему просто было жарко, а когда среди ночи становилось вовсе душно, он молча вставал и выходил в тамбур, закуривая в нервном напряжении папиросу за папиросой «Беломорканала».

Выходивший на перекуры молодой солдат, получивший за какие-то боевые заслуги право дополнительного отпуска словно выдавил из себя: «Вы сидели, а мне, наверное, приходилось вас охранять там – на далёком холодном Севере...». После этого он долго, очевидно размышляя о своём, холодно смотрел своими зелёными глазами в сторону освободившегося из мест отбывания

⁴⁹ http://www.mk.ru/social/article/2009/07/12/317876_prizrak-mertvoy-dorogi.html (30.01.2010).

наказания. И трудно было понять, чего в них больше было – жалости и сострадания или жесткости, хотя сострадать в его возрасте он ещё и не научился...

Прибыл «счастливчик» домой через пятнадцать дней, словно прячась от всех, кто на него мог посмотреть, хотя его никто не ждал в городе. На перроне вокзала Тюмени в три часа ночи прозвучал заспанный женский голос дежурного по вокзалу: «...поезд номер один Москва – Владивосток прибывает на первый путь...». Но через пару секунд тот же женский голос, будто проснувшись и спохватившись, молвил в репродуктор: «Что я там сказала, ведь у нас всего два пути?!».

Толпа горожан пятидесятитысячного областного центра (*а в лагерях на севере области было почти в три раза больше в основном политических заключённых. – Б.М.*) уже вышла на перрон вокзала, построенного в начале двадцатого века, для встречи своих знакомых и родных.⁵⁰ Увидев людей, прибывший из мест заключения вдруг вспомнил первый послевоенный год, когда часто на улицах находили людей, измождённых от голода или длительного недоедания⁵¹. На этом воспоминания о свободной жизни в городе прервались...

Поздно ночью после пешего путешествия по зимним заснеженным улицам уже давно забытого, но узнаваемого города, в котором прошли его детство и юность, освободившийся из лагеря подошёл к подъезду дома на улице Республики, поднялся на второй этаж и дрожащей рукой, которая не делала этого более пяти лет, на-

⁵⁰ Записано по воспоминаниям А.П. Вагина, бывшего машиниста паровоза железнодорожного депо станции Тюмень Свердловской железной дороги 07.12.1971 г.

⁵¹ Всего в стране в первые полтора года после окончания Великой Отечественной войны умерло от голода более двух миллионов человек. – Телеканал «Спас», очередная серия о Второй мировой войне, 25.09.2010 г.

стойчиво позвонил в квартиру. С надрывом зазвенел ещё довоенный звонок, не останавливаясь ни на мгновение — казалось, он так сильно и таинственно подзывал хозяйку побыстрее подойти к двери и открыть её, что та не удержалась...

«Да кого там ещё ночью принесло?» — послышался за дверью усталый красивый женский молодой голос.

* * *

Вся страна знала о том, что ночные звонки означали: за кем-то приехали на чёрном «воронке», и поэтому все слышали, особенно соседи и те, кто приехал, как жильцы, за кем приехали, говорили очень громко: «И кто же это приехал, я ведь всегда был (была) за советскую власть, всегда всем помогал (помогала)?!». За дверью, конечно, всё слышали, но продолжали звонить. Ситуация со звонком становилась критической.

В стране существовал определённый романтизм работы следователя, ведущего дела по мелким воришкам: при раскрытии дела такого преступника трудовой коллектив брал на поруки, и этим дело обычно заканчивалось... Но нельзя было рассказать даже маленький политический анекдот — за него сажали и надолго...

* * *

Сколько же раз он представлял себе эту встречу, заглядывая в карие со слезами радости глаза своей любимой, но так всё это представить не мог... появлялись мужские слезинки, беззвучно застилавшие ему глаза... Когда его любимая, почти спящая на ногах, решительно превозмогла свои страхи и открыла скрипнувшую дверь,

то увидела прибывшего «с того света» на пороге собственного дома. От радости хозяйка квартиры, построенной ещё до революции, бесконечно заикаясь от неожиданности, на несколько мгновений потеряла дар речи...

Всю свою сознательную жизнь он курил только «Беломорканал», но тут ему в нос ударил почти незаметный запах незнакомого табачного дыма... Когда прошли в комнату, она, немного смутившись, начала что-то передвигать в белье, а он, не обращая внимания, молча рассматривал личико его уже подросткового сынишки. Руки его дрожали даже больше того, что он мог почувствовать при переезде на паровозе на полной скорости через реку Обь, когда чёрная обская вода быстро наступала, бушуя под колесами и стремясь проглотить его и паровоз в свою пучину. Ему показалось, что он никуда отсюда вообще не уезжал и всё, что с ним произошло, было просто продолжительным и насыщенным по событиям сном, который вот сейчас должен кончиться, а всё не кончался... Сознание его работало на встречу со своей любимой, а она что-то прятала и прятала в прихожей и в комнате, плакала, рыдала и стремилась прикоснуться к его щетинистому лицу...

«Милый, да как же ты смог добиться освобождения на столько лет раньше?.. Соседка вон получила похоронку на своего мужа — сгинул где-то в лагерях...», — и супруга продолжала рыдать на плече у мужа с очень рано поседевшей головой. Женщина с длинными распущенными красиво вьющимися волосами на голове продолжала почти кричать от счастья, крепко вцепившись руками в своего мужа, которого не видела уже пять лет, словно боясь того, что он опять исчезнет сейчас уже на все десять лет, и его место может занять уже очевидно навсегда нелюбимый мужчина — просто потому, что по

природе у женщины или мужчины должна быть рядом «вторая половинка»...

Однако получивший свободу не мог войти в эту относительно простую и сложную теперь для него жизнь: за пять лет ГУЛАГа он забыл, что такое борщ, и не смог себе представить, как он пойдёт на рынок и будет покупать петрушку, укроп, яблоки и многое другое...

Через неделю после возвращения домой он пришёл в своё депо и попросился на работу... Мастер помолчал, испытующе рассматривая пришедшего к нему...

«Очевидно, они уже знали всё о моей судьбе...», — подумал получивший свободу ранее положенного для этого срока.

«Извини, но места для тебя нет, и ты хорошо знаешь почему...», — ответил мастер.

После этого свободный человек ушёл работать на разгрузку вагонов, а ночью всегда работал сторожем — вот так и шло время. Утешало его только то, что любимая супруга, несмотря на долгое его отсутствие, сохранила уравновешенное чувство женственности и её не давило ощущение быть только домашней хозяйкой. Возможно поэтому постепенно у него прошло ощущение нервозности при встречах с женщинами... Однако по ночам у него болела поясница и не давала спать — сказывались перенесённые жизненные испытания: голод, холод и мужское одиночество, которое длилось годами, а ему казалось — десятилетиями...

* * *

«Надежда на то, что нас кто-то всё-таки ждёт, брала верх над трудностями и постоянно толкала вперёд», — говорили через десятки прошедших после возвращения

лет те, кого дождались и кто выжил, пройдя весь этот кромешный ад.

Кто-то после побега получил с горем пополам совсем другие документы и вышел из нелегального положения, кого-то вновь отправили в ИТЛ на отбывание всех сроков наказания, а кто-то сгинул в дороге, либо утонул, либо погиб от пуль, либо просто умер от истощения и потери сил.

Многие о семьях уже почти не вспоминали, так как пробыли вдали от родных более пятнадцати лет с момента призыва в армию, и шли они молча, стремясь распределить оставшиеся силы. Первыми из числа сбежавших как-то незаметно, от нехватки сил, замёрзли во время движения, а чаще во сне, рано состарившиеся из-за болезней, полученных на строительстве железной дороги, ещё молодые по возрасту заключённые. Они оставались лежать под лучами холодного северного весеннего солнца в полученном ими свободном мире природы, полном непонятных или давно забытых, а сейчас уже и ненужных им ощущений, вдоль оттаявших от снега дорог и тропинок.

На запад от посёлка Тазовского в населённых пунктах, основанных ещё Петром Великим, оставшиеся в живых заключённые после длительного перехода по весенней местности, испещрённой проталинами и бродами через мелкие ручьи и речушки, наполненные холодной водой, двинулись, не наблюдая за собой погони, на Лабитнанги. Расчёт был прост – переправиться через реку Обь и уйти по Уральским горам на юг.

Голод сравнительно быстро в истощённом организме делал из человека во время движения животное, которое подчинялось только одному инстинкту – выжить, всё остальное забывалось быстро. Каждый боролся за свою

жизнь как мог, как во время пребывания в лагерном режиме, который они вряд ли смогут забыть на протяжении всех отведённых для них судьбой лет.

Одному Богу было известно, кто из вышедших от Тазовского в сторону Лабытнанги после этого длительного голодного перехода по тундре остался в живых и дошёл до намеченного в своих мыслях пункта, покрывая местность замёрзшими и с виду кажущимися улыбающимися и спящими человеческими трупами, застывшими в тундре под светящим весенними лучами солнцем...⁵²

Изредка пролетал самолёт, отслеживавший с воздуха пути движения сбежавших, а прятаться им в тундре было просто негде... И люди поняли, что побег может закончиться весьма трагично, но упрямо двигались вперёд – в надежде дойти до Оби и переправиться через неё, а там – леса вдоль поймы реки, где можно укрыться...

Подснежники, как маленькие дети, высовывали свои белёдые с синевой головки среди просевшего снега, в небольших проталинах северной промёрзшей земли с видневшимся мхом и ягелем... Они стояли, покачиваясь от налетающего ветра, и будто переговаривались друг с другом, удивляясь тому, что так много незнакомых людей в серых ватных телогрейках двигалось, шаркая ногами по ещё не оттаявшей сырой земле. Каждый цветок опасался, что его сомнёт чья-то грубая и непонимающая красоты нога бывшего арестанта в кирзовом сапоге. Подтаявший снег в тундре давал сырость, и под ногами земля превращалась в месиво, состоящее из подтаявшего снега, воды и тундровой почвы. Ноги намокали и хлюпали в сапогах, которые становились такими тяжёлыми, что невозможно было в них подняться и идти. Однако сбежавшие с поезда и присоединившиеся к ним такие же

⁵² Записано по воспоминания Б.С. Ципко, г. Ханты-Мансийск, 22.03.2009 г.

беглецы устало двигались на запад в сторону долгожданного дома; они знали, что сушить промокшие кирзовые сапоги им придётся несколько суток. Вдобавок ко всему им необходимо отсиживаться, набираясь сил и ожидая начала ледохода на Оби, в тех местах, где есть пища: прошлогодняя клюква, или рыба на нересте, или птичьи гнёзда.

Дрова по пути следования попадались редко и обычно лежали на берегах небольших речушек, принесённые сюда вешними тальми водами. Ежегодно по осени любая древесина, что попадалась на глаза коренным жителям тундры, распиливалась для запаса топлива на долгую снежную зиму.

Необычайно холодной казалась снежная вода, она обжигала ступни, которые от неё горели, как от пожара, кожа на ногах становилась ярко-розово-красной. От просевшего снега появились углубления по обе стороны протоптанной дороги, и неровно исковерканной солнцем и ветром линией возвышались над людьми снежно-земляные глыбы, в них-то и были видны проходы, которыми пользовались идущие на запад и именно это не позволяло вести с самолёта наблюдение за бежавшими.

Всем сбежавшим в первые дни движения к подлинной свободе «по-советски» хотелось есть, у них тянуло в желудке и начинались болевые приступы, какие бывают у больных язвой желудка или двенадцатиперстной кишки в весеннее или осеннее время. Затем появлялся рвотный рефлекс с примесью крови и сердечными приступами. Эти приступы добавляли число неподвижно лежащих в скрюченном виде несчастных с видневшимися в раскрытых от боли челюстях жёлтыми и чёрными полосками зубов. В этих гримасах на лицах людей, лежащих на холодной северной земле среди распустившихся подснеж-

ников, уже не было признаков жизни. Подснежники своим стремлением к жизни будто пытались разбудить окунувшихся в вечный сон людей, нагибаясь под ветром к их лицам, закрывали своей красотой открытые глаза, смотрящие с жадной к жизни в бездну синевы северного небесного шатра – утреннего или потемневшего вечернего с небольшим количеством сверкающих звёзд. А души, некогда согретые женской любовью и домашним очагом, улетали в вечность... Подснежники в своей перевозчанной белизне бесконечно перешептывались друг с другом, словно передавали по тундре прощальный зов улетающих безвременно состарившихся и ещё молодых и обиженных жестокостью человеческих душ, чьи ряды в холодных небесах постоянно пополнялись...

Идущих было человек восемь, остальные постепенно отставали из-за нехватки сил. Они двигались медленно, одетые в серые испачканные телогрейки (в народе их называли «китайскими фуфайками»). Постепенно наступало безразличие ко всему, не было слышно ни ругани, ни разговоров. Весеннее солнце только начинало обогревать охлаждённую за долгую зиму землю, но она временами казалась такой тёплой, что люди садились от усталости и голода на покрытую зеленеющим мохом почву – в надежде отдохнуть, однако потихоньку засыпали от переохлаждения... И редко кто из них просыпался, ведь их никто не будил... и лишь налетавший с северо-запада ветер шумел на бесконечных просторах тундры. Медленно набирали холода сначала конечности рук и ног, затем постепенно понижалась температура всего тела, и во сне бывшему заключённому становилось хорошо как никогда за многие годы лагерной жизни, и даже если он открывал глаза, двигаться всё равно уже не хотелось. Человек впадал в какое-то блаженное состояние, при котором

сознание отказывалось воспринимать реальный окружающий мир, и вслед за этим всё медленнее и медленнее с каждой минутой стучало сердце в груди, накрывал сон, уводящий не в царство Морфея, а в вечность...

Те, кто был помоложе и «отдыхал» под солнечными лучами на покрытой мхом земле, всё же с трудом, преодолевая собственную усталость и боль в суставах, поднимались, не обращая внимания на кровотокающие мозоли на ногах, и медленно двигались в сторону Оби. Как узники ГУЛАГа они в течение многих лет привыкли быть тягловыми лошадьми, и это было обычным для них явлением, без которого их пребывание в лагере теряло всякий смысл.

Кто-то сумел захватить лодку и с ощущением полученной свободы грёб веслом или шестом вниз по течению небольшой, переполненной ледяной водой речки, даже не делая попытки пристать к берегу, понимая, что его там обязательно убьют и бросят в холодную весеннюю воду или в лучшем случае выбросят на мёрзлый болотистый берег, где, возможно, кто-то другой может завладеть лодкой для того, чтобы продолжить плавание. Разница была лишь в том, что захвативший лодку мог быть на несколько десятков километров ближе к своей заветной и возможно последней, поворотной в его жизни, значимой цели.

Лодка плыла часами по центральной части течения пока её не прибывало к берегу. Подходили бредущие по берегу бежавшие узники, а теперь свободные «по-советски» люди, пользуясь этой «приобретённой» свободой после эпохи Сталина, осуществляли то, что им подсказывал инстинкт. Заснувшего от усталости выбрасывали из лодки, как предателя, свои же и даже знакомые по номерным знакам зэки. В лучшем случае непроснувшие-

гося сталкивали на сушу, в худшем — прямо в воду, а там, если проснётся, то выживет, а если нет — значит, такова судьба... Всё это делали бредущие вдоль речки человеческие существа, состоявшие из костей и кожи, прикрытых сверху телогрейками. Через несколько километров вниз по течению всё повторялось. Правда, в иных случаях плывущий умудрялся удерживать лодку на течении так, что до него никто не мог добраться, и спал какое-то время, пока до него стали доноситься матерки и устрашающие крики желающих плыть на лодке.

* * *

Казавшийся старым и уже повидавший в жизни многое (в том числе и нахождение в лагерях «русских иностранцев», которые даже не имели никогда паспортов СССР, кроме паспорта Российской империи, и были депортированы в лагерь ГУЛАГа по окончании войны)⁵³, он понял, что того, о ком рассказывали заключённые, привезли на теплоходе в Мурманск. Его родители отказались выходить на территорию уже не своей страны. Тогда военные силой заставили всех выйти на берег, затем тех, кто был не согласен, выстроили на пирсе и скомандовали: «Пли!». Кто-то медленно оседал на бетонные плиты, кто-то упал, как подкошенный, на русскую, казалось бы родную, землю, так «обласкавшую» их свинцом и кровью... Расстрелянных сбросили в воду и подогнали к пирсу на место расстрела другой пароход с работающими винтами и вылетающей из-под кормы струёй морской воды. Корабль накрыл место гибели иностранных граждан, родившихся в европейских странах, и русских, эмигрировавших в своё время за границу.

⁵³ Данная информация прозвучала на телеканале «Спас» в очередной серии о Второй мировой войне, 25.09.2010 г.

Поседевший в двадцать с небольшим лет — после расстрела родителей — он продержался не более четырёх лет в закрытом блоке для иностранцев лагеря «Обьстрой» неподалёку от Салехарда. Здешних эков привлекали на обустройство площадок для строительства железной дороги до трёхсотого километра, и этот блок понёс самые страшные потери от недоедания и холода. Он всегда говорил, что Бог видит и любит всех, а человек видит и любит только себя. И он жил в этом одиноком для него и для всех мире, молился, вспоминая отцовские слова о том, что В.И. Ленин в своих взглядах скопировал что-то воровское из жизни банд — с их периодическими чистками, показательными убийствами и невозможностью жить через какой-то период времени без колючей проволоки... Ранним весенним утром его нашли мёртвым на ледящем полу — в неестественной позе и неузнаваемо поседевшим. Ему было двадцать шесть лет. Слух о его гибели распространился довольно быстро, но осмыслить его гибель из-за усталости и ощущения постоянного голода никто не смог, однако в памяти это осталось. И каждый, кто шёл возле реки, рано или поздно вспоминал это. Молодой человек брёл вдоль реки по уже протоптанной земле: куда вели эти следы, все знали — к Оби, которая, возможно, станет и его спасением.

* * *

Ненцы, которым попадалось навстречу это «нашествие», разъезжались по тундре без оглядки и сочувствия. Когда кто-то из бредущих человеческих существ непонятно каким образом останавливал нарту, раздавался одинокий выстрел, и нарты рывком продолжали своё движение вместе с сопутствующими оленями и собаками.

Ненцы, зыряне и ханты хорошо усвоили, что ничего хорошего ни им самим, ни их семьям такая встреча не принесёт. Обычно голодные и оборванные бежавшие заключённые растаскивали всё, что могли и даже крали женщин. После этого оставшиеся в группе продолжали движение, а осуждённые на большой срок за особо тяжкие преступления рецидивисты продолжали грабить и даже убивать. Здесь же после первого, предупредительного, выстрела и второго, рокового, оставался тот, кто ещё цеплялся за остаток своей жизни, хотел тепла и еды, и которому уже не было необходимости после выстрелов что-то добывать себе на пропитание и искать тёплое место под этим, уже казалось неземным, Солнцем.⁵⁴

Временами с Карского моря налетал ветер со снегом, темнело небо, солнце скрывалось в пелене, и по тундре катилась мощная метель. Заключённые называли такой ветер «северюга». Его можно было по коварству сравнить с далёким югом – Каракумской пустыней, где неожиданно и свирепо налетает ветер «афганец». Он бушует там, за тысячи километров от тундры, обычно не менее трёх дней с той лишь разницей, что на юге невыносимая жара и песок, который засыпает всё и всех, а здесь, на севере, мороз доходил в весенние и осенние дни до минус двадцати-тридцати градусов по Цельсию.

Частьдвигающихся на запад шла с неуверенностью в себе и конечном результате побега. Они не были уверены в том, что встретят ещё оставшихся родных. Бежавшие не знали и того, как эти родные встретят их, узнав о том, что они беглые. Ведь эти родные за многие годы их отсутствия дома стали для них почему-то чужими, либо

---

⁵⁴ По воспоминаниям Ф.В. Мазурова, п. Луговой Кондинского района, Ханты-Мансийский национальный округ, 25.08.1965 г.

были в воспоминаниях молодыми и не представлялись постаревшими, да ещё с морщинами и поседевшими от жизненных перипетий висками.

С каждым днём висящее на небосклоне весеннее Солнце, ещё не успевшее разогреться, светило всё продолжительнее, почти не закатываясь за ровный, с отблесками снега, безжизненный горизонт. Лишь вечером был слышен свист и зовущий на продолжение потомства крик рано прилетевших водоплавающих птиц. Очередная ночь в пути проходила для многих возле костров, либо в сонном бреду идущего в никуда, уставшего от жизни и согласного на всё, бежавшего в родные места человека, перед глазами которого маячил дом и родная семья, любимая жена и дети.

Медленно умирающие от истощения и ранней старости люди, из последних жизненных сил стремящиеся к долгожданной свободе, пошатываясь от бессилия, брели прочь от кровавого короткого утреннего восхода солнца и недобрых человеческих мыслей своих повелителей, придумавших и воплотивших всю эту систему в течение прошедших десятилетий. При этом заключённые испытывали на себе то, что не могло не остаться незамеченным — расшатанное здоровье: последствием недоедания после стольких лет, прожитых в нечеловеческих условиях лагерного режима, стала цинга и кожные болезни на руках и ногах в местах сгибов. Ведь в рацион питания этих «отбросов советского общества» не были включены овощи или фрукты, а рыба ценных пород, выданная по разным «праздничным» случаям, уже не спасала.

* * *

«Рваный». Такую лагерную кличку из-за того, что он постоянно ходил в рваной одежде, имел человек, осуж-

дённый за измену Родине, приговорённый к 25 годам лагерей и бежавший теперь домой, хотя он уже почти забыл, что такое дом или родной очаг.

Семьи у него не было, да и когда её можно было завести, если в девятнадцать лет его призвали в армию. Была у него любимая девушка, которая пришла проводить его в армию, целовались с ним там и призналась, что ждёт от него ребёнка. Она, чисто по-женски предчувствуя что-то трагическое, зарыдала на его плече. Гармонист бесшабашно рвал меха своей трёхрядки, молодёжь пела любимую «Три танкиста»...

Он прошёл курс молодого бойца, принял присягу и... сразу на фронт. Не успел поезд с новобранцами подъехать к намеченной линии фронта, как попал под обстрел вражеской танковой колонны, прорвавшей линию фронта. Из танковых пулемётов фашисты с лёгкостью расстреливали прямой наводкой вагоны с невооружёнными ещё солдатами, которые выскакивали из горящих теплушек и бежали в сторону видневшегося леса. С посиневшими от потери крови лицами, зажимая кровоточащие раны, раненые бежали от казавшейся им неминуемой смерти, а на самом деле – в никуда, в холодную и безжизненную небесную вечность.

«Братцы, не бросайте нас, ведь нас убьют!», – кричали раненые.

Но толпа солдат без оружия, редущая под пулемётными очередями, мчалась к заветной цели... А там на встречу, по хорошо отработанной противником схеме боевых действий, из-за перелеска выдвинулись приземлившиеся вражеские парашютисты, строча из автоматов. В этой неразберихе трудно было рассчитывать на то, что кто-то останется в живых. Кто успел вовремя поднять руки, тот ещё остался стоять какое-то время, кто не ус-

пел, того уже не стало. Но даже стоявшие с поднятыми руками были расстреляны: не было точки, куда бы можно было отправлять пленных, да и не было для этого команды. Поэтому стоящие вдали от автоматных очередей советские солдаты бросились врассыпную.

Каким образом ему повезло остаться в живых, он так не смог понять по истечении стольких прожитых после этого лет. Две недели боёв с трофейным оружием в руках он выходил к своим, а напоролся вновь на передовые немецкие части и попал в плен.

Всех пленных из пересылочного лагеря под Минском⁵⁵ перевезли в Германию на работу в Силезский угольный бассейн, где ему пришлось катать уголёк около трёх лет. Это была тяжёлая и изнурительная работа по четырнадцать часов в сутки и на её выполнение брали в основном пленных из СССР.

Потом — освобождение американскими и английскими войсками. Трудно было осознать, что принесёт всем узникам, истощённым голодом и непосильным трудом, передача союзными войсками их в восточную советскую зону. Затем — суд за измену Родине при якобы умышленной сдаче в плен и приговор, тяжесть которого он сразу не смог осознать. И лишь поседевшие волосы на висках говорили о том, что даже в плену иногда было легче жить, чем здесь, в лагерях ГУЛАГа.

В сумраке движения он пытался задуматься, но это у него получалось настолько плохо и ответа на вопрос о том, как же он дошёл до такого состояния, когда ему уже давно всё стало безразлично, почти не получилось. В детстве он был быстрый, зоркий и смешливый, а сейчас... безвременно состарившийся с глубокими морщина-

⁵⁵ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. — М.: ОЛМА медиа групп, 2010. — С. 61.

ми на лбу, жилистыми руками и ногами он выглядел, как тягловая лошадь, которую подгоняли на перевозках, зная о том, что вскоре она не только упадёт от бессилия, но и больше не поднимется. Будто из другой жизни и другого человека выплыли мерцающие отрывки памяти детства и подросткового, юношеского возраста. Заботливая мама, стоящая у калитки при проводах в армию; красивая и по-юношески любимая, молодая, ждущая от него ребёнка, его невеста. Каким был его ребёнок, он уже знать не мог, да и вообще был ли он на свете — для него это стало неизвестно...

Ему сильно захотелось присесть и передохнуть, но ближайший знакомый, с номерным знаком на пятнадцать больше, жёстко подтолкнул его, показывая, что надо двигаться дальше. Подтолкнувший, судя по разговорам, был потомственным вором, из мест заключения выходил всего на несколько месяцев, потом всё повторялось вновь — лагерная жизнь была временной остановкой в его беспокойной жизни, в которой он не любил трудиться, но любил всё иметь и распоряжаться заработанным не им богатством.

«Эй, да шагай, шагай быстрее и не останавливайся — не дай бог, заснёшь ещё по пути на ягельном матрасе, будешь спать как в кутузке, будить только будет некому, да и незачем, а мне будет скучно шагать одному без знакомых, особенно без таких, с кем приходилось бывать в карцере не один раз», — зло выговорил шедший позади, бесконечно поглядывавший на оставленную позади тропинку, словно выясняя, не идёт ли кто-нибудь за ними. Весь его вид показывал нескрываемый страх, да такой, какого не было даже в период до его побега из лагеря.

* * *

Он постоянно вспоминал свою мать и отца-красноармейца, в своё время принимавшего участие в подавлении восстания крестьян в Зауралье, возле Чёрного озера. Помнилось по рассказам матери, что отец был бравым конником. Его эскадрон остался ночевать в деревне, где на расквартировке он и познакомился с его мамой — долго с ней разговаривал, любясь её природной красотой и покладистым характером, много обещал ей в будущем, когда он к ней обязательно вернётся. Она была настолько для него приятной, что он влюбился в неё по сути с первого взгляда. Через неделю отряд вернулся из похода и конник-красноармеец, прибывший с эскадроном в сумерках, подарил своей возлюбленной букет полевых ромашек, сорванных при возвращении почти в полной темноте, и провёл с ней безумно красивую ночь... И снилось ей в минуты желанного ночного мерцающего от приятных девичьих ощущений сна, что они плывут вместе с возлюбленным в свадебном одеянии к алтарю разрушенного красноармейцами и ими же восстановленного сельского храма... Когда рассвело и все поднялись, на столе увидели стоящие в стеклянной посуде ромашки, забрызганные кровью... А красноармеец стоял возле стола с побледневшим от ужаса лицом, ведь он сейчас был не в бою, а всего лишь в мирной сельской хате, возле своей будущей жены, которая непонимающими и неверящими в такую жестокость человеческого мира глазами смотрела то на цветы с каплями засохшей человеческой крови, то на своего жениха, которого ей подарила судьба...

«Ведь ты же обещал мне хорошую человеческую жизнь,⁵⁶ а сам рубил людей, как капусту. Что я своему сыну скажу, когда он вырастет?..»

А он, малость оправившись от случившегося, взбешённый выбежал на крыльцо сельского дома, вынул из ножен окровавленный клинок и опустил в заполненное водой углубление на земле — в надежде отмыть окровавленное оружие. Навечно оставшиеся в памяти, всплыли картины сражения с разрубленными телами боевых товарищей, и ощущение ненависти и злости к этому непонятому миру противоречий усилилось. Немного успокоившись, боец вложил шашку в ножны, подошёл к своему сероватому с яблоками на боках коню, много раз спасавшему своего седока в сражениях, вставил сапог в стремя, дёрнул и лихо, не оглядываясь ни на кого, натянул поводья. Отдохнувший за ночь конь рванул с места и, набирая галоп, поскакал в бесконечную даль, удивительно манящую и уже проснувшуюся от поднимающегося тумана на своих лугах и низинах, пестреющую от разнотравья и деревьев — к необъятному сверкающему переливом играющих солнечных лучей летнему небосклону...

А она, красивая, с удивительно длинными волнистыми ухоженными волосами, молодая, ещё не опытная женщина, осталась стоять возле калитки — в белой ночной рубашке, с полными слёз глазами... Воробушек-желторотик вылетел из родного гнезда и ещё ничего не понимая сел на её плечо, разглядывая текущие по лицу горькие слёзы молодой женщины. Она тихо взяла его резким беззвучным движением в руку так, что снаружи осталась одна головка, и посмотрела на него, а он неистово и со страхом за свою жизнь закричал так звонко, как она не слышала никогда. Он кричал, словно просил у неё свободу и право иметь свою короткую, но собственную жизнь...

⁵⁶ См. пояснение: Франк Л. Крушение кумиров. — М., 1990. — С. 128.

«Надо же, как звонко кричит... Так сильно жить хочет», – подумала она и отпустила его...

После полудня стало душно и затих ветер. С запада, почернев от жаркого неба, надвигалась дождевая туча, словно прихрамывая на одну сторону от тяжести готовой в любую минуту сорваться с небес водной массы. Издали было видно, как молнии вспарывали глубокое небо до краёв, подталкивая с шумом вылетающий из тёмных, как свинец, кучевых облаков дождь. По всему усталому небосклону доносился, периодически прерываясь, будто на отдых, глуховатый небесный гром. Огромное облако донесло до большой зелёной берёзы свою озабоченность. Из центра её что-то сверкнуло и очень тонкий огненный, слегка искривлённый столб секундной предвестницы очень сильной молнии завис над берёзой, близко стоящей возле дома. Прямо в том месте, где состоялось расставание молодых людей с совершенно разными судьбами, сверкнула стрела-молния, и сразу же огненный шар не спеша полетел перед окнами и остановился возле молодой берёзы, обжигая ствол и калеча её будущее. Берёза, наполовину расколовшись сверху вниз и дымя у основания, разлетелась в щепы... Поздней осенью люди распилили разбитое дерево на дрова...

Только через несколько недель молодая хозяйка дома поняла, что у неё будет ребёнок и она станет мамой. Появившаяся словно ниоткуда новая жизнь, уже почему-то зная, что осталась без родного отца, звонко звала её к себе на помощь, и ей слышался младенческий звонкий голос, идущий из её нутра: «Хочу жить, хочу жить!..». И жизнь эта с каждым часом набирала силы для того, чтобы, появившись на белый свет, нести на себе ношу судьбы за ошибки своих родителей...

* * *

«Мне трудно идти», — отозвался заключённый по кличке Рванный. И тут же подумал о том, что, пожалуй, он несёт на себе всю тяжесть судьбы за отца, и его отношение к людям прошли через всю его судьбу: «Дети всегда за своих родителей рассчитываются. Получил я своё, да ещё с таким верхом, которого никому не пожелаешь. Вот только кто же из близких родственничков, мать твою, наследил на земле, чтобы я кровью харкал вот так на этом белом свете?..»

«Ну и что? Хрен чёртов... А ну, шагай, не то...», — прервал его размышления приблизившийся к нему воррецидивист, тоже из последних сил переставлявший ноги в кирзовых сапогах, и показал огромный грязный обветренный кулак.

Однако и это не подействовало: ослабевший мужчина медленно присел на ещё не оттаявшую после зимних холодов землю.

«Ты чего расселся, а ну вставай, я тебя сейчас подниму...», — и собравшиеся зэки начали пинать ногами человека, прилёгшего поспать на земле, — в надежде, что тот после этого встанет...

В небе низко над землёй летели к Карскому морю, переговариваясь, казарки; всё кругом дышало жизнью. По народным преданиям жителей Севера прилетающие птицы несут на своих крыльях частицы тепла, принесённого с далёкого юга. Во время перелёта с юга на север их встречали и встречают хищные птицы, словно стремясь остудить и заморозить этот богатый северный край, как это неоднократно пытались сделать не совсем разумные люди. Однако не было ещё ни одного года, как вспоминали коренные жители тундры, чтобы весна не наступила...

Ещё через неделю или дней десять, уходя от возможной или реальной воздушной погони, о которой никто не догадывался, потеряв счёт дням и ночам из-за почти незаходящего на небосклоне солнца, питаюсь сероватым ягелем, подснежниками, прошлогодней клюквой и попавшимися яйцами птиц, рано прилетевших в эту весну на выведение своего потомства, беглые вышли к берегу Оби, по которой ещё плыли льдины. Иногда ледяная шуга проходила, и перед людьми открывалась чистая речная гладь, которой не было видно края: полноводная Обь перед самым Салехардом была очень широкой. Ещё не поднявшееся высоко солнце, отражаясь от мутной весенней холодной водной поверхности, казалось, двигалось по дуге, почти не скрываясь за горизонтом. Только по едва заметным приметам, сложившимся на зоне, заключённые могли примерно определять время. Периодически бывало настолько холодно, что можно было вскоре ожидать сильной пурги или шквального ветра, и только Обь с её открытыми водами могла слегка обогреть это северное пространство, спасая кого бы то ни было от всемирного северного обледенения. Именно здесь, в районе Обской губы, как на настоящем море, чувствовалась мощная сила ветра. Иногда слегка теплело от потоков воздуха, набравших силу и тепло от воды, которая была принесена сюда течением из дальнего южного пространства и даже из Китая, либо резко холодало, когда ветер дул с восточного направления — с замёрзшего материка. По всему видимому пространству двигались и что-то искали десятки подошедших к берегу голодных, оборванных, обессиленных беглых заключённых. И вновь после длительного наблюдения сбежавшие не заметили за собой погони.

Пройдя голодными при минимуме продовольственных припасов не одну сотню километров вдоль уже построенной, но пустующей железной дороги, уходящей далеко на восток, многие из них всё же выбрались в разное время, в зависимости от имевшихся сил, к берегу Оби. Отсюда действительно можно было выйти к действующей железной дороге и попытаться скрытно выехать, либо уйти вдоль Уральских гор, тем более что оставшиеся годы по срокам наказания они всё равно не перенесли бы и не выжили бы в этой нечеловеческой лагерной жизни, рассчитанной на медленную гибель людей, осуждённых по различным статьям. В лагерной жизни находили общий язык как политические, так и уголовные «элементы» — каждый искал возможности для собственного выживания.

В этот год лёд тронулся на реке намного раньше обычного из-за тёплой погоды по всей пойме Оби и, треща и ломаясь, прошёл примерно за неделю до подхода сбежавших. Однако периодически появлялись невесть откуда взявшиеся мощные плавающие торосы и сметали толстым слоем льда всё на своём пути...

На берегу действительно можно было ещё найти что-то из брёвен и досок, принесённых паводком. В последнюю неделю многое из того, что было принесено водой в прошлом году, уже унесло нынешним паводком вместе со льдинами. Из найденных досок и брёвен собирались соорудить хотя бы небольшой плот, но связать его в единое целое представлялось весьма трудным делом, не было в достаточном количестве верёвок и проволоки, которая могла бы свободно гнуться. Работая руками в ледяной воде и промочив ноги, они с большим трудом соорудили плот. Привязав его к заиленной проволоке, видневшейся из-под воды, беглецы втроем стали дожи-

даться чистой воды и попутного ветра, лёжа на плоту и греясь под северным солнцем. Идти вниз по течению вдоль берега ещё несколько километров к посёлку Лабытнанги было опасно.

Отправившись на плоту по течению реки поздно ночью, они попали под сильнейший порыв ветра, который налетает в этот период времени во время ледохода с особой силой и резкостью. Мутные, по-морскому огромные волны наваливались с необратимой периодичностью на небольшой плотик, безжалостно кидали его из стороны в сторону до тех пор, пока не развалились его крепления и некогда связанные брёвна поплыли в разные стороны. Река приняла в свои мертво-холодные и жаждущие избавить путников от нечеловеческих мучений, крепкие, не желающие отпускать на свободу объятия. Лишь одна рука крепко ухватилась за цепь одного из проплывающих по течению бревен и каким-то чудом смогла поддерживать на плаву человека. Поскольку берег был уже совсем рядом, мужчина второй рукой из последних сил ухватился за прошлогоднюю жёлтую пересохшую траву, а накатившаяся волна помогла выбросить на берег и пловца, и спасительное бревно. Тяжело дыша, оказавшийся на мелководье у берега и стремившийся выжить во что бы то ни стало пловец медленно подтянулся и почувствовал ногами дно. Содрогаюсь от холода, он оглянулся: на холодной мутной поверхности весенней бурлящей воды уже никого не было видно — не было даже кругов на воде на месте, где плыли его знакомые по лагерной жизни заключённые... И тут же у спасшегося начали быстро неметь от холода и терять чувствительность руки и ноги, отказывалась работать двигательная система, постепенно перехватывало дыхание, медленнее стало стучать сердце, и, казалось, ещё несколько минут

прошло бы в воде до того, как его выбросило на мелководье, поднимать было бы некого.

«Холодно...», – судорожно вымолвил он посиневшими губами.

Неожиданно к берегу подошли вооружённые и упитанные люди в форменной одежде милиции.

«Смотри-ка, ещё один оживший утопленник», – усмехнулся подошедший милиционер, обращаясь к своим сотрудникам. Они подхватили под руки замерзающего, у которого начало стягивать судорогой ноги, и отконвоировали незнакомца для выяснения всех обстоятельств его освобождения...

Бежавшему стало ясно, что их побег отслеживали и только ждали удобного момента для того, чтобы провести аресты с наименьшими усилиями и чтобы руки у всех силовиков оставались чистыми во время проведения широкомасштабной амнистии.

* * *

Через тридцать два года после попытки побега со стройки 501 седой и изрядно уставший от жизни человек писал на тетрадном листе бумаги письмо в Москву – президенту СССР Михаилу Сергеевичу Горбачёву – с убедительной просьбой разобраться в ситуации и признать его участником Великой Отечественной войны. Письмо начиналось словами: «Уважаемый Михаил Сергеевич, обращается к Вам признанный много лет тому назад изменником Родины человек, прослуживший после принятия присяги на верность Родине в рядах Красной армии двадцать пять дней и пробывший в немецком плену почти четыре года, выданный союзными войсками

по Ялтинским соглашениям⁵⁷ с западной оккупационной зоны во второй половине 1945 года и отправленный по этапу по снежному и холодному Уралу и Зауралью вместе с власовцами на стройки Севера, включая Воркуту, и пробывший в лагерях ГУЛАГа двадцать пять лет...».

* * *

После освобождения из лагеря в районе посёлка Лабитнанги он прибыл в Салехард на станцию и впервые за долгие годы смотрел на этот мир непонимающими глазами. Он словно по инерции подошёл к кассе и купил билет...

Уже прибыв в свою деревню, он с большим трудом нашёл старенький ухоженный домик его детства и юности. На пороге его встретила старенькая высохшая внешне от перенесённых трудностей женщина...

Только соседи заметили, что через некоторое время к дому подъехала «скорая помощь»...

Поздно вечером рядом с освободившимся из заключения сидела на лавке седая от переживаний, оставшаяся в памяти молодая и красивая женщина — его мама. Та, которой в юности обещал подарить самого красивого коня красноармеец, вручивший ей позднее ночной букет ромашек, забрызганных кровью...

Она рано потеряла красоту женского лица от пролитых слёз и бесконечных волнений, но это была его мама, навсегда оставшаяся молодой в его памяти, стоящей у калитки их дома, во время проводов его в ещё довоенную Красную армию...

⁵⁷ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. — М.: ОЛМА медиа групп, 2010. — С. 296.

В его памяти всплывали слова любимой, произнесённые ею в лунную ночь там, у журчащих ручьёв возле реки, в серебристой каёмке отражающегося в воде света ночной странницы Луны: «Я люблю тебя, бери меня, любимый... До чего же приятно вот так держать в своих руках твою красивую кудрявую непокорную голову и смотреть в твои бездонные и жгучие от любви глаза...», — шептала она.

Любимая девушка, так и не дождавшись его, как без вести пропавшего на войне, вышла в жизнь, как сердитая на всё и всех одинокая волчица, в поисках любви уже в ином, послевоенном мире. Вышла замуж и через год умерла мучительной смертью во время родов. Тем летом беспрестанно шли дожди, погода совсем вышла из подчинения небесной канцелярии. Вода лилась с небес сплошным потоком, смывая вдоль дорог всё, что могла, и по ним в далёкие селения за весь июль не прошла ни одна подвода, не приехал на помощь ни один врач, и смерти в это лето чаще всего посещали то одну деревню, то другую, словно договорившись и поставив свою чёрную очерёдность...

Давно вырос и возмужал его сын с уже начавшими седеть висками, никогда не видевший живым своего отца, с интересом и неприкрытой жалостью разглядывавший каждую старческую морщинку на его побледневшем от эмоций лице при встрече с ним.

«И сколько же лет тому назад это было?..», — он сидел на стуле, впервые за многие годы своей жизни — непонятно жестокой, проходящей так быстро и вместе с тем долго, — расслабленный, не успевший до конца осмыслить прожитое, и медленно поднёс ладонь с зековскими наколками к левому боку, где стучало его больное, надорванное сердце... С этого момента его свобод-

ной жизни слово «зек» стало пропуском на жизненном пути к самому близкому для него в этом мире человеку.

А за окном шумел осенний ветер, срывая лепестки цветов с перезревших стеблей на клумбе перед домом. Усталые цветы под напором ветра теряли силы, накопленные за тёплые дни в один лишь миг, с точки зрения человека, пролетевшего бурного лета, и обеспеченные только циклично живущей природой, а состарившиеся и изменившие цвет алые, жёлтые, оранжевые, белые лепестки улетали от них навсегда...

* * *

«Вот она, жизнь человеческая — вся поломанная, исковерканная, и собрать-то её почти невозможно воедино, а ведь всё вроде бы в самом начале складывалось для него безоблачно... Да, кто-то в этом мире может попасть в струю хорошей жизненной линии, а кто-то вот так, ни для себя и, что называется, ни для других: и жизнь прошла, и хорошего вспомнить-то нечего — всё кровь да лагерь. Что же он оставит будущим своим поколениям — детям и внукам?..», — молвила молодая женщина, работавшая в отделе общей информации, куда поступило письмо.

«А ведь он в какой-то степени продублировал на исторически поворотных участках судьбу страны», — подумал некто, сидящий далеко и высоко, когда перечитывал испещрённые мелким почерком страницы письма на имя президента такой большой и тогда великой и мощной державы, с которой считался весь мир.

«Должен же этот жестокий мир возместить многое из того, что в своё время было утрачено», — продолжал размышлять человек, вернувшийся в потерянный мир человеческих ощущений...

* * *

В 1991 году седому и очень больному человеку принесли домой компенсацию в размере двух с половиной месячных окладов от среднего заработка по стране — за 25 лет пребывания в лагерях коммунистического ада.⁵⁸ Через полгода его не стало...

* * *

Писатель, который проехал по многим описываемым в этом произведении местам, глубоко задумался, вспоминая историю своей многострадальной страны: неужели русскому народу необходимо было пролить столько крови и потерять столько молодых жизней, чтобы в итоге так и не поумнеть?.. Ведь в той же Франции общество отказалось от революционных выступлений после утнувшей в человеческой крови революции 1848 года. Там народ поумнел, а у нас не смог. Да ещё и пролил столько крови своей молодости, что никакая якобы историческая необходимость оправдания этому не даёт. А вот привело ли это к истинно историческому осмыслению населением страны и власть предержащими, или мы по-прежнему сомневаемся: да зачем нам всё это, ведь столько лет прошло?.. А не подходим ли мы ко всем событиям по старой русской пословице: «Кто старое вспомнит — тому глаз вон»?..

* * *

«Что же представляла собой столь большая северная область к моменту открытия месторождений углеводород-

---

⁵⁸ Александр Штамм. Кенгир как конец сталинского ГУЛАГа // Посев. — 2004. — № 6.

ного сырья по занятому в производстве населению?», — ещё раз задал себе вопрос Б.Е. Щербина после того, как неоднократно из разных источников получал по истории области весьма противоречивую информацию, и тут же попытался на свой же вопрос ответить: «По численности, очевидно, заключённые и освобождённые из трудовых лагерей спецпереселенцы составляли большую часть населения северных районов области. В южных районах испуганное местное население ещё со времени коллективизации было очень инертно и слепо подчинялось указаниям сверху. Вот и попробуй развернись. Что же необходимо, чтобы всё это после стольких испытаний заработало, задвигалось в нужном направлении и чтобы человек смог увидеть и почувствовать на себе положительные для всех результаты собственного свободного социалистического труда, о котором так долго мечтали многие? Неужели всё это примелькалось и обыденная жизнь взяла верх над идейной?..».

* * *

Кажется, совсем недавно, хотя случилось это в 1956 году, поступили жалобы в Генеральную прокуратуру РСФСР по поводу того, что в Уватском районе существуют старинные деревни, в которых живут люди, а им не предоставляют право голоса на выборах в Верховный Совет СССР. Вспоминается сама поездка местных властей района: в поисках этого селения в течение четырёх часов облетали на вертолёте верховье реки Уват. И вот, впервые для многих присутствующих, в лесистой местности на берегу в верховьях реки показали строения: кругом сосновый лес и раскорчёванные давно поля с посеянной на них рожью, которая колосилась и была

настолько высокой, что после приземления руководители Уватского района из любопытства даже потрогали зреющие колосья. Кругом стояли вросшие в землю полуземлянки не совсем понятной геометрической конфигурации с узкими оконными проёмами. Домики как бы прижались к лесному массиву, поэтому их трудно было увидеть с самолёта, и только зеленеющие поля выдавали всем, что здесь кто-то живёт. У самого края поля колосающейся ржи лежала на боку деревянная соха оригинальной конструкции и пощипывали травку быки, которые перевозили тяжести и, вполне очевидно, весной тянули на себе эти приспособления для вспашки земли. Бородатые мужики вышли первыми для встречи с пилотами и прилетевшими гостями. Женщины в монотонной серой одежде выглядели как-то не совсем обычно, имели длинные непричёсанные волосы.

Вышедший из группки поселенцев человек спокойно сказал, что в этой стороне обычно не летают самолеты: «Мы их видим только на большой высоте».

«Как же вы здесь живёте?», — последовал вопрос от командира вертолёта.

«Нормально... Если что — на лодках ездим в Омскую область за невестами или продуктами, это в основном соль и сахар, всё остальное вроде бы своё», — ответил за всех старший по положению из тех, кто жил в этой деревне.

«Кто-нибудь из здесь живущих был на войне?»

«Нет, — ответил тот же уполномоченный, что вёл переговоры. — Наши отцы ушли от войны в первые дни её объявления, а многие ушли ещё в Первую мировую. В лютую зиму 1943 года за нашими отцами была организована самая настоящая охота, как на лесного зверя. Мало кто остался в живых после того, как заходили в деревни за продуктами...»

* * *

«Да, погони в нашем районе были на территории, граничащей с Уватским районом, и в лесах вдоль лесных малоизвестных речек», — поведал через десятилетия В. Ведров.

Он сидел у костра в светлую июньскую ночь на берегу реки Конды после очередной проверки рыбных снастей. Он состоял в особом отряде НКВД в годы ВОВ и имел удостоверение участника войны. У него ныли по ночам суставы рук и ног. На рыбную ловлю он ездил больше для того, чтобы побывать на природе, ведь ему, ровеснику уходящего XX века, было уже за восемьдесят.

«Это мы сейчас живём относительно спокойно. Войны нет, все сыты. Дети учатся в школах. Тогда было совсем другое время. Были и предатели, которые делали выводы о возможности победы Германии в войне. Мы находили записи в тетрадах и сведения, полученные по радиопередачам из фашистской Германии, к примеру, о трудовом героизме французских рабочих, увеличивших производительность труда на 24% по сравнению с немецкими передовиками производства, на судоверфях во Франции при ремонте подводных лодок. Вот это я хорошо помню, хотя прошло сорок лет. Были записи и о трудовом и военном вкладе русских рабочих, интернированных на работу в Германию.

Мне конечно до ста лет вряд ли дожить, да и детей у меня нет, а вот вы будете жить в следующем веке — и молодёжь воспитывать необходимо патриотами.

Мы же ведь преследовали беглецов по лесам сотни километров и никого из этих селений не ловили. Это были одиночки, которые скрывались по охотничьим избушкам. Многие из них стрелялись, когда их нагоняли, —

не хотели идти под суд или в штрафные батальоны. Зато семнадцатилетние мальчишки из сёл уходили на фронт добровольцами и не возвращались. Эти ребяташки, попав под первые воздушные бомбёжки, кричали: «Ма-ма!..».

Находили в карманах этих беглецов и самоубийц последние военные немецкие сводки, записанные карандашами на обрывках бумаги – видимо, немецкую радиоволну слушали. Почему-то многие из них стали религиозными. Гитлер же часто взывал к Богу, когда начиналось очередное немецкое наступление... Всё было...».⁵⁹

* * *

«Многие о своём положении пожалели, но осознание этого пришло намного позже, когда они стали чувствовать себя людьми второго или третьего сорта. Особенно давила обстановка, когда приезжали за продуктами в Омскую область, а люди смотрели на вновь прибывших такими глазами, словно готовы были их тут же сжечь, ничуть не пожалев об этом. Женщины, у кого мужа погибли на фронте или вернулись калеками, презируя всех, отворачивались, плевались и проклинали нас всех, их взгляд прожигал насквозь... Продавщицы в магазинах отказывались нам хлеб продавать, а дети пальцами показывали на нас – они-то ведь без отцов выросли и уходили с этого места...», – продолжил свой рассказ тот, который защищал интересы беглецов.

«Не слишком ли поздно пришло это осознание для многих из вас, но ведь не для всех оно пришло и прочувствовано в сердце каждого, кто живёт здесь», – сказал кто-то из присутствующих.

⁵⁹ Записано по воспоминаниям В. Ведрова, п. Кондинское, Ханты-Мансийский автономный округ, 05.07.1983 г.

«Так значит здесь живут дезертиры и заявление они написали только тогда, когда вышел указ о всеобщей амнистии», — размышлял вслух грузный, приглаженный, с начищенными до блеска хромовыми сапогами представитель районной милиции.

«Получается так», — утвердительно, слегка покраснев, ответил тот же человек, получивший полномочия вести переговоры от имени всех, скорее всего из-за своего характера и манеры общения.

«Ну а те, кто в плену работал на предприятиях нацистской Германии и собирал и производил самолёты и другое вооружение?»⁶⁰ *(По информации с немецкой стороны, до 80% сборки и производства бомбардировщика «Юнкерс» делали пленённые и вывезенные в Германию русские; основную часть добычи угля⁶¹ обеспечивали иностранные шахтёры, в том числе и русские, — из него немцы изготавливали топливо для военной и гражданской техники, танков. — Прим. авт.)* И они являются патриотами и репатриантами?»

«Но ведь они, несчастные люди, делали это будучи в немецком плену и работали под постоянной угрозой расстрела, так что подход здесь должен быть совсем иной и не в вашу пользу, так что ситуация для вас и для них была совершенно различная... Возражайте, возражайте, но ведь из этого оружия убивали русских солдат, женщин, стариков и детей, причём их погибли сотни тысяч», — ответил, не успокаиваясь, всё тот же представитель поселения, из которого поступила жалоба на имя Генерального прокурора РСФСР. И, не получив должного ответа, продолжал: «Понимаете, вспоминая судьбу староверов,

⁶⁰ Данная информация прозвучала на телеканале «Спас» в очередной серии о Второй мировой войне, 25.09.2010 г.

⁶¹ См. Шолохов М.А. Судьба человека: повесть // Правда. — 31.12.1956 г.; Дон. — 1957. — № 1.

все боялись с начала этой кровавой войны одного — возможного отправления всех в ГУЛАГ и расстрелов, вот и жили вдали от глаза людского. Дети умирали от болезней из-за того, что не было лекарств, женщины рожали в поле или на лавках — без медицинской помощи. Наши дети почти не умеют читать и не слушают радио...», — в его словах сквозила неудовлетворённость тем, что делалось представителями поселения из поколения в поколение.

«А в жизни получилось как раз наоборот для живущих в этом селении — по сравнению с положением тех, кто был в лагерях: они не только остались в живых, но и не понесли, казалось бы заслуженного, наказания», — высказался представитель района.

«Однако для встречи вы приготовились и, кажется, продумали самое главное — пригласили достаточно компетентного представителя. Очень интересно, чем же вы будете с ним рассчитывать?»

«Ну что же, русский народ умеет побеждать в войне, умеет и прощать. Если совесть вам позволяет, вы можете воспользоваться предоставленным вам правом, вот только как вы будете смотреть в глаза вашим детям, которые подрастут и обязательно спросят...», — продолжил выговаривать представитель района, слегка поёжившись от своих же слов.

«Да уж, и работёнки вы нам подкинули, ведь вы даже не представляете себе, сколько необходимо выполнить бумажной работы, чтобы всё это приобрело законный, зарегистрированный вид», — заговорил уже другой представитель районной администрации.

По графику, в отведённое для регистрации и юридического оформления документов время, селение было зарегистрировано, конфликтная ситуация с проведением

выборов как на региональном, так и всесоюзном уровнях была исчерпана; вот только добавилось проблем у системы образования и медицины. Малые дети, как и все в этом возрасте, продолжали играть возле речной протоки, и лишь ребяташки постарше крутились возле приехавших, пытаюсь узнать, чем же всё это закончится и будут ли они ходить в школу, которой в селении не было.

* * *

Позднее этого события нашли мансийские поселения. Изолированное проживание сообщества людей продолжалось, очевидно, не одно столетие: даже речь их отличалась от языка основной части живущих на Югорской земле манси, которые расселились не так уж и далеко от них на реке Конде.⁶² Одежда, сшитая женскими руками, тоже представляла собой много нового в её изучении. Насколько эти отшельники оказались близки к самой природе, рассказывали те, кто был в это время рядом с открывателями этих заповедных мест.

Мужчина-манси (седой и уже глухой от перенесённого заболевания, которое никто у него в юности не лечил, так как он за всю свою жизнь не видел врача с лекарствами), стоя на крутом берегу в верховьях реки Демьянки, неподалёку от селения, медленно повернулся и показал рукой в противоположную сторону. Вслед за ним повернулись прибывшие из райцентра чиновники из охотинспекции и увидели вдали на берегу стоящего на задних лапах большого чёрного медведя, который раз-

⁶² Записано Б.Ф. Мазуровым по воспоминаниям секретаря по идеологическим вопросам Уватского РК КПСС при встрече с предполагаемым назначением на должность директора школы на станции Юность Комсомольская Свердловской железной дороги, п. Уват Тюменской области, 17.06.1977 г.

глядывал людей, появившихся из ниоткуда, а они с удивлением рассматривали его, хотя расстояние между ними было довольно внушительным.

«Каким образом глухой смог услышать, не в обиду будет сказано слышащим, которые многого не хотят или не могут по своему разумению слышать? Он смог ощутить близость медведя, а присутствующие здесь могли бы и сами услышать или увидеть, однако не почувствовали ничего...», — произнёс удивлённым голосом кто-то из приехавших.

Все стоявшие на берегу прибывшие гости удивлённо переглянулись и с любопытством посмотрели на старика: никто из них никогда ничего подобного не видел. Все смотрели на такую способность человека — ощущать на большом расстоянии и слышать медведя, не имея слуха, — с чувством непонятной и неосознанной восторженности в душе, хотя чуточку позднее задумались, насколько было уместно такое состояние: ведь рядом с ним находился представитель Комитета государственной безопасности СССР.

* * *

Шёл тысяча девятьсот шестьдесят третий год. В посёлке Луговом Кондинского района Ханты-Мансийского национального округа в леспромхозе в семидесяти километрах от Урая шумели станки в цехе по переработке древесины, а в это время лесозаготовители в тайге, напрягаясь, чтобы заработать деньги, перевыполняли план заготовки древесины в три раза. Понимали ли они, что оставляют будущие поколения лесозаготовителей без сырьевой базы, а их посёлок — без каких-либо перспектив развития на обозримые пятьдесят лет... Рядом

с пилорамой проходила узкоколейка, и рабочие в цехе первоначальной обработки разгружали привезённые без единого сучка первоклассные сосновые брёвна.

Из паровозного депо приехал в цех вредный, по отзывам рабочих, и кажется ненавидящий всех окружающих его людей, ответственный за использование подвижного железнодорожного состава для узкоколейки. Он прошёл и сверил время прибытия и отправления вагонов, сел на дрезину и уехал в контору.⁶³ Мужчина средних лет, совсем недавно приступивший к выполнению своих обязанностей, сидевший на краю табурета и впоследствии подписавший итоговый документ о поступлении и отправке вагонов, побледнел и молча опустил голову.

«Неужели мир так тесен... ведь эта личность очень похожа на сотрудника УПА (*Украинская повстанческая армия. — Прим. авт.*)... нет-нет, я ошибся, такого быть не может — встретить жителю Белоруссии⁶⁴ здесь, в Сибири, одного из тех, кто, возможно, убивал всех родственников в тысяча девятьсот сорок втором году перед тем, как эта армия была разгромлена партизанами», — седоватый мужчина прошёлся из одного конца цеха в другой, закурил и остался в мыслях с ощущением того, что, скорее всего, он ошибся при взгляде на этого мужчину, ведь с момента окончания этой самой кровавой войны прошло немногим более семнадцати лет.

Дома его любимая красивая дочь сразу подметила состояние отца и спросила: «Папа, что-нибудь случилось?». Он сухо ответил: «Нет».

---

⁶³ Записано по воспоминаниям Л. Жукова, машиниста паровоза железнодорожного депо посёлка Луговой Кондинского района Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области, июль 1965 г.

⁶⁴ Записано по воспоминаниям гражданина Л., «проработавшего» около года в отряде украинских националистов по заданию партизанского движения Белоруссии в 1941-1942 гг., п. Луговой Кондинского района Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области, июль-август 1964 г.

Отец почувствовал, что его доченька ему впервые не поверила. Он знал о том, что у неё появился ухажёр, который всегда стремился быть рядом. Это был красивый парень, явно говоривший с украинским акцентом. Дочь заметно похорошела и как будто расцвела, её кудреватые волосы опускались до пояса. Отец стал замечать, что его любимая дочь стала показывать свои вокальные данные.

«Ох, и голосок же у этой красавицы, слушать бы его все вечера, вот только времени нет. И кто же будет её женихом? Наверное, таким счастливым он себя может почувствовать. Ведь и хозяйюшка она хорошая», — судачили женщины в магазине при виде его дочери.

Прошло две недели — и вновь встреча, и как он понял — уже по желанию этого ответственного за использование подвижного состава. Встретились на празднике, на помолвке, все выпили по чарке самогона за здоровье молодых, кто-то сумел угоститься московской водкой, кому-то её не хватило и обходились крепким вином собственного изготовления.

«Чего тарашим на меня свои глаза?», — с поддёвкой спросил «распорядитель всех вагонов».

«Да нет, я просто думаю, что мы все с одного места — либо из районов северной Украины, либо юго-западной Белоруссии...»

«Ты хочешь сказать, что мы вместе служили в двести первом полку УПА, сформированном в Черновцах?..», — продолжал чиновник.

«Нет, я так не думаю», — твёрдо ответил мужчина, которого задели за живую память: у него угнали в Западную или Восточную Украину родственников, а затем отправили на работы в Германию, и более половины из них так и не вернулось после войны на Родину — сгнули на чужбине в этой проклятой фашистской Германии.

«Может быть, мы разойдёмся мирно и без доносов, тем более что служили, похоже, в одних местах и в одних войсках на добровольной основе. Чего нам сейчас уже делить, в молодости всё поделили, крови я уже проливать не хочу – насмотрелся её в юности. Я не пугаю тебя, но если ты меня вынудишь... Страшно будет вновь разбудить в себе зверя. Не сбылось же то, что могло случиться и во что мы верили и чего добивались. Смотри, если меня потянут, то я тебя так просто в стороне не оставляю. Всякое в жизни бывает, вот и всё. Выходим завтра на работу и не вспомним, что было в прошлом», – он налил по стакану водки и протянул сидящему напротив мужчине.

Тот, ничего не понимая, сидел, как оглушённый, и только теперь утвердилось в его сознании мысль: вот он, перед ним, тот человек, на руках которого столько человеческой крови, – враг...

«Возможно, он принял меня за «своего» – ведь мне приходилось находиться в их отряде по заданию партизан и, конечно же, об этом никому не было известно. Само пребывание в отряде не было столь длительным, поэтому он и не может так чётко вспомнить меня. Вот и начинает меня шантажировать, не зная причины моего пребывания в отряде украинских националистов», – размышлял мужчина, который признал бывшего карателя в ответственном за использование подвижного состава...

В ограде дома этого бывшего карателя всегда росли посаженные им цветы жёлтого и голубовато-синего цвета – других он не признавал, что всегда вызывало удивление и непонимание у соседей.

Через три месяца после проверки всех запрашиваемых документов из города Черновцы пришёл ответ, по результатам которого в посёлок Луговой Кондинского

района Ханты-Мансийского национального округа приехала группа захвата из КГБ и провела арест. С определённым чувством горечи и одновременно интереса окружающие наблюдали за тем, как при осмотре жилого помещения проверяющие отметили, что даже обыкновенные вилы были сделаны в виде трезубца.

Арестованный молча сидел на стуле в комнате и не оказывал ни малейшего сопротивления, а затем вымолвил: «Я вас давно ждал, но только не сейчас, у меня ведь семья, дети, дочь в комсомоле, восемь классов закончила и перешла в девятый. Как они людям-то смотреть в глаза будут?.. Хотя если бы у меня был бы автомат, я не задумываясь всех коммунистов поставил бы к стенке и даже глазом бы не моргнул!⁶⁵ Москали есть москали – и от этого никуда не уйдёшь. Ничего, наша ещё возьмёт своё...».

«Да вы же своими действиями спровоцировали после окончания такой кровопролитной войны ещё дополнительно самую настоящую гражданскую войну в западных районах, когда брат воевал с братом, отец со своими сыновьями, в результате чего погибли сотни тысяч ни в чём не повинных людей, жителей Украины», – горячо высказался представитель КГБ, стоящий напротив задержанного и внимательно смотревший на предавшего свою Родину человека, скорее всего, сравнивая его с другими арестованными по различным статьям УК РСФСР.

Рядом стояла и с ужасом смотрела на родного и уже чужого отца его красивая, с русыми косами старшая дочь. Женщины окружили его жену и спрашивали её из чисто женского любопытства, а она оправдывалась, говорила о том, что после окончания войны были боль-

⁶⁵ Такая же по агрессивности ситуация была записана автором в среде интеллигенции в г. Радужном Ханты-Мансийского автономного округа, апрель 1988 г.

шие проблемы с тем, что не было так много мужчин, за которых можно бы было выйти замуж и иметь детей.

«Я знала, что всё это станет известно, вот только не думала, что так быстро. Мне ведь детей надо поднимать, воспитывать. А сейчас придётся уезжать в то место, где нас не знают — детям так будет легче, — оправдываясь, рассуждала мать двоих детей-подростков. — Для них ведь будет очень важным сказать, что они простые жители нашей необъятной страны, а где у них отец, я поясню сама».

«Только вот от самой себя ты ведь всё равно никуда не убежишь», — произнесла рядом стоящая пожилая и выдавая многое в своей жизни женщина.

«А вот как будут расставаться эти молодые да влюблённые? — Мать всплакнула в платок. — Даже и не знаю», — тяжело вздохнув и посмотрев в сторону молодых, женщина опустила голову, чтобы не видеть встречающих женщин, и зашагала домой — укладывать вещи для своего отъезда.

Сентябрьская тёплая ночь накатила незаметно, лаская всех влюблённых по закоулкам и цветникам, что бурно росли в это лето почти в каждом палисаднике.

«Любимая, а ты-то тут причём! Ведь ты же не знала о том, что у тебя такая история с родословной. Не вини себя...», — и юноша страстно поцеловал её в ярко-красные девичьи губы, шепча ей, что он её никуда не отпустит, а она не сопротивлялась его ласкам, всё больше и больше уходя в любовные страсти...

Распродав своё имущество без лишнего шума, рано утром семья арестованного выехала из посёлка. Отъезд её никто из окружающих не поддержал, но хозяйка семьи облегчённо вздохнула... Нужно было, как она понимала, увести от лишних разговоров и создать относительно

спокойную ситуацию для жизни и учёбы детей и спасти их от «злых языков» в школе и среди соседей.

Жена арестованного ещё не знала того, что руководство УССР сделало всё, чтобы не доводить до сведения населения подобные процессы, а по возможности их просто засекретить и закрыть, чтобы, как они поясняли, «не разжигать межнациональную рознь между двумя родственными народами», тем более что было на кого и что списать...

* * *

Тёплым осенним днём, через шестьдесят лет после трагедии в Хатыни⁶⁶, к ближайшему селению подкатил автобус – до трагических мест осталось чуть больше пяти километров. Из автобуса, стуча протезами и костылями, вышли оставшиеся в живых участники событий тех далёких страшных дней, приехавшие из Германии, – бывшие военные, стоявшие во втором эшелоне вокруг Хатыни и не принимавшие участие в этих расстрелах. Однако не было здесь тех, кто был в первом кольце окружения, националистов, кто и поныне проживает в разных странах Запада. Несмотря на уговоры с просьбой подождать автобус, перекрестившись и опустив седые головы, прося прощения за жестокости других, прибывшие пошли пешком, постанывая от боли в полученных ещё в молодые годы ранах, на известное трагическое место, ни у кого не прося ни помощи, ни сострадания...

---

⁶⁶ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. – М.: ОЛМА медиа групп, 2010. – С. 638.

* * *

На столе первого секретаря обкома партии лежала итоговая записка из Москвы, из Комитета государственной безопасности СССР, подготовленная специалистом отдела по Тюменской области: в ней говорилось о том, что на территории Тюменской области, учитывая её большие размеры, делают попытку найти себе убежище лица, сотрудничавшие в годы войны с немецкими оккупантами, – это предатели Родины из числа представителей националистов Западной Украины, лесных братьев Эстонии и т.п., руки которых обогреты кровью ни в чём неповинных людей... И далее выражалась уверенность в том, что партийная организация области и впредь будет оказывать содействие в разоблачении предателей Родины, в какой части территории они бы ни находились.

Прочитав поступившую бумагу под грифом «совершенно секретно», Борис Евдокимович Щербина задумался: решить эту проблему будет достаточно трудно в виду того, что многие приехали сюда, каким-то образом ещё в Украине и Прибалтике изменив свои фамилии, имена и отчества. Да и очные ставки не проведёшь – нет свидетелей...

Территория области ещё раз показала руководителю нескончаемый поток проблем, решить которые в одиночку не представлялось возможным.

Трудный поиск выхода из ситуации

*Стафа как мир на свете человеческая память,
Будоража вечно человеческую жизнь,
Как будто знает всё она,
Что ни одно на свете поколение,
Пожить спокойно не смогло.
Б. Мазуров*

Чтобы решить вопросы обращения населения с просьбами и жалобами, необходим был транспорт в партийных комитетах, однако в области постоянно ощущался острый дефицит транспортного обеспечения партийных органов. Так, при образовании Тюменского обкома ВКП(б) в 1944 году для его нужд от Омского обкома ВКП(б) было получено пять очень старых машин, имевших пробег (с капитальным ремонтом) более 200 тысяч километров, большинство легковых автомобилей были иностранного производства. В 1949 году первый секретарь обкома ВКП(б) Ф.М. Чубаров обратился к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову с просьбой о выделении для северных районов двенадцати быстроходных крытых мелководных полуглиссеров и четырёх морских катеров для плавания в условиях Обской губы и Карском море, там же ставился вопрос о выделении средств на их содержание.

Преемник Ф.М. Чубарова И.И. Афонов, рано утром придя на работу, наблюдал через оконное стекло, как сотрудники обкома, очевидно задержавшись в пути, бежали на работу по сугробам выпавшего ночью снега,

опасаясь опоздать и попасть под карательные меры в соответствии со сталинскими указами.

«Надо же, ведь до жилья сотрудников более четырёх километров... Необходимо обязательно завести служебный транспорт. Они же после таких забегов часа два не смогут работать нормально...».

И.И. Афоню 19 октября 1949 года попросил Г.М. Маленкова увеличить ассигнования по партийному бюджету для Тюменской областной организации. На 1950 год было запланировано приобретение шестнадцати катеров, двенадцати автомашин «ГАЗ-67» и двадцати восьми лошадей для южных районов. Однако относительно приобретения водного транспорта ЦК партии отказал в выделении средств.⁶⁷

«В организации транспортной связи области, очевидно, не обойтись без помощи военных, задействованных на охране и организации ИТЛ, которые находились в привилегированном положении, — отметил для себя первый секретарь обкома ВКП(б). — Организованный военными постоянный рейс самолёта По-2 летал по маршруту Тюмень — Ханты-Мансийск — Салехард и не мог решить всех возникших проблем. Может быть, они для собственного удобства и добились создания области?..».

Не удивительно, что, направляя в командировку партийный аппарат области, можно было ожидать его прибытие через месяц, и ещё не было уверенности в том, что выехавший вернётся здоровым. Поэтому никто не мог чётко представить, когда ожидать итоговых документов по результатам командировки. Ведь для передвижения в зимнее время использовался гужевой транспорт, а в летние месяцы для переезда с места на место из-за отсутствия необходимых катеров применялись лодки с парусами и вёслами.

⁶⁷ <http://elis.pstu.ru/konovalllov.htm>

15 декабря 1949 года рано утром на стол партийного руководителя легла записка о репарационных поступлениях станков немецкого производства для станкостроительного завода⁶⁸. И.И. Афионов вызвал к себе в кабинет заведующего промышленно-транспортным отделом обкома партии для того, что взять судьбу поступившего оборудования под особый контроль. Для разгрузки вагонов на самом заводе, куда провели ветку железной дороги, были привлечены немецкие военнопленные и имеющиеся среди них специалисты, которым был выдан дополнительный продовольственный паёк. Благо, что для сельского хозяйства прошедший год не был засушливым, и потому все планы по сельскохозяйственным заготовкам выполнены чётко и поступившие с полей овощи и хлеб были в относительном избытке.

Первый секретарь обкома партии Фёдор Степанович Горячев (1951-1955 гг.) был по стечению обстоятельств связан в своей жизни с военно-морским флотом: именно в этот период США увеличили свой подводный флот у берегов СССР в Ледовитом океане, реально угрожая стране, и временно чувствовали себя хозяевами там, на северном направлении – у берегов Карского моря. При таком раскладе дел на территории области он не смог реализовать многое из того, что ему представлялось сделать здесь, на Севере. Как вспоминал впоследствии его в какой-то степени последователь – первый секретарь обкома КПСС Тюменской области Г.П. Богомяков (1973-1990 гг.), – Ф.С. Горячев сумел себя реализовать как организатор, только работая уже первым секретарём

⁶⁸ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. – М.: ОЛМА медиа групп, 2010. – С. 635-491;

Данная информация прозвучала на телеканале «Спас» в очередной серии о Второй мировой войне, 25.09.2010 г.

Новосибирского обкома КПСС (1963-1978 гг.) в последние годы своей трудовой деятельности.⁶⁹ Горячев входил в группу поддержки смещения Н.С. Хрущёва с должности первого секретаря ЦК КПСС, и в брежневский период чувствовал себя в своей деятельности довольно-таки устойчиво. Сделанные при нём открытия газовых месторождений не играли существенной роли в освоении Севера и не привели к увеличению финансирования на разведочные работы и на развитие района.

«Были деньги и для нас немалые, но рядом с нами постоянно находились представитель из Министерства финансов СССР и представители отдела финансов Тюмени, и мы всё перечисляли в центр. Для себя ничего не оставалось. На главной улице районного центра утонул в грязи трактор по самую крышу, однако средств на отсыпку дорог не было. Вот так и жили...»⁷⁰, — рассказывала Валентина Алексеевна Митькова, проработавшая в Берёзовском районе на разных должностях в райфинотделе с 1949 по 1991 год, и двадцать семь лет возглавлявшая этот отдел при райисполкоме. За свой многолетний труд она была награждена в начале семидесятых годов прошлого столетия орденом Трудового Красного Знамени.

На смену Фёдору Степановичу Горячеву пришёл Василий Владимирович Косов (1955-1961 гг.). Новый первый секретарь обкома партии с точки зрения хозяйственника не смог сконцентрировать все имеющиеся силы области на возможных крупных открытиях углеводородного сырья и остался не замеченным для ЦК КПСС руководителем. Мало того, он не вошёл в списки тех партийных руководителей на уровне регионов, которые могли

---

⁶⁹ Записано по воспоминаниям Г.П. Богомякова, село Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

⁷⁰ Записано по воспоминаниям Валентины Алексеевны Митьковой, г. Тюмень, 30.06.2010 г.

рассчитывать на поддержку высшей партийной элиты страны.

Однажды, возвращаясь на легковой машине из очередной утомительной командировки по бездорожью и дождливой погоде, проехав по солончакам более четырёхсот километров, В.В. Косов «не очень корректно» переговорил с женщиной и путевым рабочим, находившимся на переезде и дёргавшим верёвку крепления непослушного шлагбаума. В ответ «маленький человек» опустил шлагбаум перед машиной первого секретаря обкома партии на переезде через железнодорожный путь на станции Омутинка Омутинского района и заставил обкомовскую машину ждать прохода скорого пассажирского поезда.⁷¹

Этот случай при пересказе у всех недоброжелателей обростал всяческими домыслами и неподтверждёнными фактами, а впоследствии был использован Н.С. Хрущёвым для того, чтобы по окончании сроков пребывания на должности первого секретаря обкома партии поскорее отправить Василия Владимировича Косова на пенсию. В нём Н.С. Хрущёв как Первый секретарь ЦК КПСС не нашёл поддержку своего курса в области развития сельского хозяйства.

В его бытность на высшем региональном посту постепенно стала увеличиваться роль обкома партии в хозяйственной деятельности области. Он был предшественником Б.Е. Щербины на этом посту и слыл прямолинейным руководителем, любил конкретное дело, однако в общении с секретарями ЦК КПСС допустил неловкое высказывание, и, как вспоминал об этом Г.П. Богомяков, его карьера партийного работника закончилась по завершении срока пребывания на должности первого секретаря, во

⁷¹ Записано по воспоминаниям путевого рабочего, станция Вагай Омутинского района Тюменской области, 21.09.1976 г.

всяком случае на таких высоких должностях.⁷² Правда, непродолжительное время после смещения с должности первого секретаря обкома КПСС он ещё поработал председателем областного Совета народных депутатов, после чего его карьера политического лидера такого уровня закончилась.

В.В. Косов умер от сердечного приступа, стоя в очереди за материальной помощью в Екатеринбурге в 1996 году.

«Как же командовать этой неполной флотилией водного транспорта и неукomплектованным по штатному расписанию гужевым транспортом и на местах, и на областном уровне, и получать своевременно необходимую партийную письменную информацию, и вовремя рассмотреть поступившие заявления граждан, которых, кажется, с каждым месяцем становится всё больше и больше?», – Василий Владимирович не представлял себе чётко, но пытался детально продумывать и эти вопросы, учитывая гигантские, даже по меркам Сибири, территории севера Тюменской области с двумя национальными округами, площади которых превышали размерами территории крупнейших стран Западной Европы – там-то были, естественно, железные и шоссейные дороги, имелись телефонная и почтовая связь.

В последующее время он ослабил, насколько это было возможным и входило в его компетенцию, роль надзирающих и силовых органов, чему способствовали закрытие строящейся на севере железной дороги и увеличение роли партийных организаций непосредственно на местах. Во многом этому содействовал и тщательный партийный подбор, увеличение спроса за рекомендации на должности, и, соответственно, появление новых кадров в партийной элите, опытного хозяйственного состава в

---

⁷² Записано по воспоминаниям Г.П. Богомякова, село Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

ведущих организациях области. Повысился спрос с партийных организаций за выдвигаемые на повышение партийные кадры. По всем партийным организациям была выдана рекомендация по составлению партийного и хозяйственного резерва.

Однако старое, набравшее до этого силу управление постоянно давило на него и не желало отпускать, даже когда пришло время уходить на заслуженную пенсию с положенными для партийного аппарата льготами. Полученные льготы он считал незаслуженно отобранным у простого народа богатством. Ведь именно этот народ не мог пользоваться льготами, а средств, чтобы обеспечить выезд на лечение или оплатить квартиру повышенной комфортности, у него в семейном бюджете постоянно не хватало. Старые руководящие кадры держались за достигнутый уровень и при всех нюансах сдавать его так просто не желали. «Скорее всего, мне самому придётся уйти, нежели кого-то можно будет сдвинуть с насиженного места», – решил про себя первый секретарь обкома КПСС. Он сильно жалел о том, что даже в начальной стадии не проработал пути развития области на перспективу. Он был сторонником увеличения в будущем ответственности за нецелевое использование партийных и хозяйственных средств: он хорошо помнил, что ещё первого ноября тысяча девятьсот сорок пятого года уже было уведомление Тюменского обкома ВКП(б) (первым секретарём тогда был Ф.М. Чубаров) о том, что «отдельными работниками был допущен большой перерасход установленных им лимитов».⁷³ Любое нарушение в этом направлении могло иметь для всех далеко идущие последствия, учитывая сохранившуюся ещё сталинскую дисциплину в поведении людей.

⁷³ <http://elis.pstu.ru/konovalov.htm>

Время для осознанного отношения к этому для Василия Владимировича Косова подошло, однако закончился срок его пребывания на посту первого секретаря обкома партии.

* * *

Первые фонтаны газа (1953 г.) на территории Берёзовского района⁷⁴ Ханты-Мансийского национального округа лишь только озадачили поисковые партии, которые дислоцировались за пределами округа и с нежеланием планировали в обозримом будущем выезжать на Север. В промышленном развитии Тюменская область не продвинулась так далеко, как, к примеру, Свердловская или Харьковская области.

Там, где пахло большой нефтью, в мире всегда была политическая интрига, лилась кровь, ломались судьбы людей. Не обошло всё это и Тюменскую область.

После возвращения из поездки по США Н.С. Хрущёв неожиданно резко изменил свою оценку роли углеводородного сырья на далёкую и близкую перспективу. Увиденное в этой стране привело его к переоценке энергетических ресурсов страны в сторону повышения их роли в развитии экономики. Имея авантюрный характер, он пошёл на определённый риск: если не получилось бы с тюменской нефтью, после провалившегося в 1963 году плана Нижне-Обской ГЭС, идею строительства которой он поддерживал многие годы даже после получения известий об открытии там богатых месторождений нефти и газа, его судьба как политического лидера страны была бы решена намного раньше. Многие из задуманного Н.С. Хрущёв всё-таки просто не успел осуществить...

⁷⁴ Ленинская правда. — № 166 (8323). — 22.08.1961 г.

«Мне нужен державник, и чтобы этот партийный лидер был связан прямо или косвенно с историей или элитой Украины, как противопоставление правительственной элите в Москве. На Украине я имею наибольшую поддержку... Хотелось бы на этом месте видеть прежде всего хорошего исполнителя указаний сверху, тогда было бы возможным решать многие проблемы. До чего же я этих болтунов ненавижу: с виду выступают вроде бы за тебя, а внутренне – все против. Главное, чтобы это назначение прошло не слишком заметно для окружающих. При этом человек этот должен был быть предельно надёжным в выполнении всех приказов и поручений, издаваемых ЦК партии, и исходящих от меня лично указаний, и чтобы авторитет центра смог держать в сложное время различных сомнений и обсуждений на должном уровне, а самое главное – всегда и во всём быть моим сторонником. А если там не будет такого количества нефти и газа, как хотелось бы, тогда что делать-то? Ведь Нижне-Обскую ГЭС отказались строить... А-а-а, да ведь мы же строим уже около десятка гидроэлектростанций различной мощности и назначения. Надеюсь, это упущение не будут вспоминать так сильно, хотя... из практики партийной работы знаю, что при таких ситуациях обычно припоминали всё – даже давно забытые маломальские неудачи. Очевидно, уходить со временем придётся... На предыдущем заседании организационного отдела ЦК КПСС Брежнев за меня так активно заступился, что от напряжения сил потерял сознание... Но уходить всё равно придётся – это закон жизни и времени... Ведь все злопыхатели при удобной ситуации обвинят меня в растратничестве средств, особенно не простят мне этого военные, потеснённые с политического олимпа. Очень бы хотелось, чтобы назначаемый региональный лидер не

знал об этом слишком много, чтобы страну помог вытянуть, помочь партии поставить Россию на ноги. Америку быстрее догнать и по возможности перегнать, — мысли одна за другой не давали покоя Первому секретарю партии. — Нужно продолжить бурные исследования космоса, чтобы отвлечь народ от земных проблем... Но ведь на Земле всегда было много умников, которых нещадно гоняли и будут гонять — и поделом. А они вновь появлялись и не давали человечеству жить спокойно, — продолжил свои ночные размышления Первый секретарь ЦК КПСС. — Чтоб их нелёгкая взяла, ведь и здесь они себя опять проявили необычностью подходов. Надо же так высказаться: «Мы в космосе возле Земли будем искать Луну как стартовую площадку, но всегда будем находить на чёрном небе нашу Землю с её проблемами». (*Из заявления президента США Джона Фицджеральда Кеннеди о стремлении высадиться на Луне первыми.* — Б.М.) Ведь опять эти проблемы выдвигают, наверное, они это делают по ночам, когда людям спать надо, а они бессонницу передают всем, кто после них начинает размышлять, — они-то меня и изведут на нет, последыши империализма, которые небо не видят, а всё туда же — в критику впадают, о Луне мечтают. Не видать вам её первыми, как своих ушей, вместе с вашими помощниками...», — Хрущёв был явно в плохом настроении.

Прошедшим днём состоялась не совсем приятная встреча с группой писателей, среди которых присутствовал Илья Эренбург, имевший постоянные выезды за границу даже при И.В. Сталине: «...Писатель с большой буквы! Когда я его отчитал, как мальчишку, он внешне даже не смутился, сидел и смотрел будто в никуда... И даже когда я ему высказал: «Вы же не любите Октябрьскую революцию, а она для нас как показатель на-

шей идейной чистоты, целеустремлённости, коммунистического подхода к вопросам строительства социализма и коммунизма», — он всё продолжал молчать. Лицо его было слегка по-старчески сосредоточенным, нахмуренный возле переносицы лоб создавал строгость и отчуждённость от мира сего». Это ещё больше волновало и приводило в негодование Никиту Сергеевича: «Что же больше всего волновало его в этом мире? Идея борьбы или человеческая жизнь? Скорее всего, он опасался потерять частицу человеческого счастья — возможность встречаться со своей любимой там, за границей... Да, Запад разьедает своей материальностью и разлагает идейно! — воскликнул он. — Да они же своего Бога за деньги продадут!.. Что-то я разошёлся, пора бы и уснуть, как нормальному человеку. Завтра обязательно переговорю с заведующим организационным отделом ЦК КПСС, чтоб таких умников, как Эренбург, в Тюмени поменьше было...».

Хрущёв не хотел, чтобы о событиях давно прошедшей войны и его участии в битве под Харьковом⁷⁵ стало известно народу — ведь там он вместе с генералом С.К. Тимошенко⁷⁶ состоял в военном совете Юго-Западного фронта и проиграл это сражение. (Немецкий генерал фон Клейст после пленения в 1945 году был заморен голодом, находясь в советской тюрьме и не смог написать свои воспоминания о бездарности руководства южного направления советских войск; содержание его допросов до сих пор засекречено.)⁷⁷ Это поражение ска-

⁷⁵ Телепередача «Маршал Жуков». — Телеканал «Россия-1», 28.03.2010 г.

⁷⁶ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. — М.: ОЛМА медиа групп, 2010. — С. 601.

⁷⁷ Данная информация прозвучала на телеканале «Спас» в очередной серии о Второй мировой войне, 25.09.2010 г.

залось на всей военной кампании лета-осени 1942 года⁷⁸. Ещё одним бередящим сознание фактом, нежелательным для огласки общественности, было его участие в составе комиссии по рассмотрению дела Н. Бухарина, бывшего любимчиком партии и народа и приговорённого к расстрелу. И он молчал – ведь информация об этом нигде не просочилась. Потом, будто подводя итог своим размышлениям, сказал себе: «Будет день, будет пища...».

Первый секретарь ЦК КПСС повернулся на мягком диване и в тишине медленно попытался погрузиться в глубокий предсказывающий судьбу страны сон. И снились ему снежные вершины Кавказа с крутыми склонами и острыми пиками, с горными массивами леса и дикими животными. Снился тот молодой горец с ружьём, всегда готовый сопроводить любого желающего из состава ЦК КПСС в горы на охоту, поближе к вершинам. Шум водопадов с кристально чистой водой в Кабардино-Балкарии... Женщины стоят возле тропинок для туристов, постоянно приезжавших полюбоваться этой красотой... И приятное ощущение во рту от кавказского вина, выпитого из длинного большого рога...

Когда сон завладел всем его организмом, ему приснилось, что он осматривает страну с вершин Кавказских гор через двадцать лет – уже при коммунизме: много машин и хорошие автострады, зелень полей, засеянных зерновыми и кукурузой...

Люди, окружающие его, были совсем не знакомы для него – думали только о своём благополучии, жили, как в развитых капиталистических странах, а до других им дела не было...

---

⁷⁸ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. – М.: ОЛМА медиа групп, 2010. – С. 635-637.

«Нет, не для этого принимали важнейшие партийные и государственные документы, чтобы индивидуалистов вырастить. Они же так вот и растоптали все идеалы. Нужны примеры коммунистического отношения к труду и усиление идеологической работы в массах, необходимо улучшить свои отношения с военными, с которыми и так сильно поссорился, проводя реорганизацию вооружённых сил страны...», — даже сквозь сон Хрущёва посетила организационная мысль.

* * *

Первый секретарь обкома партии с 1961 года Борис Евдокимович Щербина задумался: «Необходимо успокоить народ, дать ему возможность понять, что голода тридцать третьего года в стране не будет, а ещё идейно вдохновить — после первых весьма крупных неудач реформ Н.С. Хрущёва».

Всех напугали появившиеся в посёлках очереди за хлебом. В народе резко усилилась тяга к восстановлению в стране жёстких порядков, какие были в период совсем недалёкой прошедшей сталинской эпохи.

Вспоминались почему-то слова Н.С. Хрущёва, прозвучавшие во время его недавней поездки по больным для сердца его родным местам: «Живём, как птицы небесные: есть что — едим, нет — орём. А кто нам даст? Мы не орать должны, а производить, а чтобы производить, надо думать, а чтобы думать, надо науку использовать».⁷⁹

«Тогда почему же генетику как науку объявили про-
исками империализма?»⁸⁰ Опять идёт нестыковка концеп-

⁷⁹ <http://letopisi.ru/index.php/>

⁸⁰ Тотальное отрицание чревато гибелью общества: материалы круглого стола «Тоталитаризм, авторитаризм и демократия в глобальном контексте» / Я. Шемякин // Латинская Америка. — 1990. — № 2. — С. 52-53.

туальных подходов к развитию общества. Надо народ побыстрее включить в трудовую деятельность, чтобы он не «орал» от того, что ему ничего не дают и не спрашивают, – всё необходимое для ровного решения выявленных проблем в области имеется», – как бы продолжая и интерпретируя по-своему мысли Генерального секретаря, Б.Е. Щербина размышлял и по деловому безотказно приценивался к состоянию дел в Тюменской области после всех пройденных перипетий.

«Самое главное – имеются трудовые ресурсы, сырьё, лес, пушнина, сельское хозяйство, способное прокормить не только область, но и другие регионы. Нужен положительный пример личности, способной осуществить задуманное, желательно, чтобы это был рабочий-передовик или выходец из сельской местности, фронтовик, и чтобы он имел хотя бы семь классов образования. Чтобы все смотрели на него и говорили: вот, это наш трудяга, из простых вышел, нас понимает и человечный в отношениях. Главное, чтобы он мог быстро схватывать на всех уровнях административного управления. Такого трудоспособного лидера среднего звена на производстве надо искать, чтобы результаты были видны сразу на том участке работы, где он мог бы занимать стратегическое положение. Желательно, чтобы этот человек с перспективой был бы связан с разведкой нефти и газа. Лучше всего, когда личности появятся не в одной ведущей отрасли, а во многих, но вместе с тем эта личность должна играть ведущую роль в определяющей отрасли производства. У нас это отрасль – разведка недр обширных территорий области с возможной последующей нефтедобычей», – Щербина вдумчиво «рисовал портрет» предполагаемого героя социалистического труда – «нового Стаханова».

* * *

Семён Никитович Урусов как живой и стратегический пропагандистский пример, который всегда приветствовали в стране начиная со Стаханова, необходим был всем. Партийные органы сконструировали в пропагандистской машине личность таким образом, что она была выше по своим данным роботов-автоматов и была представлена человеком, способным решить практически любую задачу непосредственно на производстве. Этот пример был введён партийными органами округа и области в механизм выполнения задач, поставленных Третьей Программой партии. Пропаганда и внедрение в практическую деятельность трудовых успехов лидера в производстве подходила ещё и потому, что около половины руководящего состава ИТР (40%) не имела даже среднего специального образования.⁸¹ Это отрицательно сказывалось на производственных показателях предприятий, в том числе и на разведке и начале добычи нефти на территории Ханты-Мансийского национального округа. Это был своего рода ответ на вопрос: «что необходимо было сделать, чтобы укрепить «углеводородным фундаментом» реализацию бурного роста экономики начала шестидесятых и семидесятых годов», — как будто равняя общество на времена стремительного роста экономики и энтузиазма первых пятилеток и на развитие экономики послевоенной пятилетки⁸².

«Безусловно, нужна очень продуманная кадровая политика. Образно составленного лидера из среды производственного звена необходимо искать на каждом

⁸¹ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф. 2146. — Оп. 1. — Д. 302.

⁸² <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/STAT/Slavkina.html>

уровне руководящего состава нефтяников. Эта политика могла привести к тому, что личность будет своим примером способствовать повышению производственных показателей во всех отраслях народного хозяйства области. Желательно только, чтобы передовики других отраслей тоже, не скрывая это ни от кого, равнялись на эту личность. Конечно, спокойная и рассудительная и трудолюбивая личность Семёна Никитовича Урусова, его авторитет могли сыграть положительную роль, особенно на начальном этапе освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири. Тем более что С.Н. Урусов был первооткрывателем сибирской нефти и имя его в истории останется навсегда, – живо размышлял Б.Е. Щербина. – В стране первооткрывателям отдавали предпочтение в пропагандистской деятельности – так было с освоением космоса, Антарктиды и т.д. Москва сразу это увидит и, очень надеюсь, одобрит. А самое главное – придёт и в центр понимание важности освоения нефтяных и газовых месторождений национальных округов Тюмени. Нам поддержка из Москвы уж очень нужна: такая огромная область, а промышленности развитой на всей территории нет. Даже плановые органы по строительству по старинке рассчитывают строить железную дорогу Тавда – Сотник с применением на лесозаготовках бесплатного труда заключённых, привезённых со всех территорий СССР. Все застройки селений велись на расстоянии четырёх километров от реки, чтобы сбежать никому не было возможности. Вот вам и психология управленческого состава! Все организации по области закладывают в план развития учреждения не уменьшение применения труда заключённых, а наоборот увеличение, учитывая суровые климатические условия».

После ликвидации ГУЛАГа работавшие заключённые продолжали производить 14% (против 13% при ГУЛАГе) промышленной продукции в СССР, а со всей промышленной отраслевой инфраструктурой страны весь его багаж тянул, возможно, свыше 50%, так что с ним приходилось считаться и на региональном уровне.

«Что-то менять здесь надо — во всяком случае, своё мнение по этому вопросу необходимо довести и до Министерства внутренних дел СССР, только сделать это без ущерба собственной производственной карьере и жизни, — осознал он. — С открытием нефти и газа только приток населения из различных территорий страны, возможно, изменит ситуацию общего психологического настроения, вызванного историческими событиями двадцатого века в этом необъятном по размерам и возможностям сибирском крае. Народ не имел опыта по решению сложных для этого времени жизненных проблем, он был лишён всего этого многие десятилетия. Сейчас партийным организациям нужна постоянная идеологическая работа среди населения: спецпереселенцы играют весомую роль — ведь основная часть населения северных районов области — это ссыльные всех поколений либо те, кто прошёл сталинские лагеря. Надо по возможности дойти до каждого человека на производстве, чтобы не зародить озлобленность за прошлые загубленные поколения. И всё это надо сделать в спокойной, ненавязчивой обстановке. Такие вопросы необходимо поднимать вовремя и никогда не оставлять без контроля. Всё это ещё раз в развёрнутом виде необходимо будет поднять на очередном заседании обкома с обязательным отчётом секретарей по идеологии из национальных округов, — твёрдо решил Б.Е. Щербина. — При этом не надо забывать и областное радиовещание, голос которого может

быстрее долететь до каждого жителя области и даже на отдалённые северные территории у Карского моря и на юге в степях Приишимья».

Решительности в рассуждениях Бориса Евдокимовича добавлял и опыт участия в советско-финляндской и в Великой Отечественной войнах. Он знал, учитывая свой хозяйственный опыт при восстановлении Харькова после окончания войны, на что можно было рассчитывать при освоении нефтяных и газовых месторождений – на значительный приток капиталовложений в этот удивительно богатый природными ресурсами край, живущий на голодном пайке при неосвоенных природных ресурсах.

«Необходимо поставить под «первую волну» освоения самые крупные месторождения нефти и максимально добиться высокой фондоотдачи на каждый вложенный рубль, а это в конечном виде сделает своё дело на далёкую перспективу, тем более что основные потребители «голубого топлива» были расположены на Урале, а это на одну тысячу километров ближе, чем от Среднеазиатских месторождений. Область во всех отношениях по перспективам своего развития в будущем не выглядела хуже территорий в Восточной Сибири и в Предуралье. Однако специфических проблем хватало, и первая из них – дефицит подготовленных кадров для всех отраслей хозяйства из-за отсутствия профильных учебных заведений по новым направлениям согласно последовавшим открытиям, которые могут перевернуть оценочные показатели запасов нефти и газа во всём мире», – продолжил делать свои аналитические выводы Борис Евдокимович Щербина, сидя в своём рабочем кресле.

«Интересно, а кто-нибудь занимался в обкоме партии такой аналитической деятельностью – ведь область находится на стадии аграрно-индустриального развития? –

Сам себе задал вопрос первый руководитель Тюменской области. – Или по старой, сложившейся ещё во времена И.В. Сталина, традиции, все были хорошими исполнителями, опасаясь того, что они за свою инициативность могут быть наказаны?.. Надеюсь, что встречу в составе обкомовских работников достаточно хороших аналитиков, практиков здесь уже достаточно. А приглашать новых партийных работников с производства из других территорий не имеет смысла, да они вряд ли бы и поехали в эту неизвестную для всех область. Думаю, что была такая аналитика, но она была выборочной и не заглядывала в перспективу развития области, тем более не рассматривалась детально, в виду своей исторической неподготовленности, перспектива взаимоотношений между национальными округами и областью в части распределения ответственности. С укреплением позиций областного партийного руководства может получиться так, что на уровне округов начнётся порой необоснованно стремительная смена кадров по причине увеличения общей хозяйственной нагрузки на руководителей и их быстрого карьерного роста. Вот только для области и округов это будет далеко не лучший вариант, да ещё не известно, займут ли они нужную позицию в деле развития области...».

Необъятная величина

*«Сильный ум, преследующий
практические цели, —
лучший ум на земле».*

И.-В. Гёте

Перед тем как получить назначение на должность, любой руководитель взвешивает все «за» и «против» и только после этого принимает необходимые решения, окончательно утверждаясь в понимании величины ответственности, что будет возложена на него.

Здесь получилось именно так: приняв на свои плечи руководство таким регионом⁸³, Борис Евдокимович Щербина продолжал продумывать направления промышленного и сельскохозяйственного развития не совсем процветающей области, в которую входили два национальных округа. Он остановился на предпочтительном развитии местной промышленности, сельского хозяйства в южных районах области, где не было даже сквозной асфальтированной дороги, а выращенный и собранный урожай приходилось доставлять на элеваторы военными вездеходными грузовиками, а в крайних случаях — в период бездорожья после проливных дождей — гужевым транспортом. На территории Ханты-Мансийского национального округа был взят курс на развитие лесозаготовок, добычи рыбы и её переработки на месте, сбора и переработки дикоросов, оленеводства, клеточного

⁸³ Ленинская правда. — № 91 (8248). — 9 мая 1961 г.

звероводства. В Ямало-Ненецком национальном округе было выдержано направление на развитие рыболовства и оленеводства. Именно в период, когда вторым секретарём обкома партии был А.К. Протозанов, начали проектировать и строить такие предприятия как камвольносуконный комбинат, моторный завод, получил развитие судостроительный завод, всего – более десятка крупных предприятий. Он довольно круто взялся за развитие промышленности по области в целом.⁸⁴ Однако на 90% весь промышленный потенциал области был сосредоточен в областном центре, где нередко применялся гужевой транспорт, который было видно на улицах областного центра в те годы. А когда в начале шестидесятых его на перевозках начали заменять мотороллерами, недовольными оказались извозчики⁸⁵.

В этой ситуации процесс разведки территории на нефть и газ нужно было проводить во что бы то ни стало. В последние годы после открытия не совсем крупных месторождений природного газа в районе посёлка Берёзово ассигнования средств из центра на эти цели увеличились, но не так значительно, как хотелось бы. Шла жёсткая бескомпромиссная борьба областного руководства и центра вокруг разведки и возможного после этого бурного освоения нефтяных и газовых месторождений: Москва настаивала на постепенной разведке и освоении месторождений с концентрацией сил на добыче нефти и газа на территориях между Волгой и Уралом; Тюмень (во главе с первым секретарём обкома Б.Е. Щербиной и вторым секретарём обкома А.К. Протозановым) выступала

⁸⁴ Записано по воспоминанием Г.П. Богомякова, село Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

⁸⁵ Записано по воспоминаниям бывшего спецпереселенца посёлка Лиственничного (Кондинский район, Ханты-Мансийский национальный округ) С.В. Старостина, г. Тюмень, 01.07.1964 г.

за ускоренное развитие севера Тюменской области, — хотя руководители прекрасно понимали, что их настойчивость могла стоить им занимаемых мест, но упорно пропагандировали идею сибирского «третьего Баку». Замедление разведки территории на наличие нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири могло привести в дальнейшем к замедлению добычи углеводородного сырья в СССР, и в рассмотрении этого вопроса для руководства Тюменской области необходима была только победа, иной исход означал их смещение с политической арены страны на многие годы. Мало кто мог в то время даже предположить, что неговорчивость северных регионов с центральными органами в решении спорных экономических и сопутствующих им проблем будет продолжаться ещё многие десятилетия⁸⁶.

«Большой нефти нужна совсем иная региональная политика», — изрёк однажды Б.Е. Щербина.

Как вспоминали сами буровики, зачастую буровые вышки ставились интуитивно и... приносили некоторые результаты: так, возле посёлка Шаим в 1959 году получили приток нефти, правда, небольшой — с дебитом всего лишь до десяти тонн в сутки. Получение нефти под Шаимом вывело из состояния временного равновесия всё руководство окружкома партии Ханты-Мансийского национального округа: внешне оно прореагировало очень бурно, однако средств и техники для буровых бригад в необходимых объёмах предоставлено не было. Это прекрасно осознавал председатель Ханты-Мансийского окружкома Григорий Яковлевич Кузнецов (1957-1961), и потому решил переговорить об этом по телефону с Борисом Евдокимовичем Щербиной. Однако после это-

⁸⁶ Из выступления губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры А.В. Филипенко в эфире телекомпании «Югория», г. Ханты-Мансийск, март 2006 г.

го разговора сомнений в перспективах развития округа осталось намного больше: ведь лесная отрасль к этому времени стала набирать самые большие обороты, каких не было за всю историю её развития, не отставали от неё рыбная отрасль и клеточное разведение пушного зверя. В это время активно велись дебаты по вопросам строительства Нижне-Обской ГЭС и возможным последствиям для природы и человека. После известий о том, что открыто всего лишь одно месторождение нефти, споры о пресловутой ГЭС ещё больше усилились, к ним стали подключаться нефтяники, имеющие опыт добычи нефти на платформах, устанавливаемых на дне водоёмов.

Б.Е. Щербина чувствовал, что скоро подземные богатства откроются людям, но когда это произойдёт — точно никто сказать не мог. Борис Евдокимович, встречаясь с заведующими отделами пропаганды и агитации северных районов области, заострил их внимание на проведении разъяснительной работы по поводу полётов на вертолетах по тем местам, где традиционно местное население Севера принимает участие в каслании с оленями по ямальской тундре, — запрещались незапланированные посадки авиатехники в местах, где ханты и лесные ненцы оставляют в специальных складах летнюю и зимнюю одежду в лесной или тундровой зоне: чтобы не вызвать конфликтную ситуацию, исключалась любая стоянка техники и возможное исчезновение одежды (особенно детской с национальным орнаментом).

Для страны и региона наступило время относительной политической стабильности и продолжения быстрого роста экономики.

«Только вот как долго это продлится», — размышлял первый секретарь обкома КПСС Б.Е. Щербина. Он подметил, что такие периоды длятся от двадцати до трид-

цати лет, а то и намного меньше, после чего всё круто меняется: сменившийся руководитель либо «закручивает гайки» управления, либо их «раскручивает», как и в дореволюционной России. Примером «раскручивания гаек» является внутренняя политика Н.С. Хрущёва по либерализации и демократизации общества. После таких периодов многие материальные ценности были подвержены частичному уничтожению либо переходили в собственность других учреждений.

Борис Евдокимович долго сидел в кабинете, размышляя о развитии области при такой высокой текучести кадров: «...да и как получить в достаточном количестве специалистов, если в стране их не хватает. Принятые правительством постановления о том, что перед поступлением в высшие учебные заведения необходимо иметь трудовой стаж в сельском хозяйстве не менее двух или трёх лет, ситуацию ещё более усложнили. Только армия, очевидно, имеет достаточное количество подготовленных научных кадров. Да и вообще, как может развиваться наука, когда партийно-политической элитой страны даже генетика признана «происками империализма», а осенняя картошка, собираемая на полях в колхозах и совхозах, — средством воспитания студенчества...

Безусловно, чтобы общество не перерождалось в период усиления идеологических «происков империализма», особенно из-за океана, необходимо усилить строго направленную идеологическую работу в массах, но ведь многое, что делается сейчас, трудно отнести к прогрессу», — продолжал свои размышления региональный лидер, от позиции которого в новых условиях зависело практически всё.

* * *

Где-то там, на кондинской земле – на традиционной территории по заготовке древесины на экспорт по северному речному пути – сейчас решалось многое. Это была необъятная величина в плане перспектив экономической судьбы великой страны и развития всей области, – приблизительно так размышляли многие из тех, кто имел отношение к региональной и общесоюзной политике. При этом все понимали, что если не найдётся нефть, то в самое ближайшее время начнётся возведение Нижне-Обской ГЭС, в результате чего будет затоплена территория от Салехарда до Ханты-Мансийска при подъёме уровня воды на сорок три метра. Учёные даже предлагали для сохранения ценных пород рыбы выловить её и переправить в реки, берущие своё начало за Уралом, а всё остальное здесь на многие десятилетия могло частично превратиться в безжизненную водную пустыню. При таком подходе добыча нефти с плавающих кольцевых понтонов была весьма проблематичной: ведь под толщей воды будет ещё до двадцати метров торфяников, что по расчётам директора института Гипроект Г.П. Богомякова привело бы к кратному удорожанию добычи нефти. Он просто взял карандаш и на глаз, как требовали от него, округлённо подсчитал все расходы в соответствии с удорожанием добычи нефти в Прикамье, и получилось, что строительство плотины в низовье Оби приведёт только по добыче нефти к общим убыткам в восемь миллиардов триста миллионов рублей при общих затратах на строительство ГЭС 1,1 млрд. руб., не считая потерь в лесной и рыбной промышленности, общих затрат на переселение населения из районов возможного затопления и многого другого. При таком раскладе в 1963 году данный проект

был похоронен в кабинетах союзных министерств и ведомств⁸⁷.

Беря на себя огромную ответственность, противники такого исхода событий могли не только лишиться удачно начавшейся карьеры, но и оставить все свои надежды на дальнейшую служебную перспективу.

Как вспоминал Ю.П. Баталин, ставший в середине 1960-х главным инженером «Главтюменьнефтегазстроя», никто особо не хотел браться за освоение Тюмени. Уговаривали и Минтяжстрой и Минмонтажспецстрой и Минтрансстрой⁸⁸, однако все они наотрез отказывались на первых порах это делать именно на тюменской земле – из-за сложности геологических пород, постоянно скапливавшейся воды в поверхностных слоях земли и климатических условий, ранее нигде не встречавшихся в первых попытках промышленного освоения Севера.

* * *

В свободное время сидя у костра под шум работающих дизелей, Семён Никитович Урусов глядел на пламя и размышлял о своём будущем. Разве мог он подумать о том, что открытие нефти и газа смогло поднять с насиженных мест целые поколения. Дым постепенно развеялся, а огонь горящих сердец остался и его хватило на многие десятилетия великих таёжных открытий. Зажжённый факел чем-то напоминал рвавшийся ввысь огонь свершений первых пятилеток. Нефтяник вспоминал пересказанную много раз местными кондинскими манси судьбу исчезнувшей в XX веке священной для местных

⁸⁷ Записано по воспоминаниям Г.П. Богомякова, село Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

⁸⁸ <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/STAT/Slavkina.html>

жителей манси «Золотой Бабы»⁸⁹ — здесь, в кондинских лесах и болотах Зауралья после похода Ермака и окончания Гражданской войны. Золотая Баба была богиней предков угроязычных народов Урала. По преданиям, молились тогда остяки Русскому Богу — он был из литого золота и в золотой чаше сидел. Новость о русском золотом идоле так поразила казаков, что они в своё время об отступлении из Зауралья забыли. Однако по какой-то причине, возможно из-за опасения потерять её, местные кондинские манси так запрятали этот идол где-то здесь в лесах или болотах, что до сих пор никто найти его не может. Сколько искателей было, сколько жизней загублено в поисках этой драгоценной реликвии, но главной ценности остяков — кумира Золотой Бабы с храмовыми сокровищами — найти так и не удалось.

«Вот и мы не собираемся отсюда никуда уходить, а найдём ли мы здесь «своё», столь необходимое для страны «чёрное золото», которое давно ищем? Хватит ли у нас терпения вот так по лесам и болотам ездить и ходить, не зная, будет ли положительный результат в этих поисках? Может быть, и нас ожидает такой же исход, как с этим золотым идолом? Не заблудиться бы в этом лабиринте природных нюансов и человеческих пожеланий, намерений и приказов, как это было с революционным отрядом на юге области на Чёрном озере в годы Гражданской войны».

Его вдруг одолело непонятное ощущение того, что они напрасно ищут здесь нефть, так как основная часть суши может быть затоплена водой гигантского, площадью сто пятьдесят тысяч квадратных километров, и вряд ли имеющего аналог в мире искусственного моря — из-за

⁸⁹ Грицкова В. Где искать золотую бабу? // Наука и религия. — 1996. — № 7. — С. 37.

планируемого строительства гидроэлектростанции в низовьях реки Оби. Даже в газетах были озвучены дебаты о том, как спасти ценные породы рыб в зоне возможного обширного затопления такого необъятного пространства Сибири, где были сплошные болота и в летнее время всех донимал гнус. Всё это ставило под вопрос возможность освоения этой территории.

«Сами люди могут запрятать богатство земли ещё дальше и глубже со своими планами и намерениями, присоединившись в этом стремлении к природе, которая и сама смогла так скрыть золото, что найти его не представляется возможным в ближайшее время, и никто не гарантирует, что мы это сделаем в наступившем десятилетии. Может и нам ещё не повезти, и сроки разведки на нефть и газ сдвинутся так, что это будут делать наши дети. Хотя у меня есть уверенность, что нефть — наше общенародное «золото» страны, здесь она есть, и мы её найдём», — продолжил свои размышления бригадир. И добавил: «Обязательства приняли, нашумели, что фонтан дадим, а на деле?..».

Буровая вышка стояла совсем рядом с рекой, за смену довольно редко проходили до пятнадцати метров. Много здесь зависело от слаженной работы бригады. Успех всегда собирался по крупницам вклада каждого. Некоторые стали поговаривать: «Пора это дело бросать, надежд-то на открытие нефти и не было почти никаких».

«Ребята, опять поломались! Насосы забарахлили...»

«Ну и ну. А ведь действительно, многое руководству наобещали, как же будем выходить из положения?..»

«Распопов, обещать можно только женщинам, а здесь буровая установка...», — с ехидцей ответил недавно пришедший в бригаду перспективный и желающий учиться рабочий.

«Как бурить-то будем?!», — в сердцах взмолился передовой бурильщик Алексей Распопов.

Бригадир задумался: «Нет ничего более вредного для человека, чем отсутствие работы по разным причинам. Вот и сейчас простой бригады составил три месяца — он так расхолаживающе на всех подействовал, что не совсем ясно, кто и как поведёт себя после ремонта в иной ситуации и что будет дальше».

Бригада его побывала до прибытия на Север во многих местах, в том числе и в Свердловской области. Но то, что им пришлось увидеть здесь, не шло ни в какие сравнения по жёсткости климата. Можно было передвигаться с буровой с одной площади на другую только зимой, когда верхний слой почвы замёрзнет. Кроме того, существовали совсем иные принципы человеческого отношения к труду в виду невозможности порой своевременно доставить оборудование для буровой на разведываемые площади. К этому времени техника и методика изыскательских работ и поиска месторождений углеводородного сырья не была столь уж совершенна.

Как вспоминали участники тех далёких уже дней, буровую вышку Р-6 ставили на площади, которая вскоре после открытия здесь нефти получила название Трёхозёрное месторождение, — на глазок, возле самой реки. Техники для того, чтобы доставить оборудование дальше, не было, закончился завоз. Слабо верили, что будет какой-то результат, хотя ранее на глубине сорока двух метров самотёком пошла высококачественная белёся нефть. Кто-то из местных жителей заправил её послевоенный мотоцикл и топнул ногой на рычаг запуска. Двигатель машины, чадя, застрекотал, и мотоцикл, круто взяв с места, вскоре исчез в извилинах узкой лесной дороги, поросшей плотной стеной кондинского стройного моло-

дого сосняка, через который с большим трудом пролетал колючий и неприветливый кондинский ветер...

И шумели дизели в своей бесконечной работе, разнося грохоток по некогда тихим и неизвестным никому просторам кондинской тайги. Ранее полученному небольшому притоку нефти обрадовалась вся бригада, ведь до этого многие говорили, что они быстрее всего в этих урманах встретятся с чёрно-бурым медведем, не жели найдут здесь нефть... И вот она пошла – пока её немного, но она есть. Люди наконец начинали верить данным сейсморазведки, которые показывали, что здесь имеется промышленная нефть и запасы её должны быть внушительными.

Ветеран Шаима Иван Шестаков вспоминал: «Мы, бригада Семёна Урусова, выгрузились с барж почти на этом месте и сразу приступили к бурению скважин. Техники не было. Что могли – переносили дальше. Поэтому и было принято решение – бурить здесь. Именно здесь просматривалась по сейсморазведке возможное залегание промышленной нефти. Первая скважина под Шаимом после бурения на запланированную глубину дала 3-4 кубических метра в сутки. Забурились на новом месте, и вдруг пришла телеграмма за подписью Юрия Эрвье о снятии и перенесении станка на другую точку. Когда об этом узнал главный геолог Тюменской области, то он это решение отменил и стал добиваться её промышленного испытания. И вот эта ранее запланированная скважина Р-6 дала нефть с высоким дебитом⁹⁰». Довольно быстро был определён примерный дебит скважины в 350 тонн. Никто такого ожидать не мог, тем более здесь, на берегах небольшой по сибирским меркам реки.

⁹⁰ <http://www.regnum.ru/news/322709.html>

Срочно в Тюмень была отправлена служебная телеграмма, которую давно ждали многие, – об открытии промышленных запасов нефти, за подписью С.Н. Урусова, и в Москву за его же подписью и подписью Юрия Георгиевича Эрвье, которого все геологи между собой любя называли «папа Юра».

Вот здесь всё и началось: кого только не было на этой знаменитой скважине в последующие дни – прилетали на вертолётах, пробивались к скважине на вездеходах, всё фотографировали, брали интервью и спрашивали у специалистов возможные показатели выброса нефти в сутки и промышленную значимость этого открытия. Прилетали первый секретарь окружкома партии Григорий Яковлевич Кузнецов⁹¹ и первый секретарь Кондинского райкома партии П.М. Телепнев.

«Предстоит бурное обсуждение последствий этого открытия», – высказал свои мысли вслух первый партийный лидер округа. Впечатление от сказанного усилилось после того, как у действующей скважины побывали светила науки. За первую неделю посмотреть на первую сибирскую нефть прибыло столько журналистов и руководителей, сколько не бывало их на кондинской земле за все последние десять лет.

Открытие нефти произошло совсем не с такой геологической раскладкой, как это было на других разведанных площадях в СССР. Да и сама буровая бригада первооткрывателей была сложена в управлении из тех кадров, что были под руками, однако её основной состав включал в себе тех, кто уже побывал с мастером во многих подобных местах Сибири и Урала.

---

⁹¹ Югория: энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск, 2000. – Т. 2. – С. 91.

После сообщения об открытии нефти, все получили премиальные по тысяче шестьсот рублей с копейками. Семён Урусов после этого улыбнулся и сказал: «Моя фамилия была последней в списке, поэтому я получил на одну копейку меньше, ведь её никак нельзя было разделить на всех».

В Тюмени во вновь созданном управлении по геологоразведке всё больше требовали выполнения и перевыполнения плана по разведочному бурению. Именно из количества пробуренных метров и складывалась общая картина финансирования управления, и сколько потом ни боролся с этим Ю.Г. Эрвье, в победителях оказывались советская социалистическая система планирования и бюрократия.

Сразу же после первых открытий нефти на Конде и на Оби приказом № 1 по Главтюменьнефтегазу⁹² были созданы три объединения – Шаимское, Усть-Балыкское и Сургутское. Это был действительно фронт наступления на залежи во многом не известной для всех тюменской нефти.

Страна неотложно нуждалась в своей нефти в большом количестве – этого требовали международная обстановка в мире и укрепление обороноспособности страны. Американцы молча наблюдали за тем, что будет с экономикой СССР в период бурного потребления углеводородных энергоносителей. Решение партии было, как военный приказ: бурить в больших масштабах – в надежде, что найдут большую нефть для быстрой промышленной разработки.

На собрании бригады были взяты непривычные для всех повышенные социалистические обязательства: так, бригада Урусова решила в следующем году пробурить

⁹² <http://www.regnum.ru/news/322709.html>

двенадцать тысяч метров горных пород за один год — таких показателей в Западной Сибири никто ранее не достигал⁹³.

Ровно через год, подсчитав все свои неиспользованные возможности, бригадой был заключён следующий, рекордный по объёму предполагаемой для выполнения работы, договор о социалистическом соревновании, в котором были взяты повышенные обязательства — добиться прохождения уже 20 тысяч метров горных пород. И оно было выполнено к сорокалетию Октябрьской революции⁹⁴. За оставшиеся два месяца бригада взяла дополнительные обязательства пробурить ещё шесть тысяч погонных метров горных пород. И уже никто не сомневался в том, что эти казались бы огромные и невыполнимые планы будут обязательно выполнены и перевыполнены⁹⁵ — так призывала работать их Родина, а всё остальное призваны были делать сами граждане этой страны.

«Наконец-то нашли промышленную нефть и в Западной Сибири. В стране привыкли спрашивать: «...где бензин, дизельное топливо?..». А ведь без Сибири нам эту проблему вряд ли решить, особенно со старыми месторождениями и не известно, по какому пути пошла наша страна... — Сидя в министерском кабинете в Москве, размышлял А.Н. Косыгин. — Все средства на разведку нефтяных месторождений и развитие территории пока будут направлены только в Ханты-Мансийский национальный округ».

«...Вот и Америка начинает строить на самых больших льдинах в Арктике свои запасные аэродромы с запасами

⁹³ Ленинская правда. — № 206 (8323). — 17.10.1961 г.

⁹⁴ Ленинская правда. — № 211 (8626). — 23.10.1962 г.

⁹⁵ Ленинская правда. — № 222 (8637). — 07.11.1962 г.

горючего и продовольствия. И нам, возможно, придётся делать нечто подобное, только на суше вдоль побережья Ледовитого океана, — докладывал министр обороны СССР Р.Я. Малиновский (1957-1967)⁹⁶ на аппаратном совещании, которое проводил Н.С. Хрущёв. — Линкоры порезали, ну и что? США усилили не только ВМФ, но и создали нам дополнительную угрозу на Севере, зря ведь бросили строить полярную железную дорогу! И везде нужно горючее — для ракет и авиации», — прагматично заключил министр.

Однако ещё никто практически не видел и не представлял себе, с какими величинами им придётся столкнуться в производственной деятельности по добыче нефти и газа в самое ближайшее время. Ведь эти величины не только скажутся на мировых ценах на нефть, но и впоследствии на многие десятилетия посадят страну на «нефтяную иглу», создавая для высшего руководства страны иллюзию нескончаемых богатств. Они были уверены в том, что наличие такого количества разведанных месторождений нефти и газа даст возможность в быстрые сроки решить многие из имеющихся экономических проблем страны, а также помочь в этом мировой системе социализма, осуществляя поставки энергетического сырья по намного заниженным и порой смехотворным, в сравнении с мировым уровнем, ценам. И долги за доставленные ценные углеводороды не были возвращены поставщику развивающимися странами так называемой социалистической ориентации даже через десятки лет — уже в новое для страны время.

---

⁹⁶ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. — М.: ОЛМА медиа групп, 2010. — С. 351.

* * *

На очередном областном семинаре идеологического актива слово взял представитель КГБ по Тюменской области. (*Геологи по-своему расшифровывали аббревиатуру «КГБ» – «Комитет глубокого бурения».*) Это был человек лет сорока пяти, в тёмно-синем костюме, с начинающей сесть шевелюрой на голове. Стоя за трибуной, он обратился ко всем как-то не совсем обычно, спокойно и уравновешенно. Было видно, что он был убеждённым человеком, и его слова в подготовленной годами для восприятия нужной информации аудитории воспринимались по-особенному.

«Уважаемый идеологический актив! – Обратился он ко всем присутствующим в зале. – Это хорошо, когда мы говорим о патриотизме и своих достижениях, однако не надо забывать и то, что есть необходимость сказать об отрицательных фактах нашей с вами повседневной жизни. Мы всегда рапортуем о своих достижениях, достигнутым результатам в экономическом развитии страны все всегда рады, так как это напрямую связано с повышением уровня жизни населения нашей страны и нашего региона. Однако вполне возможно, что достигнутые успехи вскружили нам головы или же у нас не хватает общей экономической культуры. Взять хотя бы один пример – показательный для всех. На Сургутском месторождении нефти работает много молодых и творчески работающих людей. Суть дела заключается в том, что среди такого множества молодых людей нашёлся «опытный» сотрудник и стал записывать всю переработку, включая аварийные ситуации, и собирать справки о переработанных часах на производстве, не воспользовавшись предоставляемыми отгулами, а потом подал в суд на НГДУ и выиграл его – получил за счёт своих

же товарищей пятьдесят тысяч рублей. Однако горький опыт нас ничему не научил, и через полтора года ситуация повторилась: и вновь суд, и вновь отсуженная сумма составила уже свыше шестидесяти тысяч рублей. Так спрашивается: до каких пор такое может продолжаться?..»

В красивом, с красными креслами, большом по вместимости актовом зале областного Дома политического просвещения стояла такая тишина, что любое движение сразу же могло быть замеченным каждым человеком.

А выступающий с трибуны продолжил: «После детального разбирательства в ситуации трудовой коллектив вместе с руководством предприятия, где работал данный «калымщик», принял решение о его увольнении на основании статьи, в которой говорилось о том, что с данным человеком коллектив не сработался. Через установленное время его просто уволили, хотя прогулов и злостных нарушений трудовой дисциплины у него не было. Так ведь он вновь обратился в судебные органы и его восстановили на работе в том же трудовом коллективе. Лишь через полгода, после длительных разбирательств, связанных с трудовым стажем на Севере, его уволили окончательно...».

После завершения семинара некоторая часть слушателей продолжала рассуждать на тему необычных в восприятии трудовых отношений. Людей интересовал объективный вопрос: являются ли с юридической точки зрения правомерными действия лиц как с той, так и с другой стороны? И некоторые всё-таки остались при своём мнении: действия судебных органов по отношению к уволенному были слишком суровыми.

Следствием произошедшей тяжбы стало появление рекомендации всем начальникам подразделений – брать

на работу людей с применением испытательного срока, тем более что основная часть прибывших не имела знакомых людей на этой земле, а значит, никто не мог за них поручиться.

«Вы знаете, он же работал в нашем управлении и сумел выиграть судебный процесс при молчаливом согласии коллектива. Мне думается, потому, что многие не имеют постоянного в капитальном исполнении жилья. А я точно знаю, что этот мужчина, выигравший процесс, на полученные деньги купил себе в Геленджике особняк с видом на море, стоимостью пятьдесят тысяч рублей. Все мы собственники в душе, каждому хочется жить и ни от кого не зависеть. Я бы тоже не отказалась иметь особняк с садом у моря. Да там можно жить, не уезжая на Север. Сдавай в наём жильё отдыхающим в летнее время – и живи себе припеваючи. Здесь, на Севере, в городе, стоящем на берегу Оби, моя семья живёт в благоустроенном домике, закупленном в Финляндии, но он ведь не является капитальным жильём среди этих лютых морозов. Зато кто-то имеет всё и на севере, и на юге, сидя в главке, в кабинете в Тюмени, пишет отчёты о добытых тоннах сибирской нефти и получает северные надбавки, хотя они там не положены – это же юг области и климат там далеко не северный. Сами же мы в ближайшее время не в состоянии накопить деньги на такой особняк. Что касается переработки, так она у нас у всех имеется. Нас ведь очень часто отзывают без предоставления дополнительной оплаты, а потом награждают бумажными ничего не стоящими грамотами...», – высказалась женщина – бывшая пропагандистка идей партии в трудовом коллективе.

Её долго успокаивали сослуживцы, хотя каждому в душу закрались сомнения.

Поздно осенью в системе партийной учёбы в Сургутском НГДУ произошли кадровые изменения: опытной пропагандистке, оставившей свой общественный и партийный пост, вручили на прощание грамоту из высококачественной бумаги – естественно, без денежной премии...

В начале перестройки в СССР она выехала вместе с мужем в Германию, чтобы заработать денег, и когда собственник акционерного общества предложил ей приобрести акции, она молча сделала отрицающее движение головой.

«Почему?», – спросил он.

«Да у меня просто нет денег».

«Как! Вы же приехали с Севера и у вас просто должны быть денежные сбережения!», – воскликнул мужчина.

«Хорошо, я принесу всё то, ради чего я проработала столько лет на Севере», – промолвила женщина.

На следующее утро она пришла в сопровождении мужа, разложила на столе почётные грамоты из высококачественной бумаги, полученные ею по результатам её труда на далёком Севере...

Директор акционерного общества, слегка опешив, успел только спросить: «А кто всё, что вы создали, приватизировал?».

Она пожала плечами, извинилась, собрала грамоты и вышла из кабинета, оставив собеседника в недоумении.

Однако сколько бы приехавшая с Севера пара ни пыталась вжиться в новую среду жизни, для них это оказалось делом непосильным.

Её муж был прекрасным анестезиологом и работал в одной из ведущих клиник девяностых годов прошлого столетия. Вместо компьютерных вычислений все расчёты он интуитивно и безошибочно проводил сам. Однако

пришло время продления очередного контракта, но ему сказали, что человек не компьютер и рано или поздно допустит ошибку с далеко идущими последствиями и престижем для клиники... Он пришёл домой уставший, принёс пакет с выходным пособием и с твёрдым решением уехать на свою исконную Родину...

Проработав в Германии девять лет, они вернулись в Россию. Купили особнячок в Геленджике и остались здесь жить, как и мечтали в юности. Каждый вечер и утро они прислушивались к прибору морской успокаивающей волны, которая с шумом накатывалась на прибрежные камни. По ночам им снились огни городов и факелы Севера... Они не выдержали этого зова и через четыре года прилетели в Сургут по просьбе оставшихся в городе друзей... Город действительно был таким, каким выглядел по телевидению: ещё работая за границей, они видели его в телепередачах наряду с Ханты-Мансийском, когда транслировались международные соревнования по биатлону.

Дух огня

*Люди часто капитулируют перед трудностями,
реже терпят жизненные крушения,
ещё реже загораются необходимостью трудовых свершений
и пылают в них огнём исторических начинаний,
как вечно неугасаемые звёзды на небосклоне,
всю свою минутную в вечности человеческую жизнь.*

Б. Мазуров

В феврале 2002 года в Ханты-Мансийске стояла настоящая зимняя холодная погода, что для иностранных гостей, прибывших на кинофестиваль «Дух огня», было не совсем привычным делом. Многие из них впервые приехали в Сибирь на этот кинофорум. На площади перед одним из красивейших зданий окружной столицы – Центра искусств для одарённых детей Севера – горела всеми цветами радуги и отблесками огней сделанная изо льда «Золотая баба», как символ уже открытого подземного богатства этого далёкого от европейской цивилизации северного края. Проходя между ледяными зданиями и статуями, знаменитость отечественного кинофорума актёр Александр Абдулов отметил, что на фоне замедления выпуска новых отечественных фильмов мероприятие, проводимое в Ханты-Мансийске, позволит определить и сконцентрировать внимание на самых востребованных направлениях отечественного кино с необыкновенными в нашем переходном периоде сюжетными линиями, направленными на восприятие современной молодёжи.

* * *

В 1953 году⁹⁷ были открыты месторождения газа возле Берёзово – по запасам примерно пятьдесят миллиардов кубических метров. Как рассказывали очевидцы, все ханты, манси и зыряне, жившие в чумах неподалёку от места, где ударил мощный фонтан газа, словно вырвавшийся из-под земли Югорской дух огня, разъехались все в один день и длительное время держались от этого шумного места на расстоянии. После такого шума вылетевшей из-под земли огненной силы разъехавшиеся коренные жители присматривались к изменениям в окружающей их природе, подмечая всё, что происходило в ней и что могло измениться в чистейшей тайге с мхом-ягелем, который не переносит загрязнения окружающей среды. После этого шквала испуганные таёжные люди были уверены в том, что огненный дух особой, ранее не известной силы летал возле них, присматриваясь к тому, как они живут на этой промёрзшей от зимней стужи земле, как будто выпустили его для наблюдения за ними из глубин этой же самой земли...

После открытия месторождений нефти и газа больших изменений в деле увеличения населения не произошло по сравнению с нынешним состоянием народонаселения, когда оформились крупные города Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Урай и т.п. Открытие нефти стало «ожидаемой неожиданностью» для всего руководства огромной области. Природа будто специально так далеко на север запрятала свои богатства. А люди, жившие на этой земле, не всегда поддерживали открытие подземных кладовых. К примеру, три раза делали попытку укрупнения населённых пунктов и переселяли жителей

⁹⁷ Ленинская правда. – № 222 (8637). – 07.11.1962 г.

посёлка Супра Кондинского района, и три раза они возвращались обратно со словами: «Кто из пришедших знает, где мы хотим жить – не вмешивайтесь в нашу жизнь. Мы и без вас жили хорошо». Через сорок лет посёлка Супра не стало по причине отсутствия в нём жителей...

«Оставили меня одного – подбирать брошенный нефтяниками металлолом и свозить в кучу на берег реки Мулымьи для его сдачи. Вот так получилось, что вместо охоты и рыбной ловли заниматься приходится незнакомым для меня делом, правда, денежным. Все уехали. С болью в сердце уезжали старики, которым по состоянию здоровья и деваться-то было некуда – они ехали вслед за своими детьми. По ночам в лютый мороз одиночество кажется непереносимым, но уезжать я никуда не собираюсь. Здесь я родился, здесь пройдут и последние дни моей жизни», – подумал о своей участи метеоролог, глядя в огонь горящих поленьев в русской печи, а за окном весело крутилась и радовалась своей свободе никогда не скучающая сибирская метель с завыванием в печной трубе.

Традиционная культура жизни и ведения хозяйства, основанная на охоте и рыбной ловле, не выдержала конкуренции с принципом зарабатывания денег на открытых в районе города Урая нефтяных месторождениях и с более высоким для этих мест уровнем жизни.

Жёсткие природные условия как бы мстили всем пришедшим сюда за ранее поломанные судьбы людей, за сотни и тысячи погибших людей на Крайнем Севере и на юге области в годы Гражданской войны и политических репрессий. Этот богатейший край внёс свой вклад в разгром немецко-фашистских войск, снабжая фронт всем необходимым, а тысячи репрессированных воевали и были награждены орденами и медалями, двадцать

из них даже получили высокое звание Героя Советского Союза. Да и в области дольше всех регионов остался этот дух комсомольского энтузиазма в более поздний период времени – в шестидесятые и семидесятые годы. На строительстве железной дороги Тюмень – Сургут даже железнодорожные станции назывались с памятью об этом задоре – например, «Юность Комсомольская» – над строительством именно этой станции взял шефство писатель Борис Полевой.

Приехавший на знакомство с новой школой молодой директор в июле 1977 года встретился с вновь комплектующимся педагогическим коллективом. К нему подошла молодая женщина, вежливо представилась сотрудником строительно-монтажного поезда – бухгалтером с месячным окладом в двести двадцать рублей.

«Чего вы желаете, ведь вы такая молодая и красивая?», – вежливо спросил начинающий директор школы, залюбовавшись красотой её фигуры.

«Хочу вернуться на работу в школу – я ведь учитель начальных классов».

«Но в школе вы будете иметь заработную плату на сто рублей меньше, а вам эти деньги по молодости нужны будут!»

«Нет желания спорить с вами, но я уже поработала в бухгалтерии пять лет и заработала себе на всё, что планировала купить, сейчас очень хотелось устроиться на постоянную работу по специальности, даже с потерей зарплаты. Дело в том, что я очень люблю педагогическую деятельность».

«Хорошо, подготовьте ваши документы для отдела образования», – согласился молодой руководитель образовательного учреждения.

«Дяденька, – обращаясь к молодому человеку, обратилась девочка лет четырёх-пяти, вы на мою Ольгу

Павловну не шумите, а то я к папе обращусь, он вам гланды-то выдернет...»

«Да ты чего, Оксана, разве можно так разговаривать с незнакомым мужчиной», — молодая женщина взяла за руку девочку и, обращаясь к опешившему молодому директору школы, сказала: «Вы простите её, она очень любит своего папу — он у неё работает врачом — вот и пытается подражать ему на каждом шагу. Вот только что из этого получается — вы видели сами...».

«Да у нас везде так: приезжают на время, а остаются навсегда...», — ответили директору в отделе кадров строительно-монтажного поезда.⁹⁸

Один из участников геофизической партии, пробиравшей профили, вспоминал: «Днём работали, невзирая на холод, рубили лес для просеки. К вечеру не всегда было подготовлено место для сна, так что рубили под низ палатки лапник от сосен и елей, разгребали и укладывали снег, сверху ставили палатку, присыпали её по всем сторонам почти до самого верха снегом, залезали в спальные мешки и сверху ещё тепло накрывались, и после этого, уставшие, очень быстро засыпали. Утром, преодолевая усталость и желание ещё поспать, вставляли, завтракали заранее добытой и свежеприготовленной поваром птицей и шли на работу, продолжая рубить лес для просеки».⁹⁹ Почти все, кто рубил профили, на лето возвращались домой в свои семьи; деньги для них были перечислены на их сберегательные книжки. Однако жёны к этому относились критически, не доверяя никому: «Чем семью-то кормить будете, ведь полгода как не видели ваших денег?!», — и замолкали через день или

⁹⁸ Записано со слов директора школы им. Б. Полевого, ст. Юность Комсомольская Свердловской железной дороги, 07.07.1977 г.

⁹⁹ Записано со слов Ю. Яковлева, посёлок Луговой Кондинского района Ханты-Мансийского национального округа, 04.1964 г.

два, когда на счёт приходили солидные суммы заработанных мужьями денег. На следующий сезон рабочие вновь уезжали в тайгу, словно их туда так тянуло, что без неё они просто обойтись не могли.

Люди в стране привыкли десятками лет воспринимать все указания сверху, выполняя их неукоснительно, и жили с уверенностью, что своим трудом они будут востребованы на какой-либо «стройке века». Для решения какой проблемы их вновь позовут и будут ли эти идеи носить общечеловеческий характер — никто не знал. Даже слов-то таких — «общечеловеческие» — практически никто не слышал, а те, кто знал смысл подобных слов и говорил об этом вслух, в тридцатые-пятидесятые годы XX столетия были отправлены на Соловки или во Владимировскую тюрьму. В тридцатые и сороковые годы «инакомыслящих», которые, как грибы после дождя, появлялись в обществе, отправляли в лагеря ГУЛАГа на трудовое перевоспитание, откуда обычно возвращались не все. Если личность была «не слишком значима» для общества и мешала идеологическим установкам партии и правительства в указанный период, то при уточнении в судебном разбирательстве, по решению тройки, лагеря приговорённому «снисходительно» заменяли расстрелом.

Более знакомой темой ведения разговоров в трудовых коллективах были идеи социализма и коммунизма с вечной проблемой воспитания патриотизма и отправкой молодёжи в необжитые места — для очередной «стройки коммунизма». А вот насколько эти стройки необходимы будут следующему поколению — сказать и пояснить было некому. К тому же такое объяснение считалось, очевидно, делом ненужным и вредным для общества, да и при такой занятости сделать это было «не досуг» даже на

пламенных, с воззваниями к молодёжи всех стран и континентов, часовых речах революционных ораторов после окончания митингов и субботников.

Основная часть жителей округа и области проводила свободное время, слушая радио и ещё реже смотря телевизор, — в ожидании нового обращения для созидания чего-то полезного или ненужного для жизни этого или последующих поколений. Жители региона, затаив дыхание, искали что-то большое и великое, могущее вернуть всех к энтузиазму, на страницах газет и прислушивались к сообщениям по радио и телевидению (которое только делало первые шаги в области), чтобы откликнуться на любой призыв партии и правительства.

«Работать в то время было интересно всем, никто себя не чувствовал лишним. Это сейчас даже выпускники высших учебных заведений найти работу не могут. Никто о выпускниках не заботится. Вот и внучка юридического факультета окончила и... постоянно в поисках работы... — С сожалением о прошедших годах жизни на кондинской земле говорил Иван Пантелеймонович Сарманов, проработавший семнадцать лет секретарём РК КПСС. — Временами обо всём, что было пережито, хочется написать, вот только многое из своих записей так и не сохранил¹⁰⁰, а время безвозвратно уходит. Ничего не вернёшь. Люди в то время были другие — с таким энтузиазмом работали, за идею, почти бесплатно. Они строили своё светлое будущее и каждому, возможно, казалось, что оно вот-вот наступит...»

Все города и сёла в своём бытии очень похожи на своих жителей с собственными нравами и обычаями. Жители рождаются и осваиваются в этих населённых

---

¹⁰⁰ Записана беседа по телефону с И.П. Сармановым, посёлок Кондинское Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 26.10.2009 г.

пунктах и несут по линии жизни эту способность и эту память места жительства через всю свою судьбу. Эти линии жизни, носителей которых великое множество, образуют на простирающейся широчайшей ладони нашей Родины неповторимый узор, отличающий Россию от остальных стран мира.

* * *

Семён Никитович Урусов вспоминал весенние праздники на селе, проведение которых он помнил с юности, когда все вместе отмечали завершение посевной или уборочной страды. Много различий в культуре было между севером и югом области. На юге праздновали сабантуй весной, на севере считали праздником весны открытие охоты на водоплавающую дичь, то же самое происходило осенью.

Когда-то давным-давно, в 1941-1943 годах, он работал на мельнице в родном селе Гилёвка, где родился, вырос, не имея детства, из-за того, что приходилось много работать, чтобы выжить без матери, которая рано ушла из жизни, и где он успешно закончил до войны школу-семилетку. Он привык вставать рано, как по расписанию, в пять часов утра, обходил со всех сторон мельницу, заглядывая во все действующие механизмы конструкции, и чётко представлял, какие проблемы могут возникнуть в этот или на следующий день.

Такой распорядок дня у него и остался на протяжении всей его трудовой деятельности, когда он уже стал бригадиром буровиков на Тюменском Севере. Он всегда поднимался в пять часов и после утреннего «моциона» проходил по всем участкам буровой вышки, чётко представляя себе возможные проблемы, которые необходимо

было решить в течение всего трудового дня — в таком рабочем ритме проходила его трудовая деятельность¹⁰¹. Даже побывавшие во многих жизненных ситуациях рабочие восхищались его трудолюбием, врождённой расчётливостью и интуицией, проявляющейся в решении порой самых трудных предаварийных ситуаций.

В деревне прошло его детство — без мамы, которая умерла очень рано, и все обязанности по воспитанию семьи легли на отца и на его помощников — старших детей. Самое высокое здание — мельница — давало возможность всем желающим не только трудиться на изготовлении муки, но и смотреть на мир с большой высоты, да и разговоров обо всём было хоть отбавляй. Молодёжь собиралась на вечеринки в сельском клубе, каждый вечер был полон рассказами и воспоминаниями о далёком прошлом, об участии родственников, односельчан в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны. Вели разговоры и о тех, кто пришёл с фронта калеккой, оставшись в живых. Пожилые женщины, ведя разговор на военные темы, вспоминали прошлые годы и, конечно, историю сабельных боёв на юге нынешней Тюменской области (она была образована указом Верховного Совета РСФСР в 1944 г.) в 1921 г., когда после решающего сражения с восставшими крестьянами на полях осталась лежать не одна сотня молодых красивых парней. Женщины рыдали, когда готовили вместе с мобилизованными парнями место для захоронения.

«Такие молодые и такие красивые, что же вы надеялись, за что ваша Родина обошлась с вами так, что рубили свою будущую и настоящую юность, как капусту, под общие крики и стоны. Да для этого ли вы на свет

---

¹⁰¹ Записано по воспоминаниям Романа Викентьевича Долгих, г. Тюмень, 28.08.2009 г.

появились, не оставив в большинстве своём после себя потомство», — женщины продолжали причитать, а мужчины закусив губы делали то, что было им велено сверху под страхом смерти за участие в контрреволюционном мятеже.

После похоронной процессии всем было запрещено даже упоминать о том, что здесь совсем рядом кто-то похоронен, если даже это был какой-нибудь родственник. Это событие настроило многих на молчаливый образ жизни. Хотя описания событий давно уже прошедших лет передавались из поколения в поколение, однако они никак не могли обойти мельницу и её округу, где мололи муку и куда стекались все разговоры по истории близлежащих селений и районов. Здесь же все, кто бывал на мельнице, негласно давно пришли к выводу, что лучшим способом решения всех вопросов в государстве является хорошая работа на производстве и строгая производственная дисциплина, а всё остальное рассудит время — это ещё раз подтвердила война, которая сопровождалась выполнением военных заказов, основанных на трудовой дисциплине.

В уважении к дисциплине и труду вырос и будущий участник открытия сибирской нефти. С подросткового периода в его характере сложилась ответственность за порученное ему дело, от которого будут зависеть жизнь и благополучие сотен и тысяч людей.

Именно из этого села, убедив всех в военкомате, что он старше, чем записано в его документах (через свидетельские показания односельчан), в ноябре 1943 г. он ушёл служить в Красную Армию. Воевал на Третьем Прибалтийском и Первом Украинском фронтах. Служил в войсках связи. Как он вспоминал, его подразделение прибыло на фронт в момент движения за Днепр после

окончания Курской битвы. Немец, как говорили солдаты, свирепел и неудачи на фронте выливал на мирных жителей; подталкивали к жестокости и воинские подразделения, сформированные из состава местных националистов Прибалтики. На линии фронта особенно досаждали «Тигры» со своей хорошей точностью стрельбы и мощной бронёй – подбить такой танк первоначально на расстоянии было почти невозможно, а советский средний танк Т-34 был явно не готов для лобового столкновения с таким противником. Единственным действенным средством против «Тигров» были тяжёлая артиллерия (бившая и прицельно с дальних дистанций, и прямой наводкой) и авиация. Наиболее тяжёлые бои, в которых принимал участие III Прибалтийский фронт, проходили при наступлении на немецкую группировку «Север» в направлении на Ригу¹⁰².

В минуты и часы отдыха солдаты закусывали «вторым фронтом», раскрывая консервные банки, присланные из Америки. О фронте вспоминал Урусов только на досуге после трудового дня, а так – не было свободного времени, хотя фронтовики, с которыми он служил, писали ему каждый о своих проблемах – ведь он был депутатом Верховного Совета СССР. Приходившие в память как будто ниоткуда воспоминания были тяжёлыми, как и сама война, тем более что День Победы 9 мая не был объявлен праздничным днём ни разу после окончания войны в течение девятнадцати лет. Вспоминались Северные Карпаты, где бои за главные проходы для войск шли до конца войны. Трудным был этот участок боевых действий. Немцы стянули сюда горные и стрелковые части, хорошо знающие эти места: они то отступали в горы,

¹⁰² Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. – М.: ОЛМА медиа групп, 2010. – С. 467.

то шли в контратаки, и так продолжалось каждый день. Миномётный огонь противника закрывал все возможные выходы на оперативные просторы, да и там были установлены противопехотные и противотанковые мины. Действовали вездесущие снайперы. Таким образом противник намного меньшими силами сдерживал наступающие части Советской армии. Портили дела беспрестанно льющие дожди, которые превратили горные дороги в грязевые потоки и оползни, где срывались и катились вниз огромные валуны, что создавало невероятные трудности для продвижения бронетехники. Закончил своё участие в боевых действиях Семён Никитович Урусов в Германии на Берлинском направлении, воюя на I Украинском фронте¹⁰³. На пути к победе и после неё С.Н. Урусов побывал в австрийской Вене, где смог воочию ознакомиться с культурными достижениями европейской цивилизации. Было как-то не по себе сравнивать жизненный и культурный уровень разных стран и народов, тем более что это было не всегда в пользу страны-победителя. Затем – возвращение домой. И хотя разрухи в его родных местах не было, однако всё выглядело не так, как этого хотелось бы – с учётом увиденного за границей. А за окном торжественно шагала по земле первая послевоенная весна в Европе...

* * *

Избранная Семёном Никитовичем Урусовым профессия специалиста по буровым делам первоначально, как он сам признавал, не приносила ему много радостных ощущений. Однако по мере того, как разведчики недр

¹⁰³ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. – М.: ОЛМА медиа групп, 2010. – С. 97.

всё настойчивее вели поиск месторождений углеводородного сырья, Урусов всем сердцем полюбил эту беспокойную работу. После этого он и не мыслил себя где-то на другом месте. Первым объектом, где он проходил практику, обучаясь в ПТУ-7 города Тюмени, была скважина на окраине города – в основном именно здесь обучались будущие буровики. Наставником бригады был знаменитый человек – буровой мастер Борис Николаевич Карамов, руководивший проходкой самой первой тюменской скважины. И этот мастер (*между прочим, отец ставшего знаменитым бурильщика – Героя Социалистического Труда Николая Борисовича Мелик-Карамова*), уходя на пенсию, рекомендовал передать бригаду Семёну Никитовичу Урусову. Руководство так и сделало.

Утром он поднимался раньше всех и к началу работы смены знал уже все проблемы, которые могли появиться к пересмене. В трудовой деятельности был педантичен и добивался того, чтобы к восьми часам утра все было внешне приведено в порядок и выглядели собранно; при нарушении такого ритма (что было крайне редко) члены бригады лишались премиальных¹⁰⁴.

Ажурные каркасы буровых вышек буквально завлекали его. С годами пришло и мастерство. Начав с рядового рабочего, он пытался проникнуть во все тайны сложного по тем временам оборудования, в технологию ведения поисковых работ, и вскоре встал у пульта управления бурового подъёмника. Умение ладить с коллективом и честно трудиться не осталось незамеченным, и его направили на курсы мастеров, после окончания которых он и был назначен мастером. Всю свою трудовую жизнь он строил на постоянном повышении собственной квалификации.

---

¹⁰⁴ Записано по воспоминаниям Романа Викентьевича Долгих, г. Тюмень, 28.08.2009 г.

Кондинская тайга – это необозримый океан векового леса, пронизанный хитросплетением маленьких и больших рек и озёр. Плывая по этой водной сети, можно было неожиданно наткнуться на стоящую буровую вышку, которая ночью была достаточно сильно освещена, что для местного населения было полной неожиданностью.

В 1960 году бригада Семёна Никитовича Урусова пробурила на Шаимской площади скважину Р-6, давшую первую в Сибири промышленную нефть¹⁰⁵. И когда нефть пошла, откликнулся весь мир: как только в Сибири нашли «чёрное золото», ведущие газеты Запада два раза в неделю писали об этом и о возможном будущем этого ещё не обжитого края. Судьба распорядилась так, что именно Семён Никитович Урусов как бригадир бригады буровиков стал вместе с ними первооткрывателем сибирской нефти. В знак признательности от общественности и трудовых коллективов он избирался депутатом XXII съезда КПСС, где была принята Третья программа партии – программа строительства коммунизма, в которой особое внимание уделялось развитию транспорта, связи и многому другому, основанному на применении углеводородного сырья.

По результатам XXII и XXIII съездов КПСС можно было с уверенностью сказать, что руководящий состав области, несмотря на сильное противодействие ряда учёных и политиков, вышел победителем в жёстком противостоянии центра и региона в прогнозировании развития энергетических возможностей страны. В результате – добыче Тюменской нефти было отдано предпочтение на конкурсных основаниях по сравнению со Средней Азией, которая была на целую тысячу километров дальше от северных месторождений – это и решило исход всех дискуссий.

---

¹⁰⁵ Ленинская правда. – № 166 (8323). – 22.08.1961 г.

В 1960-е годы бригада С.Н. Урусова, понимая, что именно на неё обращено внимание передовой ответственности СССР, почти ежегодно, какими-то не всем понятными методами, перенапрягая собственные силы и держа в напряжении партийные и советские органы, добивалась самой высокой в СССР скорости проходки в разведочном бурении и носила звание «Лучшая бригада Министерства геологии СССР». Буровики, работавшие с Урусовым не один год, вспоминали: «Он был от Бога тем специалистом, который интуитивно чувствовал и понимал, какое необходимо принять решение в той или иной ситуации во время работы выездной вахты, которую он возглавлял в середине восьмидесятых при обучении целых бригад по переходу на новый буровой станок БУ-125». *(Именно этот станок стали к этому времени выпускать на заводе «Уралмаш» в бытность руководства этим предприятием Н.И. Рыжкова. Нефтяными вышками разных модификаций «Уралмаша» и были разбурены все действующие в то время нефтяные месторождения Западной Сибири. – Б.М.)*

На должность руководителя вахтовой бригады Урусова назначили по личному распоряжению Фармана Салманова – для быстрого освоения новой буровой техники. А чтобы быстрее поднять производственную культуру в необученных буровых бригадах, – была создана инструкторская вахта.

Всего было шесть управлений и двадцать пять экспедиций. Работы было – непочатый край. Эта бригада выезжала по графику на пятнадцать дней и стремилась обучить в процессе работы другую работающую на скважине бригаду, состоящую в основном из квалифицированных, но не имеющих большого опыта буровиков. Так продолжалось несколько лет, пока в каждом из шести

нефтедобывающих управлений не появлялась своя группа инструкторов. Бригаду С.Н. Урусова ждали на разбуриваемых площадях с большим нетерпением: люди понимали, что на буровой вышке возникнет особый трудовой настрой. Даже по прибытии на буровую, где была возможна авария, Семён Никитович Урусов находил в себе необходимые знания и навыки в работе, чтобы эту ситуацию вовремя исправить. Очень часто в критической ситуации на аварийную нефтяную вышку к бурильщикам приезжали люди с научными знаниями, но медлили с принятием решения. С прибытием на место Урусова многое сразу менялось. Он как будто приговор выносил: «Оставьте вы на это время свою бумажную теорию, основанную на «авось, небось и как-нибудь»,¹⁰⁶ – и тут же что-то менял в методике бурения и в срочном ремонте техники. В итоге всё успокаивалось: уже без надрывного шума работали дизели, в обслуживающую бригаду возвращался привычный трудовой ритм.

Это был человек, имеющий не только большой опыт, но и внутреннюю творческую культуру труда. Обозначился мощный прорыв в настрое людей на творческую работу для всех отраслей хозяйственной и поисковой деятельности. Целое поколение советских людей было спасено от эгоизма и наркотиков. Молодёжь шестидесятых годов прошлого столетия мужала в романтике таёжных открытий в Сибири – вдали от крупных городов со всеми их соблазнами... Творческая работа передовиков труда впервые после исторического прошлого стахановского движения получила такую материальную поддержку участников движения за высокие показатели в труде, какую никто ранее в таких объёмах не полу-

¹⁰⁶ Записано по воспоминаниям Романа Викентьевича Долгих, г. Тюмень, 28.08.2009 г.

чал: по особому распоряжению А.Н. Косыгина, на Север пошли эшелоны с легковыми машинами — в знак благодарности за творческий и позитивный порыв к труду, за его высокие показатели.

Советское общество шагнуло в индустриальную стадию развития давно, а вот шагнуть дальше, догоняя весь развитый мир, быстро не смогло, да и не рассчитало для этого свои собственные возможности: слишком большие надежды были сделаны на превосходство самой социалистической системы ведения хозяйства и на рабочий класс.

С 1964 года на базе бригады действовала школа передового опыта, в которой сам её руководитель Семён Никитович Урусов постоянно повышал свою квалификацию на курсах в Уфе и Казани. Он сумел воспитать более 50 бурильщиков и буровых мастеров, привить им чувство поиска нового, дать путёвку в творческий производственный мир. Благодаря работе школы передового опыта, на территории Ханты-Мансийского национального округа в основной части на несколько лет был закрыт вопрос повышения квалификации мастеров по бурению.

По итогам республиканского соревнования с 1959-го по 1970 год бригада Семёна Никитовича Урусова, направляя все свои силы, 30 раз занимала призовые места, 5 раз ей присуждалось Красное знамя Министерства геологии РСФСР.

* * *

Председатель Совета министров великой страны Алексей Николаевич Косыгин, работавший при всех генеральных секретарях и пользовавшийся большой популярностью из-за своей производственной культуры

общения и организаторских способностей, собрался приехать в нефтяной край. Прошло несколько месяцев, и он прибыл в Тюмень, провёл совещание партийного и советского актива по поводу перспектив развития Тюменского Севера и Юга. Многие отнеслись к сказанному с определённым недоверием, но глядя на то, что делается, «сдались»: они помнили совсем недалёкое прошлое, когда транспорт города Тюмени на тридцать процентов состоял из гужевого, а теперь – совсем иная картина в транспортном обеспечении областного центра.

После совещания А.Н. Косыгин выехал на своей машине в город, зашёл в магазин «Родничок» на улице Республики и шагнул под вывешенную табличку «Закрыто», хотя до начала перерыва оставалось пятнадцать минут. Обслуга, узрев такую «наглость», «поднялась» было в своих резких язвительных высказываниях на вошедшего красиво одетого мужчину¹⁰⁷, но в это время вошла охрана, и заведующая магазином потеряла сознание от увиденного в торговом зале...

При полёте на вертолёте по северным районам Тюменской области он не дал разрешения садить машину на запланированные буровые, где все были готовы к их приёму, а потребовал сделать остановки на других буровых... И, конечно же, увидел там многое, о чём порой даже говорить не всегда хочется. На вопрос: «Как живёте и как дела?» – рабочий ответил: «Нормально». А на столе стояла пустая бутылка водки. Каким образом вахтовики смогли её провести на буровую – никто даже разбираться не стал.

«Такой гигант энергетики нужно строить на трезвую голову», – высказался А.Н. Косыгин.

¹⁰⁷ Записано по воспоминаниям домохозяйки, некогда проживавшей в частном доме по улице Максима Горького, г. Тюмень, ноябрь 1967 г.

Наказанию подверглись только те, что несли персональную ответственность за работу с кадрами; часть вопросов по этому поводу было вынесено на заседание парткомов и бюро райкомов партии.

«Необходимо вывести зарплату в соответствии с затраченными усилиями и убрать с неё все излишества. Чем больше человек думает о заработанных деньгах и содержании семьи, тем лучше для государства. Нам ведь нужны строители коммунизма, причём хорошие строители, а в остальных вопросах надобности нет. Вот и необходимо создать обстановку озабоченности содержанием семьи и покупки автомобиля, благо что свой, крупнейший в Европе, завод построили и машины штампуют пока достаточно. Количество поездок на отдых на юг резко возросло у нефтяников и газовиков. Чем больше забот у рабочего нефтяника или газовика, тем лучше им управлять», — выстраданно поведал председатель Совета министров вроде как самому себе, но окружавшие его чиновники расценили это как руководство к действию.

Сами поездки по Северу обогатили багаж А.Н. Косыгина множеством новых, столь необходимых знакомств — не кабинетных, а непосредственно на производстве. Прежде всего он в деловой обстановке познакомился с Б.Е. Щербиной, смог оценить его деловые способности, чтобы потом донести это до партийного руководства страны. Именно такой стиль руководства был характерен для Алексея Николаевича Косыгина. Среди тех, с кем удалось ближе познакомиться на производстве и непосредственно в системе руководства, был и В.И. Муравленко — гигант организаторских способностей в нефтяном крае, который нуждался в таких людях.

После начала освоения углеводородных месторождений, быстрая отдача нефтяных пластов поддерживала энтузиазм тех, кто приезжал сюда, в эти края — не надо

было ждать десятилетия или всю жизнь этих результатов. Зарплата высокая, награды, строящиеся города, радио, газеты, телевидение. Тысячи новых энтузиастов, как доноры, которым в России традиционно не было конца, прибывали и прибывали на Тюменский Север по путёвкам комсомола, проходя при этом через организационные мероприятия обкома ВЛКСМ.

На заседании обкома КПСС неоднократно поднимался вопрос об усилении идеологической направленности в деятельности партийных организаций области. Б.Е. Щербина начинал каждый месяц с традиционной встречи с лекторским активом обкома партии, долго расспрашивал о том, какие вопросы всем задавали и какие ответы были даны, после чего он и сам делился своими знаниями в области организации идеологической работы на местах и частенько в своих беседах заострял внимание своих лекторов на проблемах, которые приходится решать партийным организациям¹⁰⁸.

«Вот и проверим работу непосредственно на местах и для этого не надо ехать далеко: молодёжь и растущее по количеству студенчество – вот они, на улицах, во время коммунистических субботников», – напутствовал Борис Евдокимович группу партийных работников обкома, отправляя их с проверкой на места проведения этих коммунистических мероприятий.

Среди молодёжи и студентов по праздничным дням типа коммунистического субботника по окончании работы проводились организованные обкомом ВЛКСМ митинги, на которых заранее подготовленные ораторы, показывая своё романтическое красноречие, призывали к патриотизму, трудовому энтузиазму и повышению

¹⁰⁸ Записано по воспоминаниям Г.В. Черкашина, г. Ханты-Мансийск, 25.10.2009 г.

учебной активности студенчества. Молодёжь же делала в жизни то, что было предназначено им их молодой жизнью. На вопрос ответственного за проведение субботника: «Почему опоздал на субботник?» — следовал ответ под общий смех присутствующих: «Да пока рассадил всю свою молодёжь по горшкам — вот время и ушло».

«Никогда в истории области так активно не проводилась идеологическая работа на улицах и площадях областного центра», — вспоминали выпускники тюменских вузов. Об этом же можно было услышать и в закулисных обменах мнениями комсомольских лидеров на празднованиях 50-летия Великой Октябрьской Социалистической революции и 50-летия образования СССР. По организации и проведению этих праздников можно было судить вообще об идеологической работе в области.

Борис Евдокимович Щербина долго сидел в кабинете, размышляя о трудовом ритме области: «Праздники и юбилеи всегда отмечались, это была общая установка партии, но ведь и бдительность людей никуда не денешь. И откуда эта подозрительность только берётся? Даже в 50-летие Октябрьской революции без ЧП не обошлось. Первый секретарь Берёзовского райкома партии после празднования у себя в комитете пошёл поздравлять с праздником трудовой коллектив аэропорта... Назавтра жалобы на Александра Кузьмича Мальчикова последовали в ЦК партии и в обком партии... По населённым пунктам простые люди его уважали и всегда на встречи с ним приходили¹⁰⁹, вклад его в развитие Берёзовского района был большой, но много было и противников. По решению бюро райкома партии он был снят с занимаемой должности, и ему был объявлен строгий выговор с

¹⁰⁹ Записано по воспоминаниям Валентины Алексеевны Митьковой, г. Тюмень, 30.06.2010 г.

занесением в учётную карточку. Хотя, как вспоминали очевидцы, на встрече с трудовым коллективом аэропорта он выглядел вполне нормально...

Надо же иметь такое обоняние, чтобы алкоголь в небольшой дозе почувствовать на расстоянии и обязательно это доказывать, но главное – надо иметь желание, и откуда у людей оно берётся? Чем больше работаешь, тем больше удивляться приходится. Ведь время уже другое – не сталинское, а закваска с того времени ещё, видимо, осталась. Вот только новым было то, что жители национальных посёлков, особенно коммунисты, заступились за него: как выступала Молданова на Пленуме РК КПСС – ведь не каждый так сможет говорить – откровенно и по рабочему смело»¹¹⁰.

Прошло полгода и, приехав в Берёзово, где жила семья А.К. Мальчикова (он к тому времени уже работал секретарём парткома НГДУ в г. Нефтеюганске), Б.Е. Щербина предложил ему, учитывая предыдущие заслуги, деловые качества и умение ладить с народом, вернуться на более высокую партийную должность.

«Нет, пусть будет так, как оно уже получилось»¹¹¹, – ответил тот.

«Вот так: били того человека, по результатам работы которого нужно было награждать», – заключил Б.Е. Щербина.

* * *

В тысяча девятьсот семьдесят втором году перед началом учебного года на плановом августовском заседании

---

¹¹⁰ Записано по воспоминаниям Валентины Алексеевны Митьковой, г. Тюмень, 30.06.2010 г.

¹¹¹ Записано по воспоминаниям Т.А. Полуниной (дочери первого секретаря Берёзовского РК КПСС), г. Ханты-Мансийск, 11.04.2010 г.

секции учителей истории Армизонского района Тюменской области была зачитана справка по итогам проверки классовой идеологической направленности преподавания истории и обществоведения учителями указанных предметов выборочно по школам юга области. И, естественно, по идеологическим мотивам и в назидание другим преподавателям области справка гласила об их возможной дисквалификации, основанной на их теоретической слабости знания современной истории, международного коммунистического и рабочего движения, а также незнания понятийного аппарата при объяснении темы, связанной с развитием экономики стран социалистической ориентации...¹¹²

Руководителем районного отдела образования был Николай Яковлевич Захаров, который хорошо знал педагогический состав района и не всегда был согласен с заключениями вышестоящих органов.

Кто-то из преподавателей попытался возразить, но ему ответили: «Смотри, и у нас такая проверка пройти может!»¹¹³. Все присутствовавшие на этом заседании разом замолчали, так как у всех были дети, которых необходимо было поднимать на ноги...

После окончания заседания люди молча начали расходитьсь по домам, и тут руководитель напомнила всем, что преподаватели общественных дисциплин обязаны быть членами КПСС. Это вызвало ещё большее волнение, так как приём интеллигенции в партию производился по разнарядке сверху...

---

¹¹² Записано по воспоминаниям Д. Ушакова, учителя истории Армизонской средней школы, село Армизонское Тюменской области, 24.08.1972 г.

¹¹³ Запись проведена со слов руководителя районной секции учителей истории и обществоведения села Армизонское Тюменской области, 24.08.1972 г.

Все специалисты, приехавшие в район по назначению для работы в школах, в этот год получили ключи от новых квартир и были чрезвычайно рады и благодарны руководству района...¹¹⁴

Первый секретарь Армизонского райкома КПСС С.Д. Анохин на очередном пленуме райкома партии, выступая по поводу завершения уборочной страды, докладывал: «Под руководством партийных организаций сельские труженики собрали в текущем году рекордный урожай – по 24 центнера с гектара, – такого урожая они не собирали никогда за все годы Советской власти. Хорошо показали себя на уборочной страде современные комбайны «Колос» и «Нива», на которых можно работать, только имея среднее специальное образование...».

Вот вам и основная цель, и идеологическая составляющая работы системы образования под руководством первичных партийных организаций района, – на это нацелены также и последние мероприятия по предоставлению жилья молодым специалистам, прибывшим по распределению для работы в район.

* * *

В селе Жиряки, с его традиционно зажиточными крестьянами, в одном из домов за столом, на котором стояли все приготовленные, несмотря на дефицит в магазинах, богатые крестьянские блюда, начиная с зажаренных гусей с яблоками и бутылками хлебной самогонки, сидели, усевшись на лавки, и молчали односельчане. Мужики с аршинными плечами разливали водку, купленную из-под

---

¹¹⁴ Запись проведена со слов выступления на августовском совещании учителей С.Д. Анохина, первого секретаря Армизонского райкома КПСС Тюменской области, 24.08.1972 г.

полы, самогонку и бражку в гранёные солдатского образца стаканы, резали по-крестьянски ломтями сало и... поднимали тост за тех, кого нет среди них... Вечером заиграла пластинка на радиоле «Сириус», а после окончания мелодии зазвучал хор мужчин, поющих за столом запрещённую тогда песню: «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить, с нашим атаманом не приходится тужить...».

«Слушай, а это правда, что ты сегодня нашёл золотые дореволюционные монеты?», — спросил сидящий с краю молодой человек.

«Я же не спрашиваю тебя о том, как ты с друзьями в прошлом году нашёл что-то подобное, перепахивая участок земли возле села. Я вот решил: а не то ли золото ты откопал, которое искала девяностолетняя жительница, приехавшая издалека в последний раз сюда, в родное место своего рождения...»

«Мы же не знали, чьё оно!», — воскликнул с горечью собеседник.

«Ладно, завязали на эту тему разговор вести, пока нас не осудили...»

«Придёт ещё наше время, и многие вытащат из сундуков золото, хотя бы по одной монете — их так много раскидали наши предки, чтобы не достались большевикам...»

* * *

В вечерней тиши вернувшийся этой весной молодой человек, демобилизованный из воздушно-десантных войск, вышел из камышей и приблизился к дому, построенному на выпасах в открытой степи: он пошёл к молодой, по-своему красивой, с пышными волнистыми волосами

казашке, очевидно, имевшей в своей генеалогической линии смешение со славянской национальностью. Она вышла на встречу с ним, опасаясь, что родственники могут осудить её. Однако встрече не суждено было свершиться, так как за ней следили – ведь её уже обещали выдать замуж за другого мужчину. Не смирившись с таким положением, через день десантник загнал на кромку зарослей камыша «Волгу» и сидел в ожидании своей возлюбленной, а когда заметил её, послышался прихваченным из дома зеркальцем. Нужно было остаться незамеченным даже для собак, хотя многие из них его давно знали. Он любил свою ненаглядную ещё со школьной скамьи будучи старше её на два года. После окончания десятилетки его призвали в армию, но ещё на выпускном вечере он и взял с неё слово, что она будет ждать его возвращения после демобилизации из рядов Советской армии. И вот время пришло, но изменились обстоятельства, и как же быть – ждать, когда её отдадут за нелюбимого? Он этого позволить не мог и пошёл на последнюю возможность изменить ситуацию в свою пользу – украсть невесту, увезти её туда, где её уже никто не сможет найти.

Вечером в семью невесты приехали на усталых лошадях близкие и дальние родственники жениха с богатыми подарками – очевидно, издалека. Раскрасневшись в июньской жаре, после прохладной езды на лошадях, пили кумыс и угощались моханом, по-казахски вкусно приготовленным для этой долгожданной для них встречи и искусно раздаваемым самым старшим аксакалом.

А невеста, сделав вид, что вышла по своим женским надобностям, юркнула в высокие, шумящие на ветру камыши и по едва заметной тропинке подбежала к своему любимому. Гулко завёлся мотор, заставив вздрогнуть всех, кто был на этой традиционной предсвадебной вече-

ринке, и сразу вспыхнули фары. Машина рванула с места с такой скоростью, что увидевшим это гостям ничего не оставалось сделать, как вместе с братьями невесты кинуться в погоню — в надежде, что на какой-нибудь ухабине машина заглохнет и тогда будет разборка. Пыль клубилась из-под копыт лошадей, и всадники почти поравнялись с автомобилем — даже можно было услышать возбуждённые крики преследователей. Наконец после долгой погони «Волга» выехала на накатанную просёлочную дорогу и, пыля колёсами, стала набирать скорость. Водитель поддал газу, выжав педаль в пол, и машина понесла обнявшихся в поцелуе влюблённых в неизвестную для них северную даль.

Впереди их длинного путешествия на этот незнакомый и пугающий своей неизвестностью Север у беглецов была Тюмень — столица нефтяного края. Однако, прежде чем улететь в далёкие северные края, они, договорившись между собой, зашли в Знаменский собор и уговорили священнослужителя обвенчать их. Завершив все записи в книге регистрации, они прошли к алтарю под колокольный перезвон, извещавший всю округу о начале бракосочетания молодых...

Через четыре года на имя владельца выпасов пришёл почтовый пакет, а в нём лежали фотографии тех самых молодых с тремя детишками на руках. Бывший десантник был заснят стоящим вместе с буровой бригадой у нефтяного фонтана на озере Самотлор.

К ним в гости засобирались знакомые молодые люди, близкие и дальние родственники. Всем захотелось побывать на далёком Севере. Через месяц на самолёте Ту-134 прилетели в Нижневартовск желающие встретиться с Севером и, возможно, найти свою судьбу среди тысяч красивых молодых людей. Долго шли приезжие

по улицам и строящимся проспектам, постоянно переспрашивая прохожих об указанном в письме адресе. На одном из балконов пятиэтажки стояла очень красивая молодая женщина с чуточку восточным типом лица и приметной причёской. Николай, работавший учителем в сельской местности и приехавший узнать о возможности трудоустройства, какое-то время поглядывал в её сторону, а поравнявшись с домом и балконом, улыбнулся и с полуоткрытым от удивления ртом в ожидании ответа бросил фразу: «Как тебя зовут, красавица?!».

В ответ с улыбкой и необычной смесью доброжелательности и язвительности прозвучал ответ: «Здравствуй, Коля!».

Стоящие рядом его друзья от неожиданности громко рассмеялись, чем окончательно подавили молодого человека. Уже пройдя на несколько десятков метров, товарищи обратились к «пострадавшему»: «Так кто она тебе?».

«Учились вместе... Только она – в другой группе и на параллельном факультете... И она всегда была для всех молодых парней такой недоступной, кроме одного, которого, как поговаривали однокурсники, безумно любила. Столько лет прошло, а она помнит всё, а я уж забывать начал. Всё зависит от того, насколько «капризной» была за эти годы сама жизнь...».

«Ну ты и опарафинился! А мы-то подумали, что такая молодая, красивая и обаятельная женщина когда-то в студенческие годы была твоей любимой!.. А она, оказывается, прибыла на Север намного раньше тебя, а ты, похоже, слегка подзадержался и запоздал для неё...».

«Смотри, не останься в жизни без красивых женщин и без детей!», – съязвил старший из их группы.

После получасовых поисков они нашли в большом незнакомом городе то, что искали... Позвонили в квартиру на шестом этаже высокого «московского» здания. Дверь открыла та же, ещё красивая и молодая женщина, что бежала со своим возлюбленным. Родные и близкие обнялись, как бы уже не вспоминая прошлого, и улыбались, глядя на детей, сидевших за столом. Старший из них лихо, по-степному встал и, топая ножками, подошёл к гостям.

«Что, вкусно, с аппетитом пообедал?», — спросил старший из прибывших.

«Нет, накормили», — чётко и честно сказал мальчик.

«Вот видите, не накормишь и есть не будет», — ответила заботливая мамаша.

Гости расположились в новой благоустроенной квартире, что было незнакомым явлением после жизни в Армизонских степях, и потянулся длинный разговор о прошлом, настоящем и будущем...

Через несколько дней, будто весточка из прошлого, пришла карточка в комсомольскую организацию Управления нефтяников о рассмотрении персонального дела об исключении из комсомола по причине регистрации брака в церкви...

* * *

Заместитель секретаря партийной организации совхоза Прохоровский Армизонского района, спеша домой в июльскую жару после поездки на отдых на юг, добавил газу, и его новенькие, только что купленные по разнарядке «Жигули», которые в народе уже прозвали «копейкой», помчались по вновь построенной асфальтированной дороге с невероятной скоростью до районного

центра; сидевшие в ней пассажиры затихли. Расстояние в восемьдесят километров он проехал за тридцать пять минут...¹¹⁵ Это было неслыханное событие в Армизонских степях за всю их историю... И эта скорость езды не могла сравниться даже с самыми лучшими скакунами из совсем, кажется, недавнего прошлого тех мест, где в далёком уже тысяча девятьсот двадцать первом году произошло кулацкое восстание и лилась человеческая кровь. А по обочинам проложенной магистрали пышно цвели белые ромашки, создавая неповторимо красивый белёсый тон степной равнины, словно кто-то посыпал степь щепотками соли уже прожитой жизни, невзирая на разного рода разнарядки...

* * *

В 1967 году под сильным ветром земля клубилась в дыму пожарищ. Как будто в сражении на поле боя решалась чья-то судьба. Казалось, что земная непонятная для человечества сила мстила за что-то всем, кто приехал на эту землю, и увещевала людей: «Говорите, обсуждайте, но не бросайте до и после открытия нефтяных и газовых месторождений исковерканную и проткнутую во многих местах поверхность земли по-своему красивой древней Югры».

Чудом после трёхдневной задержки выпустили рейс на Урай, и в этом двукрылом «чудо-самолёте» не было спокойного места без мучений и круговерти. Сразу же после взлёта все пассажиры побледнели, а минут через десять один у другого пощёлкивали шляпы и наполнили

¹¹⁵ Запись проведена со слов В.В. Ударцева, секретаря партийной организации совхоза Прохоровский, село Прохорово Армизонского района Тюменской области, 28.08.1973 г.

их содержимым желудков... Вслед за этим рвотные рефлексы дали о себе знать разом через одного пассажира и с каждой минутой желающих почувствовать облегчение было всё больше и больше... Через полчаса самолет совершил долгожданную посадку. Некоторые пассажиры вышли из летательного аппарата пошатываясь, но самостоятельно, остальных выводили под руки; самолёт отправили на внутреннюю мойку.

В 1969 году к очередной годовщине Октябрьской революции закончили строительство железной дороги до Тобольска. (*Затем продолжали строить до Сургута в Ханты-Мансийском округе и далее – до Нового Уренгоя в Ямало-Ненецком округе – Б.М.*) На торжественное завершение строительства у первого крупного населённого пункта и дореволюционной исторической столицы Тобольской губернии собрался весь мыслящий народ в Тюмени: все понимали, какое значение в освоении Севера имеет эта магистраль.

Б.Е. Щербина задумался: по объёму необходимой обязательной работы строительство этой магистрали ничем не отличалось от строек № 501 и № 503 – на этой стройке частично использовался труд военных, железнодорожные войска и большой отряд гражданских строителей, объединённых в строительно-монтажные поезда, а на северной стройке применялся труд заключённых – в обоих случаях присутствовала почти военная организация труда. Всё как на войне, только в мирное время, и результат такой же – завершение гигантской стройки: первоначально до Сургута, а там и до Уренгоя, кажется, рукой подать... «Да уж, – продолжал размышлять руководитель области, – ситуация сложная, но не безнадежная, стройка с каждым годом набирает темп. Здесь же начинается другая стройка – Тобольский нефтехимичес-

кий комбинат, который может войти в десятку крупнейших предприятий мира в своей сфере...».

Он также знал, что каждое строительство создало множество сложных проблем. Одной из первых было снабжение быстро растущего города продовольствием.

Рано утром в квартиру секретаря по идеологии Тобольского района позвонили, он взял трубку.

«Вы – только что назначенный секретарь по идеологическим вопросам Г.В. Черкашин?»

«Да», – ответил тот.

«Вы бы не смогли дать ответ на интересующий меня вопрос?»

«Постараюсь...», – теряя силу голоса, ответил Григорий Владимирович, уже чётко осознавая, что ему позвонил сам Борис Евдокимович Щербина.

«Как у вас дела с морозобойной (*пшеница, которая была уже под снегом, потом скошена и подготовлена к обмолоту. – Б.М.*) пшеницей», – спросил Б.Е. Щербина.

Г.В. Черкашин открыл от удивления рот: о «морозобойной» пшенице он никогда ничего не слышал.¹¹⁶

«Я вас понял», – послышалось в трубке и что-то щёлкнуло...

«Да уж, и владеет же Борис Евдокимович подобными понятиями – нелегко, очевидно, ему пришлось в этой жизни с сельским хозяйством повоевать, и с пшеницей, да причём ещё с той, что побывала под снегом», – подумал секретарь по идеологии, сожалея о том, что не смог ответить на поставленный вопрос как только что приступивший к выполнению своих обязанностей.

Значительно позднее жители населённых пунктов стали замечать изменения в климате: в первые годы строи-

---

¹¹⁶ Записано по воспоминаниям Г.В. Черкашина, г. Ханты-Мансийск, 26.11.2009 г.

тельства железной дороги по вырубленной на сотни километров трассе с севера потянул холодный воздух. Даже в жаркие дни стала более чётко проявляться прохлада, и уже в начале августа людям приходилось одеваться в тёплую одежду.

«Что-то с природой случилось...», — до конца не понимая происходящее в уже изменённой самим человеком окружающей среде, переговаривались люди.

* * *

1973 год был сложным для страны. В финансовом плане едва свели концы с концами¹¹⁷. Заметно росла потребность в углеводородном сырье на внешнем рынке. Впервые заговорили пока теоретически о возможности добычи на территориях Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов фантастически огромного количества углеводородов для Тюменской области, а именно — одного миллиарда кубических метров газа и одного миллиона тонн нефти в сутки(!).

Первооткрывателям сибирской нефти — бригаде Семёна Никитовича Урусова — было необычайно трудно сохранить достигнутый по настоятельной просьбе Министерства и местных органов управления уровень скорости бурения, темп работы нарастал с каждым днём. Не очень-то помогала поступившая новая техника, люди были изрядно уставшими от напряжённой работы, многие не выдерживали даже одного года и уходили в другие бригады. Отделы обкома и окружкома партии на своих заседаниях рекомендовали постоянное увеличение достигнутых результатов.

¹¹⁷ Записано по результатам частной беседы с заведующим районным отделом финансов Армизонского района Тюменской области, 22.09.1973 г.

На болотистых и лесистых берегах реки Конды, где ставили одну за другой разведочные буровые установки, природа словно затихла в ожидании открытий века. Древняя река каждый раз по весне кружила в заводях сильным течением, а по берегам шумел сосновый кондинской лес. Поздней осенью прибывшие в эти края будущие нефтяники ходили на охоту за боровой дичью и только за одно утро могли подстрелить около полутора десятков глухарей. Ну а на обед и ужин обязательно доставали чёрный хлеб и китайскую тушёнку со специфическими стекловидными прослойками жира. Для нефтяников хлебного кризиса, который шагал по стране, как бы не существовало. Государство стремилось не создавать трудностей для тех, кто выполняет задание партии и правительства в далёкой северной тайге.

По вечерам частенько в памяти беспрестанно ворошились воспоминания: пересказываемые многими не один раз, эти возникающие в памяти видения не давали спокойно спать. Минутная пелена прошлого, всплывающая перед глазами, то вызывала сожаления о прошедших моментах жизни коллектива, то заставляла всех заглядывать хотя бы в недалёкое будущее. Вспоминалось многое, в том числе обидное, забавное и трагическое.

Как рассказывали местные жители, любители сбора кедровой шишки, прибывшие из посёлка Междуреченского на деревянной лодке с подвесным пятисильным мотором «Стрела», выехали на гребнях в места на реке Тап, где произрастало это сибирское дерево. Взяли с собой пилу и топор и на месте возле берега сделали приспособление, чтобы можно было стучать по дереву. Пришли в кедрач и, взявшись вдвоём с каждого конца колотушки, стукнули с размаху по стволу у основания дерева... С большой высоты что-то с треском повалилось

вниз, окружённое облаком слетевших спелых кедровых шишек. Шишкари глянули вверх: на них летел огромный медведь, сбивая на лету большие и малые ветви... Окружавшие кедр со всех сторон люди кинулись врассыпную. Медведь разбился насмерть, а людей разыскивали по лесу несколько часов к ряду, но даже те, кто вернулся, не могли прийти в себя длительное время. Поэтому сами первопроходцы, учитывая такой горький опыт местных жителей в общении с природой, всегда лишний раз промеряли своё движение по незнакомой тайге.

После открытия первой сибирской нефти потянулись в сторону тогда ещё деревни Урай колонны военной техники, гружённой оборудованием и строительными материалами: впереди двигались мощные шестиосные военные машины-вездеходы с огромными колёсами, потом по уже прокатанной дороге шли средне- и малотоннажные «ЗИЛы» и «ГАЗы», замыкал колонну мощный тягач. В таких «конвоях» насчитывалось до тридцати машин, и остановиться они могли только по причине отдыха водителей, что происходило довольно редко. По трассе не было ни одной большой гостиницы и столовой, поэтому водители брали все продукты питания с собой и менялись с напарниками. Останавливались только из-за метелей, которые в этих местах была кратковременны и очень коварны, когда за пятнадцать минут могло выпасть снега, как за одну неделю. Снег валил с небес так, что на расстоянии всего нескольких метров вообще ничего не было видно. Приходилось останавливаться и пережидать непогоду, чтобы не сбиться с пути и не ездить после этого кругами на местности, которую никто досконально не знал; ведущая машина прокладывала курс по топографической карте.

В населённых пунктах колонны обычно проходили по центральной части, так как объездных дорог не было, и, проезжая возле школ, водители обычно наблюдали, как школьники, стоя вдоль дороги, с удивлением разглядывали диковинные для их воображения и понимания машины, которых они никогда и нигде не видели¹¹⁸. Так было в посёлках Луговой и Половинка Кондинского района и в других подобных захолустных местах. Водителей поражала красота первозданной, нетронутой человеческой цивилизацией природы возле самой трассы: куропатки вылетали из-под самых колёс военных машин, а испуганные лоси с шумом отбегали в сторону и долго смотрели на движущееся «воинство» непонятных ревущих существ.

Вспоминалось писателю поросшее берёзами, а ближе к песчаному берегу реки – тальником и осиной, место, где стояла буровая на реке Конде, давшая первую промышленную нефть. То была поездка лекторской экскурсионной бригады от Кондинского РК КПСС. В её состав входили тогда молодые люди юношеского состава из отдела культуры и лектор от Кондинского райкома партии. Взявшись за руки, они полукругом стояли на том месте, где когда-то текла по песчанику нефть, вылетевшая из обычного, но очень важного для всей страны фонтана, брызнувшего на берегу древней Конды.

Ещё до открытия первой нефти в Западной Сибири начал понемногу расстраиваться, как наиболее перспективный, посёлок Ушья, располагавшийся неподалёку от Урая. Все грузы приходили либо по воде, либо по зимнику, в любом случае всё это стоило довольно дорого, и на первых порах мало что себя окупало. Даже после

¹¹⁸ Записано по воспоминаниям школьников Луговской средней школы Кондинского района, Ханты-Мансийский национальный округ, декабрь 1963 г.

начала нефтедобычи с 1964 года одна тонна нефти обходилась намного дороже мировой цены. Тем не менее, из-за сложной международной обстановки после Карибского кризиса был взят курс на разработку своими силами нефтяных месторождений. Даже Алексей Николаевич Косыгин, будучи председателем Совета министров, неоднократно в своих выступлениях утверждал, что не будь Тюменской нефти, ещё неизвестно, как развивалась бы наша экономика и каковы могли быть её возможности и резервы. Хотя мало кто из партийного руководства в своё время верил в то, что здесь можно получить промышленную нефть, однако всё получилось.

Доставка кондинской нефти на Омский нефтеперерабатывающий завод была организована по воде. А первую буровую нефтяную вышку в Тюменскую область привёз в 1952 году пароход «Адмирал Лазарев», которым командовал капитан Константин Фёдорович Третьяков. Спустя двенадцать лет первая сибирская нефть была погружена в танкер, которым управлял тот же самый капитан.¹¹⁹ По этому поводу даже окружное радиовещание не осталось в стороне и передало интервью с К.Ф. Третьяковым. Во всех населённых пунктах встречали идущий первый танкер транспарантами и криками «Ура!»...

Однако и в мирной добыче нефти не обошлось без столкновений и борьбы за первые места: сильный Самотлор раздавил или принудил маленькую Конду к компромиссу и почти полной сдаче своих достигнутых результатов с заранее обозначенными позициями. Никто даже и не вспомнил того, что именно Конда спасла территорию нынешнего Самотлора и Сургута от затопления Нижне-Обской ГЭС. Очень часто говорят с ней

---

¹¹⁹ Быковский В.А. Край земли. Сгоревшие факелы. – М.: Луч, 2005. – Т. 2. – С. 159.

как с покорённой территорией, тем более что по уровню жизни и количеству безработных Кондинский район, где ударил первый промышленной нефти, стоит и сегодня в последней пятерке общего списка городов и районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Тайга в районе Урая была очень похожа на сосновые боры под Заводоуковском, с одной лишь существенной разницей: в северном крае было много болот, сосновые леса в основном росли вдоль реки Конды и веером расходились по холмам и сопкам. В летнее время из-за сухости воздуха в сосновых борах жгло в горле и пахло пережаренной сосновой смолой, которую в химической промышленности называли живицей, – именно она в то время шла на изготовление многих препаратов для промышленности. Человеку мучительно хотелось пить, как будто он находился посреди безжизненной пустыни, с той лишь разницей, что в кондинских лесах шумела краснеющая своей корой сосна. Но кое-что здесь было своеобразным: резкий колючий ветер и мартовское солнце, которое розовато-красным с жёлтым оттенком шаром медленно опускалось за горизонт, который постепенно проваливался в темноту вечера на противоположном краю небосклона. Чувствовался север и по долгим тёмным холодным декабрьским ночам и бесконечно светлым суткам в июне. Однако на этой суровой кондинской земле северные надбавки платили вяло и добавляли по 10% за два отработанных года, а чтобы заработать все 50% северных надбавок, необходимо было проработать десять лет. Только с середины шестидесятых годов этот срок уменьшили до пяти лет.

В летнее время часто бушевали лесные пожары, с которыми кроме дождливой погоды никто справиться не мог – не хватало сил и времени. В небе несли свою вахту

«воздушные извозчики» — знаменитые Ан-2. Сразу же после открытия нефтяного месторождения срочно стали строить аэропорт с грунтовой взлётно-посадочной полосой. Мощный трактор С-100 прочистил лес своим ножом, а там, где были частично сделаны вырубki леса, — растолкал слой тонкого гумуса и расчистил территорию под взлётно-посадочную полосу. Она была песчаной, и первые Ан-2 обкатывали песчаный грунт, регулярно взлетая и приземляясь; потом это делал Ан-24. Вскоре были открыты прямые авиарейсы на Тюмень и Ханты-Мансийск.

Самолёт Ан-24, ревя моторами, подбегал к концу взлётной полосы, разворачивался, дожидался, пока уляжется пыль, и, извергая страшное рычание, мчался на взлёт. Летел он до Тюмени сорок пять минут, что было удивительно быстро. Внизу был виден дым горящих лесов. Болота при осмотре с самолёта казались ровной площадкой с зеленовато-жёлтым оттенком.

Двухэтажное деревянное здание было единственным: здесь разместились столовая и зал ожидания, который больше был рассчитан на пребывание пассажиров на свежем воздухе. Комсомольцы и иные энтузиасты прибывали сюда по собственному желанию на рейсовых самолётах. Репродуктор на столбе перед зданием аэропорта постоянно передавал патриотические песни, марши или молодёжные песни. В редких перерывах радио вещало последние известия, где больше половины занимали сообщения о победителях социалистического соревнования и информация со съездов партии и комсомола. Временами поодиночке показывались те, кто пожелал выехать обратно на «большую землю» и сюда больше не возвращаться.

В деревянном здании аэропорта города Урая сидело около полусотни пассажиров.

«Ты одолжишь мне денег долететь до Тюмени?», — обратился за помощью молодой человек лет двадцати шести к другому.

«С какой стати, я же их зарабатывал, да и родители меня отправляют учиться в институт», — ответил молодой, ещё малоопытный в таких делах выпускник средней школы.

«Значит не дашь и не пожалеешь меня?..»

Так постепенно, как и в большинстве районов бывшего СССР, стали появляться люди без определённого рода занятий.

Лишь изредка в ночном небе на большой высоте были видны огненные всплески... Впоследствии радио сообщало, что это были контрольные ракетные стрельбы из казахской степи на территорию Новой Земли. Некоторые люди задумывались: а если одна из них не долетит и упадёт раньше времени — ведь стреляли неизвестно какими зарядами, а может и настоящими, боевыми. Как неоднократно высказывался Н.С. Хрущёв, стреляли тогда для того, чтобы «углубить фарватер для проводки морских судов между островом Новая Земля и материком». Насколько это было необходимо, ответить никто внятно так и не смог, да и нельзя было вторгаться в эту запретную зону. Шла «холодная война», стране нужны были нефть и газ как стратегическое сырьё, и трудности отходили на второй план, о них просто никто не спрашивал и не распространялся...

Река Конда петляла в бесконечном мареве болот и перелесков, интуитивно прокладывая себе путь и неся свои тёмные воды то на юг, то на север или на запад. Редкие корабли бороздили эту водную гладь, однако после открытия нефтяных месторождений началось такое движение, что порой можно было удивляться тому,

как всевозможные суда и судёнышки со строительными материалами и техникой на борту умудрялись мирно расплываться на узком фарватере. За два часа проходило около десятка судов; в весеннее время по разливу их было намного больше.

* * *

Стояла июльская жара. По реке довольно быстро шёл обычный для этих мест катер «ТЛ». Рулевой заметил на воде плывущего медведя, издалека казавшегося не слишком большим...

«Молодой, наверное, прикинь – свежее мясо плывёт, – весело крикнул он, обращаясь к своему помощнику. – Вот мы его сейчас и попробуем», – и резко крутанул штурвал, направив катер прямо на медведя. Нос катера поравнялся с медведем, и в тот же миг из воды с помощью каких-то неведомых сил вынырнул огромный медведь, на лету зацепился когтями за толстую якорную цепь и в доли секунды оказался во всей своей красе на палубе. Люди бросились в кубрик и закрылись в ожидании трагической развязки. Взбешённый медведь, фыркая от стекающей с морды воды, забрался в рулевую рубку – по его мнению, источник зла и насилия – и там с силой и определённой долей любопытства поворачивал из стороны в сторону всё, что ему попадало в лохматые медвежьи лапы с пятисантиметровыми когтями.

В это время в запертом изнутри кубрике рулевой вытаращил глаза и будучи не верующим судорожно и не на ту сторону крестился левой рукой... Остальные тяжело дыша ждали медвежьей расправы. Когда сверху послышалось быстрое шарканье и царапание медвежьими когтями, а потом такие скрежет и стук, будто ломают пол в

кубрике, у помощника рулевого от испуга зашевелились волосы на голове...

Кораблик развернуло и на полной мощности вынесло на илистый низкий берег, где он и повис с работающими винтами. Минут через пять медведь, словно отомстив за обиду, выскочил с катера на береговой выступ над рекой и огромными скачками направился в берёзовый лес.

«Ну вот и поели свежего мяса вместо надоевшей этой жирной китайской тушёнки... – С трудом открывая дверь, вымолвил рулевой. – Не знаю, что нам будет за это...»

Через час на реке в полуденной жаре проходил запоздавший восьмисотсильный толкач «РТ» с гружёной баржей.

«Может, вам помочь, ребята?!», – крикнули через громкоговоритель с толкача.

«Да-да-давайте, если п-п-получится», – прозвучал в ответ также через усилитель дрожащий после сильного испуга голос, и к борту вышел помощник рулевого с мокрыми в промежности брюками, вздувшимся животом и стоящими торчком волосами... Другие члены команды почему-то не по расписанию занялись стиркой белья и даже с остервенением выбрасывали одежду подальше от берега за борт.

Толкач развернулся кормой к берегу и всей мощью винтов навалился на берег. Вода в реке взмутилась, завихрилась и стала подмывать илистый берег... Через пятнадцать минут катер, которым управлял медведь, медленно сполз в воду, затем запыхтел и, набирая скорость, двинулся в сторону ремонтной базы¹²⁰, чтобы затем, если хватит сезонного времени, принять участие в доставке грузов для нефтяников.

¹²⁰ Записано по воспоминаниям Ф.В. Мазурова, п. Луговой, Ханты-Мансийский национальный округ, октябрь 1964 г.

* * *

В июльские дни река мелела, и движение временно затихало до августа, когда начинался осенний прилив и единственным препятствием становились осенние длинные тёмные ночи да малое количество дней, отпущенных на перевозку грузов. Суда торопились, освещая себе путь мощными прожекторами, видеть которые местным жителям было непривычно. Даже охотники, оставшиеся на ночлег в тайге, могли наблюдать за несколько километров лучи-ножи, режущие чёрное осеннее небо...

Когда река застывала, а разведчики земных недр жили за счёт летних запасов, наступало временное затишье во вторжении человека в жизнь природы: в декабре наступали такие холода, что ни о какой работе не могло идти и речи.

И вспомнил тот самый ворон, что сидел на сухостое в Остяко-Вогульске (*ныне Ханты-Мансийске*), слова, произнесённые русским царём Александром I на балу в своём царском окружении и пересказанные сто с лишним лет тому назад сосланными по царской воле в Сибирь: «Добьют это вторжение Наполеоновской армады русские морозы...». Старались эти морозы и сейчас: сосны, стоявшие возле строящегося аэропорта, потрескивали так, что казалось, будто некто ходит по лесу и с силой стучит колотушкой по деревьям.

На зимниках лежали замёрзшие на лету сороки, а возле палаток-временок военного образца находили застывших воробьёв. Во временках не переставая топили буржуйки, сваренные из прочного металла, не выдерживавшего таких нагрузок и прогоравшего за один сезон. Заготовленных дров порой не хватало, особенно поначалу, когда шёл процесс установки буровой, а идти в лес за ними не всегда решались, и здесь помогала военная

техника. Водители подъезжали к дереву на грузовиках и гусеничных вездеходах, тросом обворачивали ствол у основания, давили на педаль акселератора, вырывали дерево с корнем и волокли его к временному жилью. Машины шумели круглые сутки: стоило их заглушить – моторы замерзали и запустить их уже становилось невозможно. Так шла схватка между людьми, пришедшими сюда за «чёрным золотом», и всесущей природой, которая властно ставила свои временные запреты на их деятельность. Ещё сложнее приходилось, когда требовался ремонт сломанной техники: иногда продолжительность таких перерывов исчислялась днями и неделями. В конце концов запчасти присылали либо автотранспортом, либо очень редко с помощью авиации: когда «кукурузник» Ан-2 приземлялся возле посёлка Шаим, сокращалось время на то, чтобы доставить необходимое оборудование¹²¹.

* * *

После завершения безрезультатного разведочного бурения на наличие нефти и газа на юге Тюменской области и частично на севере Свердловской области, бригада Урусова переехала на разведочное бурение на реку Конду – в самый глухой район Ханты-Мансийского национального округа. В команде остались работать всего двенадцать человек, остальные всё-таки отказались ехать в этот «медвежий край». Это была половина бригады, проработавшей с ним вот уже десяток лет. Остались, как вспоминал Семён Никитович Урусов, люди-кремни: Алексей Распопов, Иван Усольцев, Владимир Шидмевский и другие.

¹²¹ Ленинская правда. – № 91 (8248). – 9 мая 1961 г.

«Каким же образом скомплектовать остальную часть буровой бригады? – задал себе вопрос бригадир. – Ведь не смогут же мои хлопцы работать круглосуточно».

«Командир, а, командир, давай-ка заедем к лесозаготовителям, может быть, они чем-нибудь помогут», – обратился к бригадиру Владимир Шидмевский.

«У них у самих кадров не хватает, вальщики леса сами бензопилу «Дружба» изучают, все по договорам приехали сюда. Трудно будет кадры подыскивать, но ничего – найдём. Правда, их всех учить надо будет...», – ответил бригадир.

Через неделю недостающую часть бригады укомплектовали рабочими из посёлка Мулымья, на две трети одиночками, – чтобы если кто-то и остался, мог бы ездить с бригадой многие годы.

Первоначально пробурили скважину Р-2, но она дала приток нефти всего два-три кубических метра в сутки (это потом уже пробурили скважину Р-6, давшую промышленную нефть). Однако буровики обрадовались такому маломальскому успеху, как дети. Сам бригадир временно поселился в Мулымье.

В активированные и свободные дни рабочие писали письма домой, своим близким и знакомым; кто-то, взбравшись на «верхний этаж» сколоченной двухъярусной кровати, отсыпался от тяжёлого труда. Все сушили своё не всегда постиранное бельё, и в таком сумраке было тяжело не только спать, но и просто сидеть. Читать привезённые газеты решались не все, почти все приехали из разных мест и ещё не считали эти места частью своей жизни. Некоторые пытались следить за новостями, слушая трансляции окружного радиовещания. Трудно было и самому руководству понимать всех и требовать порядка.

Даже временное жильё приходилось ремонтировать зимой: многое из необходимых приспособлений было поломано во время доставки. Ветер в лютые зимние чёрные ночи и сумрачные дни неистово метал клочья снежного бурана по вылизанному ветром бездорожью. Автоколонна с запасными частями и дополнительным оборудованием упрямо двигалась вперёд, ломая перед собой бурю, которая пыталась остановить всех и даже мощные по тем временам тракторы С-100.

Именно в такую погоду и продолжалось бурение скважин, располагавшихся совсем рядом со знаменитой уже ныне на весь мир Р-6, которая дала первую промышленную нефть Западной Сибири. И эта «медвежья» глухомань стала в момент открытия кладовой «чёрного золота» самым оживлённым уголком Ханты-Мансийского национального округа: приехали журналисты, будущие писатели, учёные, все что-то делали и суетились. Производственники решали вопросы улучшения снабжения запасными частями, ведь техника часто выходила из строя и необоснованные простои длились иногда месяцами. Никто не думал и даже не подозревал, что месторождение будет достаточно крупным, поэтому ставили скважины не торопясь, сбрасывая привезённую технику возле русла реки – практически в чистом поле на самом ветру. Место для установки буровой обычно совместно отводили топограф и геолог: наличие воды поблизости было одним из основных условий, именно поэтому довольно часто возле бурового станка совсем рядом была хоть маленькая протока, озеро или река.

Многие работы в те времена выполнялись вручную: например, заливка фундамента под основание самой вышки. Усталые рабочие после смены просто валились на нары и засыпали, оставив, как в военное время, дежурных, чтобы те поддерживали тепло в помещении –

ведь буржуйки быстро выгорали, и обогрев тут же прекращался...

По упрощённому варианту в конце мая 1964 года были введены в пробную промышленную эксплуатацию первые нефтяные месторождения: добыча «чёрного золота» началась одновременно в Шаиме, Усть-Балыке и Мегионе.¹²² По рекам пошли первые танкеры: каждый из них вёз не менее 600 тонн сырой нефти. В первый год доставки добытой нефти по стоимости она в полтора раза оказалась дороже зарубежной, но Советское правительство стояло на своём: нехватка валюты, постоянное стремление быть независимым мощным государством толкали на продолжение добычи нефти с последующим планированием и строительством нефтепроводов – таких, как Усть-Балык – Омск, Шаим – Тюмень, а также газопровода Берёзов – Игрим – Серов – Нижний Тагил¹²³. Тем не менее, добыча нефти в основном носила сезонный характер – из-за слабого развития трубопроводного транспорта. Поэтому значительно возросла роль Тюменского судостроительного завода, где создавались речные танкеры и баржи, на которых доставляли нефть на Омский нефтеперерабатывающий завод. Как вспоминал секретарь по идеологическим вопросам Кондинского РК КПСС Иван Пантелеймонович Сарманов о событиях, связанных со строительством нефтепровода Шаим – Тюмень, поздней осенью 1965 года баржа с трубами вмёрзла в лёд за 50 километров до намеченного пункта выгрузки: пришлось намораживать ледяную дорогу и вывозить трубы на лесовозах. Нефтепровод был сдан в срок – 25 декабря 1965

¹²² Быковский В.А. Край земли. Сгоревшие факелы. – М.: Луч, 2005. – Т. 2. – С. 157.

¹²³ XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. – М., 1966. – Т. 2. – С. 365.

года.¹²⁴ С этого времени добыча нефти носит уже постоянный промышленный характер.

* * *

Первая нефть «рождала» и первых руководителей первого института усовершенствования учителей (ИУУ), первого руководителя управления нефтедобычи, первого руководителя первой нефтеперекачивающей станции, первого председателя горисполкома северного города нефтяников и первого секретаря горкома КПСС. Круг первых расширился с невероятной быстротой: казалось, что он становился заметно больше по численности первых зданий в первых северных городах Тюменской области. «Родился» и новый стиль управления и работы: когда секретарь окружкома партии выехал на пленум Сургутского горкома партии, то захватил с собой первого директора Ханты-Мансийского института усовершенствования учителей Владимира Дмитриевича Гурьянова и усадил его в президиум. После выступления всех делегатов уже в завершении пленума секретарь по идеологии выступил с кратким посланием: «Вот перед вами сидит первый директор ИУУ, он ещё только приступил к своей работе. В случае, если он обратится к вам за необходимой помощью, можете считать, что это я к вам обратился». После такого представления работать хотелось творчески, с желанием, с большой долей ответственности, чтобы были отличные результаты.

---

¹²⁴ Записана беседа по телефону с И.П. Сармановым, посёлок Кондинское Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 10.01.2011 г.

Шаманизм – дух народа: можно уничтожить большую часть народа, но нельзя уничтожить его генетическую память. При первых же встречах можно было ощутить присутствие в первозданной природе духа тех, кто веками жил здесь, хранил в себе и ценил красоты Кондинского края, его самобытность. Часть населения, пришедшая позднее со спецпереселенцами, принесла сюда совершенно иную культуру понимания мира и отношения к природе.

Ранней весной охотники и рыбаки уходили со своими детьми в свои только им известные места, с которыми были связаны узы их рода, исполняли ритуальные танцы у костра и отмечали свой праздник медведя. Даже в войну, как рассказывали карымские манси, когда весьма трудно было с продуктами, они все ловили рыбу, варили уху, как учили их предки, процеживали через марлю и бросали в этот рыбий отвар клюкву, собранную вдоль горных речушек. Дети росли, как испечённые в русской печи булки, – пышными и весёлыми.

В середине шестидесятых подул ветер перемен и слишком много стало появляться людей, совершенно незнакомых с культурой и жизнью местного народа. И неудивительно, что некоторые из них, не поняв окружающего мира, просто уезжали отсюда. «Меня искушали большие мухи в тельняшках», – примерно такотреагировал парень, приехавший из Белоруссии, на невиданных им ранее насекомых, полчищами населяющих таёжные просторы. Однако наиболее любопытные новички с интересом наблюдали различные местные природные явления, например такие, как озеро Шаимский Туман.

Красив был в своём лесном окружении Шаимский Ту-ман летом, когда в тихую погоду можно было наблюдать отражение на воде жёлтых и зелёных берёз, рассыпанных рощицами вдоль самого берега и словно заглядывающих в его тёмные воды, а осенью с любопытством разглядывающих щучье царство, поднимающееся вверх по течению по многочисленным речушкам, впадающим в это действительное чудо Кондинской земли. Можно было часами любоваться красотой древесной зелени или «золота» и наслаждаться относительной тишиной ещё нетронутой тайги, которая ждала, когда к ней подойдут, прикоснутся и надломят по необходимости веточку берёзы или срубят зрелое, высоко поднявшееся дерево.

* * *

Осень 1973 года выдалась дождливой... К этому времени бригада Семёна Никитовича Урусова перебазировалась на разведываемые сургутские площади. Всё оборудование, необходимое для проведения разведочных работ, было доставлено поздней осенью по капризной, тёмной и холодной реке Обь для того, чтобы при первых сильных заморозках по скованной холодом почве доставить всё необходимое на точку разбуривания новой и очень перспективной разведываемой площади.

От тяжёлой работы ныли руки и ноги, грубела кожа на обветренных лицах, которые давно не ощущали прикосновения женских рук. Увлечённые постоянным стремлением к движению и поиском чего-то нового и неизвестного, ранней осенью, незадолго до ледостава на Конде и Оби, буровики с оборудованием для разведочного бурения начали своё перемещение уже совершенно по другой и не знакомой площади, где полноправной хозяйкой чувствовала себя восточносибирская экспедиция.

Бригаде было трудно осознать, что их бригадира, получившего звёзды за рекордные показатели в его собственном труде и работе всей бригады, не будет рядом по состоянию здоровья: С.Н. Урусову пришлось уйти в иную стезю и стать учителем-наставником людей, которые придут на смену им – уже потратившим годы своей юности и здоровье на тяжкий труд. Он стал мастером производственного обучения в профессиональном училище № 7 города Тюмени. Однако перед этим ему доверили должность руководителя бригады инструкторов для бригад буровиков Тюменской области. Семён Никитович Урусов не выбрал себе «тёплое местечко» в каком-нибудь отделе главка, которых было создано вполне достаточно уже в семидесятые годы. Он знал, что генеральный директор Обьнефтегазгеологии, в которой продолжала работать его бывшая бригада, тоже заканчивал это учебное заведение.

С.Н. Урусов и здесь не остался без рационализаторских предложений, как это модно было говорить в то время. Он предложил открыть на базе ПТУ-7 постоянно действующий полигон с самой современной техникой, чтобы будущие монтажники, буровики, помощники буровых мастеров и дизелисты учились делать всё сами, своими руками. «Таким специалистам при работе в тундре и тайге никакая инструкторская вахта не понадобится», – утверждал первооткрыватель сибирской нефти. Идею поддержали начальник главка Фарман Салманов и министр геологии РСФСР.

Урайское НГДУ в 1965 году было выведено из подчинения округа в деле добычи высококачественной нефти и подчинялось с этих пор только Москве. Однако влияние на принятие решений на местах через деятельность партийных организаций окружная партийная организация даже усилила.

«В это время ценою невероятных трудностей были заложены основы отраслевого лидерства газовой промышленности Западной Сибири, в чём решающую роль сыграл ввод в эксплуатацию в 1978 году Уренгойского, а в 1986-м – Ямбургского месторождений, каждое из которых относилось к сверхгигантским¹²⁵, – рассказывал при встрече Г.П. Богомяков. – Так начался новый этап освоения северных территорий, когда стали добывать и транспортировать не только нефть, но и природный газ¹²⁶».

В 1974 году после трудного 1973-го СССР оставался в шатком финансовом положении – государство с большим трудом свело годовой бюджет. Но впервые с начала освоения нефтяных и газовых месторождений Севера продажа полученного углеводородного сырья на мировом рынке позволила в определённой степени решить некоторые финансово-экономические проблемы страны.

В 1986 году СССР вышел на первое место в мире по добыче природного газа. Львиную долю прироста добычи углеводородного сырья дал Ямало-Ненецкий автономный округ, на территории которого к этому времени работало уже 11 газоперерабатывающих заводов.

Общий сбор хлеба составил 222 миллиона тонн. Цена тонны хлеба приблизилась к цене тонны нефти, и такой ценовой союз стал решающим на мировых рынках на десятилетия вперёд.

---

¹²⁵ Колева Г.Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазоносного комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири: Автореф. ... д.и.н. – Томск, 2007. – С. 29.

¹²⁶ Записано по воспоминаниям Г.П. Богомякова, село Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

Храня память поколений...

*«Если вы не думаете о будущем,
возможно, оно для вас и не наступит...»*

*Джон Голсуорси,
английский писатель*

Храня память поколений, он много ездил в родные с детства места, где простирались болота и высились сосновые боры, а ранней весной, издавая радостный любовный клич, на север летели утки, лебеди и гуси... И душа мчалась в те места, где пролистывались наиболее яркие страницы его жизни, и хотелось ему обрести крылья и ранним весенним утром улететь туда — в сторону зовущего к себе Севера. Именно там, на Севере, в единении разведчиков сибирских кладовых, приехавших со всех краёв необъятной Родины, и была видна сила страны и народа.

В памяти всплыли слова о самом крупном за всю историю России восстании крестьян, вспыхнувшем в 1920-1921 годах. Даже через пятьдесят лет по рассказам живых очевидцев из села Жиряки Армизонского района Тюменской области становится ясно, что с этим восстанием не могут сравниться ни восстание под руководством Степана Разина, ни бунт под предводительством Емельяна Пугачёва. По воспоминаниям старых, в большинстве своём уже немощных женщин, всё началось осенью двадцатого года в их селе.

Зажиточное село Жиряки, в котором стояли каменные сельские особняки и работало два небольших завода

(на одном выпускали кирпич, на другом перерабатывали молоко), стояло в отдалении от всех остальных сёл. До революции масло высшего качества с маркой здешнего завода доставлялось даже во Францию без досмотра лаборанта, что не вызывало удивления нигде.¹²⁷ Вокруг села стояло восемь ветряных мельниц.

В селе не было бедных, здесь жили зажиточные трудолюбивые крестьяне, работавшие в поле от первой до последней звезды на небе, ходили на охоту на диких гусей, вели своё немалое хозяйство. Весь этот результат в работе и взаимной помощи во многом был скреплён дальними и близкими родственными связями. Просто так жениться или взять невесту со стороны, из нетрудолюбивой семьи, было невозможно. Сход сельчан решал практически все вопросы жизнедеятельности, и лишиться места жительства в этом селении никто не желал.

Когда по осенней слякоти в село Жирыки пришёл продовольственный отряд в сопровождении красноармейца-пулемётчика с целью изъять излишки хлеба, лишь убедительный тон В.В. Крашенина как самого влиятельного и уважаемого человека в селе помог избежать внезапного восстания. Он объяснил, что хлеб был очень необходим для фронтов Гражданской войны и городского населения: «Да поймите же вы! Там дети гибнут от голода. Давайте немного подождём, может что-то и изменится...».

«Ничего не изменится, вот увидите. Им только хлеб подавай, сегодня пришли, взяли бесплатно и завтра снова придут...», — услышал он в ответ от односельчан.

Хлеб, однако, собрали с каждого двора, и повозки уехали с мешками, наполненными первоклассной пшеницей.

---

¹²⁷ Записано по воспоминаниям Г. Жилиной, уроженки с. Жирыки Армянского района Тюменской области. — г. Ханты-Мансийск, 02.09.2010 г.

Но ничего не изменилось. Осенью по разбитой дороге не дошло до села около десяти процентов повозок, сколько их отстало от отряда – никто точно сказать не мог. Лишь в феврале двадцать первого года, когда дошли слухи о том, что по особому распоряжению по сёлам направлен другой продовольственный отряд – для того, чтобы изъять недоимки хлеба, – восстания было не избежать, и оно вспыхнуло.

Сельчане из Жиряков были прилично вооружены по той простой причине, что они два раза в год занимались охотой на перелётных гусей, спешащих весной на север, а осенью обратно. Так что жили они далеко не бедно и торговали не только большим избытком хлеба круглый год, но и гусятиной, заготовленной впрок на зиму и по праздникам запекаемой с яблоками, выращенными на собственных садовых участках возле каждого дома.

В антикоммунистическом восстании, по разным оценкам, приняло участие от семидесяти до ста пятидесяти тысяч человек; по географии оно охватило территорию от нынешней части северного Казахстана на юге до Обдорска (*ныне Салехард*) на севере, включая Самарово (*ныне Ханты-Мансийск*). Тогда в Ялуторовском уезде в кровавой схватке обезумевшие конники рубили друг друга, не щадя ни самых юных, ни самых пожилых... И после того страшного боя участник восстания из числа кулачества Армизонских степей высказался перед пленёнными: «Приехали тут некоторые, не знают жизни и земли, а указывать – мастера... У нас и без вас каждый, кто землю пахал и засеивал, собирал по 20-25 центнеров хлеба с гектара. Чего ещё нам надо?.. Приехали сюда со своими горе-идеями, а мы жили раньше без всего этого, проживём и сейчас! А ну, ребята, руби всех, кого в плен взяли, а то отпустим их – они придут и нам головы отрубят!», –

крикнул Крашенин, вытирая окровавленную шашку о гриву своего коня. Всюду послышались вскрики и стоны, и полилась на землю фонтанами, как будто нефть из земли, человеческая кровь, что поддерживала и кормила в головах пришедших в эти края не всем знакомых людей эти взбалмошные идеи о равенстве и братстве. Такая жестокость была схожа с жестокостью турецких воинов-мамлюков, которых с малолетства забирали у матерей и воспитывали в ненависти к окружающему миру.

И вдруг из-за берёзового околка, как вихрь, налетел эскадрон красных конников, и мясорубка продолжилась. Слышны были удары клинков о сталь клинков, материки и вскрики вперемешку с топотом коней. Рубились насмерть, никого не жалея... К вечеру на полях в степи скакали одичавшие лошади с простреленными подушками вместо сёдел, да красный закат разносил по округе страшную весть о кровавом человеческом безрассудстве... Налетевшие вороны накаркали всем, что погибло с обеих сторон в этом сабельном бою более 300 человек¹²⁸. Такого количества зарубленных и пристреленных они не видели никогда, а вороньё со всей округи в десятки километров всё летело и летело на своё пиршество. Оставшиеся в живых раненые, удержавшиеся в сёдлах и обезумевшие от взаимной жестокости, к вечеру разъехались на исходные позиции.

Эскадрон использовал тачанки – и ударил из пулемётов по преследовавшим их восставшим крестьянам. Те сразу же отступили, понеся такие потери, что дальнейшее сражение становилось бессмысленным. Комиссар отряда красной кавалерии предвидел это заранее, зная о том, что с огнестрельным вооружением у восставших

¹²⁸ Данные приведены из содержания спецкурса по региональной истории по теме «Установление советской власти в Зауралье», автор – д.и.н. П.И. Рощевский, Тюменский пединститут, октябрь-декабрь 1969 г.

были затруднения, и по результатам сражения послал конника на телеграф станции с донесением о разгроме восставших...

А в это время уставшие и обезумевшие лошади унесли в ночную апрельскую даль всадников, которые в грязи и крови скакали обратно в свои родные Армизонские степи... Следом за ними наутро в конном строю двинулись подоспевшие кавалерийские части из Екатеринбурга, которые проходились по сёлам и рубили всех, кто мог носить оружие или не записывался в Красную гвардию. Преследование исчезнувших конников продолжалось более двух месяцев и сопровождалось постоянными стычками с восставшими крестьянами. И горела тогда степь и камыши, не успевшие ещё позеленеть на мелководье больших и маленьких озёр: пламя озаряло ночами весеннее небо, и всем окрестным жителям казалось, что война идёт на них со всех сторон. Убегая от дыма, огня и жаркого ветра, поднимались высоко вверх косяки водоплавающей дичи и, несмотря на непогоду, брали курс на далёкий север.

Маленькими группами восставшие стремились уйти от погони и неминуемой смерти в случае, если они останутся в своих родных сёлах. Особенно быстро ушли восставшие из села Жиряки, где было несколько белых офицеров и небольшой отряд белочехов, которые, по воспоминаниям престарелых женщин, силились как-то управлять отступающими восставшими¹²⁹ и создали линию обороны возле сёл Вялково, Бердюгино и Прохорово.¹³⁰ Однако ничего из этого не получилось. Офицеры, принимавшие участие в боевых действиях на стороне

---

¹²⁹ Записано по воспоминаниям А. Пантрина, водителя автобуса совхоза Прохоровский Армизонского района Тюменской области, 05.07.1973 г.

¹³⁰ Записано по воспоминаниям Г. Жилиной, уроженки с. Жиряки Армизонского района Тюменской области. – г. Ханты-Мансийск, 02.09.2010 г.

Колчака, поняли это не сразу. Весенняя слякоть мешала переброске войск и налаживанию связи между отрядами восставших. После того, как бунтари сделали попытку разойтись по таёжным и степным селениям, в Жиряки вошли красные, и начались грабежи и убийства. Женщин согнали в отдельный дом и держали вместе с детьми под стражей, но никого из них не расстреляли, поскольку их защитил местный староста. Подозреваемых в восстании толкали по лестнице в подземное помещение, чтобы те при падении сломали себе позвоночник. Остальных арестованных «коммунистов» (так в селе называли грамотных людей) начали конвоировать в сторону села Орлово и по дороге расстреляли. Был разрушен молебельный дом, в домах разбиты все иконы. Были разграблены и вывезены заводы и пятьдесят добротных двухэтажных каменных домов, где жили наиболее богатые сельчане, в сёла Армизон, Омутинка и Бердюжье.¹³¹ После разгрома село перестало быть таким большим, однако уровень жизни сельчан всё-таки остался лучшим по сравнению с иными населёнными пунктами района.

Один из отрядов красных конников, имевший кровавый опыт, нагнал на своих отдохнувших конях несколько десятков обезумевших крестьян и в смертельной схватке разбил его... И кажется, уже был повержен последний восставший, как неожиданно для всех раздался звериный вскрик и в секунду осёкся, а разрубленного пополам красноармейца несла на своей спине скакавшая во весь опор лошадь, и погоня за смельчаком неприятеля продолжилась до самой вечерней темноты...

На окраине берёзового околка в траве среди забрызганных кровью от резаных и колотых ран молодых лю-

---

¹³¹ Записано по воспоминаниям Г. Жилиной, уроженки с. Жиряки Армизонского района Тюменской области. – г. Ханты-Мансийск, 02.09.2010 г.

дей покачивались и трепетали под порывами ветра белые лепестки полевых ромашек. Там же, будто прислушиваясь к шелесту цветов, лежал истекающий кровью молодой, лет двадцати трёх, мужчина, из глубокой резанной раны плеча которого тонкой струйкой, медленно свёртываясь, на наклонившиеся ромашки стекала алая кровь... Лицо его было бледно-синим, дыхание частым, лоб покрылся испариной... В ночной тиши к нему подошёл его красивый гнедой конь и тихо лёг на бок подле хозяина, а тот из последних сил, преодолевая боль, заполз к нему на спину и повис на его боках. Конь так же осторожно встал и понуро понёс наездника в своё селение, оставляя на цветущей степи кровавый след...

Не желающие принимать участие в братоубийственной войне и оставшиеся в живых после сабельных сражений бежали на Чёрное озеро, где в камышовых «плавучих» берегах можно было запутаться, так и не выйдя на сушу никогда, и умереть от голодной смерти. Даже в спокойные времена, прежде чем войти в озеро, ставили большой стяг с яркой тканью, видимой издали, чтобы иметь ориентир, когда плавали на лодке и ставили сети. Стоило жерди-маяку упасть или утонуть в засасывающей болотно-озёрной няше, — и вряд ли кто-то когда-нибудь смог бы найти их останки на дне скрывающей всё озёрной тины — в этом бесконечном водном пространстве, окаймлённом камышовой стеной, которой не было конца и края. Именно там, на середине озера на небольшом острове был построен дом, в котором отсиживались многие бежавшие от красного террора участники крестьянского восстания.¹³² Продукты питания им приносил Евлампий Крашенинин, проходя по известной только ему тропе.

¹³² Записано по воспоминаниям Г. Жилиной, уроженки с. Жиряки Арминзонского района Тюменской области. — г. Ханты-Мансийск, 02.09.2010 г.

Посреди степи на возвышенном месте стояла давно построенная изба из невесть откуда привезённых сосновых брёвен средней толщины, обветренных всеми степными суховеями. Именно сюда и прискакал небольшой отряд красных конников. Комиссар в кожаной куртке долго раскуривал свою трубку, затем, слегка постучав в дверь, вошёл в дом, в котором его уже ожидали, заслышав топот конских копыт. В углу висела керосиновая лампа и в зажжённом состоянии сильно чадила. За низким столиком, сложив ноги по-турецки, сидел хозяин. Вошедший, нахмутив брови, тихо спросил, не проходил ли здесь конный отряд белых и если проходил, то в какую сторону. Казах кивнул головой в сторону камышей, куда чуть раньше ушли приехавшие восставшие, но проводить красных отказался, лишь выдав планы ушедших на озеро. Комиссар приказал казаху показать точное место, куда ушли преследуемые. Возле примятой камышовой стены все остановились, размышляя, что делать дальше — ведь кавалеристы получили приказ уничтожить банду: невыполнение приказа означало, что их могли отдать под военный трибунал. Все молча спешили, отпустив поводья и приказав сопровождающему казаху присмотреть за лошадьми, и, выстроившись цепью, двинулись вглубь камышовых зарослей, предварительно оставив одного из своих бойцов, чтобы он вечером просигналил им направление возвращения тремя выстрелами в воздух. Камыши сомкнулись стеной за спинами ушедших. Вечером оставленный красный стрелок выполнил поручение, однако эхо от выстрелов перекатывалось над водной гладью и не могло показать точное место выхода для ушедших конников. Оставленный красногвардеец ждал своих двое суток. Из ушедших вернулись только двое, все остальные погибли: кто-то в перестрелке, а кто-то раненый, истекая кровью, утонул в озёрной няше...

Подавление западносибирского восстания крестьян вполне походило на расширенную армейскую операцию, однако из-за своих масштабов и последствий это народное возмущение оказало влияние на принятие в 1921 году решения о замене продразвёрстки продналогом...

Ранней весной через пятьдесят один год после этих событий властно господствовали над степью весенние ветра, которые дули с шумом и пылью, набирая такую силу в казахских степях, что, проснувшись утром, можно было увидеть дом без крыши или поваленную изгородь. Вечером, когда спадала жара и утихал ветер, в месте посиделок молодёжи села Жиряки при стечении зрителей звонко звучала песня:

*Гляжу в озёра синие
В полях ромашки рву...*¹³³

Утром на центральную ферму совхоза Прохоровский Армизонского района на бричках приезжали с выпасов казашки: от них пахло многоцветием трав; одни заглядывались на молодых красивых парней, а другие, постарше, проезжали молча, не обращая ни на кого внимания, покупали всё необходимое и так же быстро исчезали в степи среди небольших зарослей степных трав.

Старожилы вспоминали, что в далёком 1937-м хватали всех, кто прямо или косвенно был связан с событиями в степи. Части НКВД, состоящие из малограмотных бойцов, делали своё дело, не щадя никого, — просто стреляли и расстреливали, как в игровом тире. В ряды этих кровавых работников записывали всех, кто в сабельной атаке прошлых событий рубил зажиточных крестьян

¹³³ Строчки из песни «Гляжу в озёра синие», музыка Л. Афанасьева, слова И. Шаферана, 1971 г.

возле Ялуторовска и в обширных Армизонских степях с озёрными «глазами».

Как рассказывали чудом избежавшие этой «работы», при расстрелах оставались раненые «недобитки» и, глядя убийцам в глаза, хрипели и стонали от боли, а те, вскинув наган, резко нажимали на спусковой крючок, — и раздавался выстрел, который уносил жизнь молодых и пожилых, умных и грамотных, да и просто сельчан, которые по-своему любили этот хлебный край. И вновь сюда приходили те, кто не знал бед и забот этого края. Среди местных старожил, исконных земледельцев и казахов-скотоводов было простое понимание проблем 1937 года: уйти подальше на выпасы, в отдалённые бригады по вспашке земли и работать, менее всего разговаривая с чужаками, приехавшими сюда «на освоение».

* * *

Нет ничего страшнее для человека, чем его узкая производственная специализация в жизни, когда до многих проблем человеческого бытия просто нет дела никому. Поэтому, очевидно, и возникли профсоюзные комитеты как возможные помощники решения непростых задач. На деле оказывалось, что это были не всегда умелые помощники человека в мире, полном проблем и разочарований, и тогда приходилось искать выход из кризисных жизненных ситуаций самостоятельно, получая поддержку только в своей семье.

В лихолетье беспокойного времени, до и после названных событий, растила своих детей семья Урусовых, решая все надвигающиеся проблемы самостоятельно, и учила их быть всегда самостоятельными и трудолюбивыми.

Как будто желая взять реванш за прошлое, в 1960-е – 1970-е годы СССР выкачивал деньги из нефтяных кладовых Тюменского Севера, породив множество проблем среди молодёжи, приехавшей сюда. Молодёжь обзаводилась семьями, но жить было негде, поэтому приходилось обустриваться в непригодных для семейного проживания молодёжных общежитиях.

Ранней весной на скошенные ещё осенью поля садились, перекликаясь между собой, перелётные гуси, которые не сменили своих маршрутов и по сей день. И только люди резко засобирались все вместе далеко на север, повинувшись крику своей души. А у Семёна Никитовича Урусова в душу запали слова из истории Древнего Рима: при возвращении на родину победоносного военного начальника следом за его колесницей, запряжённой четверкой белых лошадей, шёл раб и громко кричал, чтобы все, кто пришёл на торжественную церемонию, слышали его: «Смотри, не упади!».

Конец шестидесятых, семидесятые и первая половина восьмидесятых годов XX столетия были «золотыми и серебряными» годами в развитии Кондинского района. Все работало на нужды Севера, на газовиков и нефтяников. Лесная промышленность процветала, бурно развивалось сельское хозяйство. Как вспоминал бывший председатель Кондинского райисполкома Борис Яковлевич Иванов, он пришёл на работу в хозяйственные органы Кондинского района тогда, когда Семён Никитович Урусов достиг пика своей трудовой славы как бригадир бригады бурьщиков¹³⁴. Даже при желании с ним встретиться сделать это было просто невозможно: он всегда был либо

¹³⁴ Записано по воспоминаниям Бориса Яковлевича Иванова, г. Ханты-Мансийск, апрель 2009 г.

на буровой в своей бригаде, либо на совещании, или делегатом XXII партийного съезда¹³⁵ или пленума обкома.

В беседе с писателем Иван Пантелеймонович Сарманов, проработавший в Кондинском районе семнадцать лет секретарём РК КПСС, высказался с долей обиды: «Мы же одни из первых приложили усилия для обустройства нефтяников... Ведь это был Кондинский район, а город Урай выделился как административная единица только в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году. А до этого многое проходило через нас. Сейчас все об этом забыли. На заседания пленумов РК КПСС к нам в посёлок Кондинское приезжал С.Н. Урусов...¹³⁶».

В фойе Кремлёвского дворца съездов в перерыве от шумных дебатов было негде встать, но не потому, что не было места, а потому, что всё было в движении. Все учились спорить и убеждать друг друга в свободной обстановке, как будто её впервые осознали после сталинской диктатуры, а ведь не прошло и десяти лет с того момента, когда не стало на свете великого кормчего всех народов.

«От того, какие решения будут приняты на партийных съездах и пленумах ЦК КПСС, будет зависеть и развитие нефтедобычи в Западной Сибири», – подумал про себя Семён Никитович Урусов, находясь в Кремлёвском дворце на очередном партийном съезде.

Трудовая слава, добытая в нечеловечески сложных условиях бригадой Урусова, гремела во всех сводках по радио и по распространяющемуся в населённых пунктах Ханты-Мансийского округа телевидению. О его трудовых успехах как руководителя бригады писали в газетах, которые тогда читали почти все жители округа.

¹³⁵ Ленинская правда. – № 222 (8637). – 07.11.1962 г.

¹³⁶ Записана беседа по телефону с И.П. Сармановым, посёлок Кондинское Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 26.10.2009 г.

Для обеспечения высоких показателей в труде бригаде С.Н. Урусова выдавалась самая совершенная по тем временам техника, своевременно снабжавшаяся запасными частями, из-за чего простои в работе были сведены к минимуму. За счёт подбора кадров в бригаде не было случаев невыхода на работу или невыполнения плановых заданий. Попасты в эту бригаду было вершиной трудовой славы для любого нефтяника. За результатами работы бригады негласно был установлен контроль со стороны городской партийной организации города Урая. Курировал это направление отдел по делам промышленности и транспорту.

Личность Семёна Никитовича Урусова для нефтяников была поднята до такой высоты, что временами её можно было сравнить со Стахановым. Всем руководителям подразделений бурно растущей нефтяной промышленности, очевидно, хотелось видеть, что именно за этими высокими показателями потянутся другие, менее опытные, избавив себя временно от того, чтобы по-настоящему устраивать быт приехавших сюда людей, объявляя всем, что разные трудности – явление временное. Однако это временное население оставалось здесь на всю свою трудовую жизнь.

В такой ситуации и в семейных отношениях, и в трудовых буднях возрастал фактор примера, который постоянно фигурировал в средствах массовой информации, тем более что эти показатели основывались на действительных достижениях бригады буровиков, которой руководил С.Н. Урусов.

«Надолго ли хватит сил, чтобы продержаться на таком уровне производительности труда, ведь здоровье-то у меня из-за жизни в таких климатических условиях уже сдавать начинает», – подумал Урусов, стоя возле уста-

навливаемой буровой вышки. Жизнь вдали от семьи, с постоянными переездами давала о себе знать по истечении стольких лет. С начала пятидесятых годов, когда он демобилизовался из Вооружённых сил СССР, где служил в десантных войсках, он дома побывал несколько раз — только в летнее время во время отпусков или при пересмене вахт, когда приезжал на полмесяца, да и то не всегда получалось так, как он того желал.

Две его дочери росли, долгими месяцами не видя своего отца. Они привыкли жить вдали от него и узнавать о его судьбе из сообщений радио и из коротких газетных заметок, а чаще — из писем, которые он отправлял в семью регулярно.

Однако судьбе его была уготована практически такая же короткая и яркая жизнь на буровой среди открытий и трудовых показателей, как и самому Стаханову. Семён Никитович Урусов ушёл с занимаемой должности как-то незаметно — по заключению медицинской комиссии. Сам он по этому поводу говорил: «У меня очень болят ноги, особенно левая, два раза в год она отказывает; и я не смог убедить медиков не делать такого заключения».

Ещё долго читатели газет, несмотря на поступившие короткие сообщения, искали результаты очередных трудовых показателей. Бригада без лидера, которого отозвали по настоянию Фармана Салманова во вновь создаваемую бригаду производственных инструкторов, чтобы оказывать помощь буровым бригадам по всей области, длительное время держалась на высоте, выполняла и перевыполняла свои обязательства, но впоследствии её роль локомотива нефтяных разведчиков стала постепенно угасать.

Знамя передовика в добыче нефти постепенно перешло к трудовым коллективам Самотлора — новый производ-

ственный гигант в своей стремительно увеличивающейся добыче нефти сметал всё на своём пути к славе и лидерству, чтобы затем передать лавры первенства Сургутскому НГДУ. Газеты будто сошли с ума, постоянно печатая на своих разворотах репортажи о трудовых показателях по бурильным делам всех крупных НГДУ по области.

Постоянно во всех трудовых коллективах проводились собрания по политинформации, где сообщали о трудовых подвигах передовиков труда и говорили о том, что страна Советов обогнала по темпам своего развития все развитые страны мира, в том числе и Западную Германию. Души простых тружеников Советского Союза переполнялись гордостью за свою страну, за труд всех, кто создавал богатство и укреплял оборонную мощь своей Родины.

В области наблюдалась острая нехватка квалифицированных мастеров-бурильщиков, именно поэтому Семёну Никитовичу Урусову и предложили этот ответственный участок работы. Он знал о том, что только в течение 1967 г. этот вопрос значился в повестке январского, июльского и декабрьского бюро обкома партии. На заседаниях была представлена статистика текучести технической интеллигенции. За 1966-1967 гг. из Главтюменьнефтестроя уволилось около 11 тысяч человек, из них более 700 специалистов с высшим и средним специальным образованием¹³⁷.

В апреле 1966 года на имя первого секретаря Тюменского обкома партии Б.Е. Щербины и первого секретаря Ханты-Мансийского окружного комитета КПСС П.М. Телепнева секретарём Нижневартовского районного комитета партии Л. Аксариным была направлена обстоятельная докладная, где содержался материал, в

¹³⁷ ГАСПИТО. – Ф. 124. Оп. 184. Д. 27.

котором подробно были выделены и всесторонне проанализированы причины многолетнего кадрового дефицита представителей аграрной технической интеллигенции на территории Ханты-Мансийского округа. Доходы колхозников при введении новых форм организации сельского хозяйства не могут удержать на местах необходимых специалистов. Именно поэтому ни в одном колхозе района нет ни агронома, ни зоотехника, ни экономистов¹³⁸.

«Что же тогда говорить по этому поводу, вчитываясь в сухие строки отчётов и докладов, о ведущей отрасли нефтегазодобывающей промышленности области», – произнёс про себя Борис Евдокимович Щербина.

По мнению ответственного секретаря обкома А.К. Протозанова, на номенклатурные руководящие инженерно-технические должности работников Министерства нефтедобывающей промышленности руководство Главнефтегаза намеренно, по каким-то не всегда понятным для него как для партийного лидера причинам, назначало лиц, исполняющих обязанности на испытательном сроке, который зачастую длился годами...¹³⁹ Такие передвижения не всегда были согласованы с деятельностью партийных организаций на местах.

На одном из следующих заседаний обкома партии с некоторым запозданием была принята долгосрочная программа подготовки специалистов с высшим образованием для народного хозяйства области...

Борис Евдокимович Щербина ценил мнение секретаря обкома КПСС А.К. Протозанова. При этом считал, что тот весьма резко выступил по вопросам кадровой политики на июньском областном пленуме КПСС 1965 года – именно тогда прозвучала довольно резкая кри-

¹³⁸ ГАСПИТО. – Ф. 107. Оп. 1. Д. 2140. С. 9.

¹³⁹ ГАТО. – Ф. 2146. Оп. 1. Д. 302. С. 7.

тика в адрес руководителей РК КПСС Ханты-Мансийского национального округа. Это вызвало ответную аргументированную реакцию непосредственно с мест, подвергшихся критике на Пленуме обкома КПСС, когда позднее поступила пояснительная докладная записка на имя первого секретаря обкома Б.Е. Щербины и первого секретаря Ханты-Мансийского окружного комитета партии П.М. Телепнева от секретаря Нижневартовского РК КПСС Л. Аксарина.

«Смещение секретаря по вопросам промышленности и транспорта даже с повышением по должности вполне реально, – считал Борис Евдокимович. – И произойдёт оно в самое ближайшее время».

И словно в подтверждение – через два с половиной года судьба А.К. Протозанова совершила поворот и была связана с Восточным Казахстаном, где он до самой пенсии работал первым секретарём Усть-Каменогорского обкома партии. В Казахстане его очень ценят за его вклад в развитие региона и вспоминают с положительной стороны – как человека, действительно имевшего врождённые организаторские способности. Четырнадцатого августа 2009 года ему исполнилось бы уже девяносто пять лет. В память о нём вышла книга о его биографии и производственной деятельности, открыта мемориальная доска¹⁴⁰.

Жёсткий и справедливый характер был у Б.Е. Щербины: он умел спрашивать со своих подчинённых, но умел и одаривать, однако не любил вольностей. Именно поэтому он считал, что появление Фармана Салманова в должности руководителя одного из ведущих геологических направлений области было временным – как бы

¹⁴⁰ Записано по воспоминаниям Г.П. Богомякова, село Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

остаточным случаем после «оттепели» Н.С. Хрущёва. Допустив такое при И.В. Сталине, он исчез бы быстро и бесследно, как и появился в сводках по открытию нефтяных месторождений. Значит, всё же многое в стране изменилось в лучшую сторону.

Безусловно, людей удивляло умение Фармана Салманова быть учёным и руководителем, своевременно и даже с определённым риском для себя принимать ответственные решения, касающиеся судебных сотен и тысяч людей, работавших на Севере. Однако главное заключалось в том, что он в начале своей трудовой деятельности не всегда согласовывал свои решения по многим позициям с управлением по геологоразведке в Новосибирске. Такое было время.

Словно учитывая возможные последствия своего передвижения по работе, Семён Никитович Урусов размышлял в непростой ситуации: «...придётся стоять перед партийными лидерами по стойке смирно».

По своему характеру он не умел отказываться от поручений, практически всегда работал там, куда его направляли — так он был воспитан предвоенным и военным временем.

«Сейчас вам придётся работать инструктором-наставником в специально созданной вахте инструкторов, а затем и преподавать в техническом училище № 7 города Тюмени для молодых людей, которые хотели посвятить себя геологоразведке», — скажут ему в управлении.

«Ну что ж, учителем, так учителем...», — согласился он в отделе кадров.

За участие в Великой Отечественной войне С.Н. Урусов заслужил награду — орден Отечественной войны. За свою непродолжительную, но ударную работу на Севере был награждён орденами Ленина (1963) (получил его

одновременно с Ю.Г. Эрвье), Октябрьской революции (1971), Трудового Красного Знамени (1974), медалями. Как работал, так и награждали в тот период: скрывать результаты никто не собирался. В 1951-1973 гг. – бурильщик, буровой мастер Заводоуковской, Покровской, Шаимской, Кондинской, Сургутской НРЭ; вместе с экспедицией он исколесил огромные просторы Тюменской области: его бригада вела поиски нефти в Ярковоком, Тюменском, Голышмановском, Юргинском и других районах – таковы стаж и географические особенности передвижения в работе известного на всю страну мастера.

Тяжёлый труд бурильщика заставлял мужчину жить вдали от семьи многие годы: иногда случалось так, что, проработав несколько лет в буровой бригаде, оставшееся время своей жизни они проводили возле больной супруги, которая в одиночку в своей молодости растила их детей, не жалея сил и здоровья.

Люди в бригаде от невзгод быстро старели, а посёлок, с судьбой которого было связано открытие сибирской нефти, постепенно рос, строились целые кварталы с детскими садами и школами нового города, который носил гордое название Урай. Здесь не было названий улиц, а были лишь арифметически обозначены кварталы и номера домов – микрорайоны, что было против правил городов на «большой земле», но прижилось и стало неотъемлемой частью северных городов.

Кондинцы делали многое для того, чтобы снабжать жителей города нефтяников Урая продуктами питания. Секретари РК КПСС постоянно были заняты промышленными проблемами. Секретарь по развитию промышленности А.М. Вахонин большую часть своей жизни в это время проводил в командировках. Это были постоянные

заботы о выполнении государственного плана по лесозаготовкам и лесопереработке, строительству нефтепроводов. Трудовой ритм был настолько быстрым, что аппарат райкома не замечал, как быстро летит время.

Первый секретарь РК КПСС А.К. Ушаков на аппаратном совещании поздней осенью 1983 года задал вопрос секретарю по промышленности А.М. Вахонину: «Что необходимо сделать для выполнения плана по заготовке мяса?». И, не услышав, как ему показалось, быстрого ответа, тут же произнёс: «Надо пустить под нож даже молодняк – со временем всё окупится, не занимать же нам за границей». В далёких 1930-х тоже ставили под нож молодняк для выполнения плана заготовок сельхозпродуктов; впоследствии эта практика повторялась по регионам из года в год. Расточительность на фоне многого богатства была очевидна. Так, при строительстве нефтепроводов срубленный с просек лес сбрасывали в отвалы, и там он впоследствии выгорал или сгнивал.

Бурное развитие переживал совхоз «Кондинский», располагавшийся в нескольких десятках километров от города Урая. На вопрос: «Довольны ли вы своей жизнью?» – женщина, работавшая в животноводстве, ответила: «Вполне, так как в семье есть достаток и все заняты работой. Чего ещё для жизни надо?».

На освоение Севера съехались нефтяники из разных регионов страны, где имелись в избытке трудовые кадры по добыче и разведке нефти и газа, а затем и по первичной их переработке. Война выбила почти всех гармонистов на селе и в центральных некогда многолюдных районах России, а Север в шестидесятые и семидесятые годы XX столетия по-своему «отобрал» из центральных регионов подготовленные кадры.

Наблюдался быстрый рост численности северных родов: в восьмидесятые годы прошлого столетия на тер-

ритории Тюменской области возникло десять городов из двадцати одного; росли, как грибы, посёлки городского типа – по области их насчитывалось к этому времени 53. На территории Ханты-Мансийского национального округа в год строилось от 20 до 25 средних школ.

«Семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия были для нефтедобывающей промышленности области и в целом для Западной Сибири «золотым веком». Такого триумфа она никогда не знала, да и вряд ли в обозримом будущем что-то подобное предвидится. На каждую тонну добытой нефти геологоразведка давала прирост две тонны, обеспечивая будущее нефтедобывающей промышленности в Тюменской области, такого нет даже сейчас, – поведал многие годы спустя бывший первый секретарь обкома КПСС Г.П. Богомяков. – Говорили мне: сбавь слегка обороты, оглянись назад, – так нет, больше всего и работали над этой проблемой и создали в отрасли задел на десятки лет вперёд».¹⁴¹

Однако именно эти достижения, пожалуй, легли в основу снижения темпов геологоразведочных работ в девяностые годы XX века, когда приходилось экономить везде и на всём – такой политики придерживался тогда руководитель правительства Е.Т. Гайдар. Инициатива по увеличению темпов разведки территорий на нефть и газ вновь оказалась в России наказуема...

После очередного совещания по вопросам развития нефтяной и газовой промышленности СССР Урусов возвращался во вновь создаваемую вахтовую бригаду, размышляя о её будущем. Он не первый раз встречался на совещаниях с Г.П. Богомяковым и понял, что это возможный новый партийный лидер для Тюменской облас-

---

¹⁴¹ Записано по воспоминаниям Г.П. Богомякова, село Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

ти — он был совершенно иным в своих требованиях к подчинённым. В последние годы он курировал развитие нефтедобывающей промышленности будучи вторым секретарём обкома партии и был полной противоположностью Борису Евдокимовичу Щербине в принимаемых решениях.

* * *

В личной жизни Б.Е. Щербина внешне был мало замечен, хотя умел смеяться в гостях таким раскатистым и задумчивым смехом, что обязательно привлекало внимание детей¹⁴². Не пил даже сортовые вина, привезённые с Крыма или Кавказа, и не курил, хотя многие вокруг него курили (в том числе и по служебному рангу, негласно введённому ещё И.В. Сталиным), вёл относительно здоровый, полуспортивный образ жизни, что было не совсем привычным явлением в то время в высшем руководстве страны и региона. В своей жизни Борис Евдокимович не любил и не принимал презентов¹⁴³, и вообще не очень-то любил изобилие материального возле него. Почему-то не любил охоту, которую считал заранее спланированной бойней (вполне очевидно, сказывались воспоминания о войне с её кровавыми сценами), и не ездил на рыбалку, что всем казалось вообще необычным явлением и прежде всего северянам. Близость к воде приносила много неприятных для него воспоминаний о военном времени, когда на фронте советско-финляндской войны современные по тем временам тяжёлые танки «КВ» («Клим Ворошилов»), безрасчётно пущенные в наступление,

¹⁴² Записано по воспоминаниям Т.А. Полуниной, дочери бывшего первого секретаря Берёзовского РК КПСС. — г. Ханты-Мансийск, 11.12.2009 г.

¹⁴³ <http://www.iss.niit.ru/book-4/glav-3-23.htm>

проваливались под лёд в мутную озёрную воду. Зато он любил движение и ритм быстрых строек, основанных на аналитическом расчёте, общение с молодыми и незнакомыми людьми и дыхание чего-то нового, продуманного и нужного людям.

На работе он был неповторимым для всех окружающих интеллектуалом, стратегом с большой буквы, и авторитарным по складу характера политиком. Всегда присутствовал там, где это было возможно и целесообразно на областных мероприятиях идеологического актива; после его ухода такая традиция перестала почему-то существовать.

В руководстве страны таких людей было мало, да и долго на своих местах они не могли удержаться в силу той обстановки, которая создавалась вокруг них. И вместе с тем какие-то невидимые на первый взгляд нити связывали его с народом, от которого партийная элита всегда стремилась уйти, стараясь «соответствовать социально-политическому положению». Он прекрасно понимал, что молодёжь 1970-х упорно искала смысл жизни и частенько не находила его ни в театре, ни в кино, ни в жизненных ситуациях. Борис Евдокимович торопился жить, и потому выполнил пожелание культурного населения областного центра: к пятидесяти первой годовщине Октябрьской революции в областном центре состоялось торжественное открытие областной филармонии.

При педантичном и безусловном выполнении заданий партии и правительства в ритме его работы не было свободного времени для себя и всего его окружения и, возможно, для своей семьи. Даже в свои шестьдесят пять, уже работая зампредом правительства, Б.Е. Щербина отслеживал топливно-энергетические направления Госкомитета по науке и технике, Академии наук, Минвнеш-

торга и многие другие направления¹⁴⁴. Он и здесь жил в режиме нечеловеческого напряжения всех оставшихся сил, что впоследствии безусловно сказалось на его здоровье, а взрывной и частично авторитарный характер усложнял взаимоотношения с председателем Совета министров СССР Н.А. Тихоновым, который был старше его на двадцать лет, имел желчный характер и плохо переносил возражения по работе.

Б.Е. Щербина принимал решения только тогда, когда мог увидеть всё сам – это было обязательным условием в его деятельности. Для поездок на промышленные предприятия, в министерства и ведомства республик ему оставались лишь выходные дни, а в рабочие будни он был постоянно востребован, и его отсутствие с возмущением воспринималось Н.А. Тихоновым, старым и только внешне казалось беспомощным человеком, а на самом деле чётко и педантично ведущим свои министерские дела. Как известно, такой подход не всем нравился и зачастую не одобрялся, поскольку люди не желали жертвовать своими, может быть, единственными выходными днями за последний месяц. Б.Е. Щербина участвовал либо в заседании правительства, либо был ответствен за подготовку вопросов, рассматриваемых правительством.

«Руководителю необходимо больше доверять, но и спрашивать соответственно», – много раз задумывался об этом Борис Евдокимович, вспоминая свои бесконечные хождения с отчётами к председателю Совета министров СССР Н.А. Тихонову. Так постепенно менялся его авторитарный стиль работы, который сложился у него в Тюменской области, под влиянием тяжести пройденного жизненного и профессионального пути, но он так и остался по собранности и чёткости выполнения поручен-

¹⁴⁴ <http://www.iss.niit.ru/book-4/glav-3-23.htm>

ных мероприятий практически военным человеком, где любой приказ должен быть выполнен, чего бы это ни стоило. Такой ритм работы мало кто выдерживал: от напряжения он часто засыпал в дороге...

Его хобби – книги исторического содержания, научные статьи, которых так мало выходило на территории области из-за слабо развитой на то время системы высшего образования, и изредка шахматы, за которыми он задумчиво сидел, не столько думая об очередном ходе, сколько о том, каким образом найти то или иное жизненное или партийное решение. Именно поэтому в его работе всегда так чрезмерно присутствовала аналитика, прагматический расчёт на успех, с далеко идущими спланированными и выверенными результатами. Он в своей трудовой деятельности был прямой противоположностью лауреату Ленинской премии (1970)¹⁴⁵ Г.П. Богомякову, успех в работе которого более всего зависел от строгости исполнения логически просчитанных и выверенных решений при неотвратимости наказания за невыполнение задач.

Б.Е. Щербину освободили от занимаемой должности в полном соответствии с новой кадровой политикой, проводимой при Л.И. Брежнев в период 1965-1970 гг., когда проходила замена местных кадров, выдвинутых на высший пост ещё при Н.С. Хрущёве. Первым секретарём обкома партии избрали второго секретаря Тюменского обкома Г.П. Богомякова. В то же время было внесено предложение о награждении Б.Е. Щербины званием Героя Социалистического Труда¹⁴⁶, которое было оставле-

¹⁴⁵ <http://www.as-libr.ru/Persons/000/Src/0004/934911e7.shtml>

¹⁴⁶ Сибирский самородок: Воспоминания о Василии Васильевиче Бахилове. – Тюмень, 2000. – С. 61-64; Токтонова О.К. Воспоминания-миниатюра как источник по истории нефтегазового освоения севера Западной Сибири. – Сургутский государственный университет.

но без решения. Вполне возможно, новому руководству области не понравилось это предложение.

Учёный и писатель Михаил Бударин, вспоминая разговор с Василием Васильевичем Бахиловым (1920-1983), отметил интересный момент. Он приводит рассказ Бахилова, опять же связанный с этим заседанием обкома: «На банкете я сказал добрые слова о Щербине, назвал его масштабным руководителем и благородным человеком. А затем обратился к Богомякову и сказал: «А ты, Гена, не зазнавайся! Тебе надо равняться на Бориса Евдокимовича. Расти в батьку – не прогадаешь». Когда уходили с банкета, мужики мне сказали: «Напрасно, Васильевич, изрёк такое Богомякову. Он человек честолюбивый и очень памятный. Тебе это может откликнуться»...¹⁴⁷».

До этого окружком как вышестоящий руководящий орган в ряде случаев выполнял свои функции, находясь на вторых ролях; всю ответственность за исполнение тех или иных указаний сверху брал на себя обком. С большой оглядкой на обком партии при первом секретаре Г.П. Богомякове с неофициального согласия Бориса Евдокимовича Щербины В.В. Бахилов приступил к реформированию окружкома и окрисполкома, стремясь поднять их авторитет и значимость в решении хозяйственных и политических задач... Судя по всему, он хотел усилить роль руководства Ханты-Мансийского национального округа в решении многих вопросов, добиться большей самостоятельности административного образования. В.В. Бахилов начал создавать команду, перетрясая кадровый партийный состав в округе. Команда

¹⁴⁷ Сибирский самородок: Воспоминания о Василии Васильевиче Бахилове. – Тюмень, 2000. – С. 61-64; Токтонова О.К. Воспоминания-миниатюра как источник по истории нефтегазового освоения севера Западной Сибири. – Сургутский государственный университет.

должна была являться надёжной опорой ему в последовательном решении поставленной задачи. Но эпизод борьбы первого секретаря окружкома партии В.В. Бахилова и председателя окрисполкома Антонины Георгиевны Григорьевой, прошедший многими годами позже, показал слабую возможность реализации данной идеи в рамках тоталитарной системы: при сменившейся партийной власти в области позиция Москвы оставалась неизменной – как всегда чрезмерная централизация власти и средств, выкачиваемых с территорий, оставляла на последнем месте вопросы региональной политики и не была заинтересована в появлении региональных лидеров с большой буквы.

Центр как всегда встал на путь поддержки проверенного и известного лидера исполнительной власти. Это и послужило причиной его отставки с поста, да и обком партии стремился убрать его с политической сцены как наиболее уважаемого и влиятельного политического лидера того периода¹⁴⁸. Идеи усиления экономической и политической значимости округа в области нашли своих сторонников в политической жизни Ханты-Мансийского округа в последующие десятилетия.

Бориса Евдокимовича называли (а многие называют и сейчас, по истечении более тридцати лет работы в Тюменской области, прямо или косвенно связанной с нефтегазовым комплексом на её территории) дальновидным политиком, видевшим перемены в партийной жизни в области и стране на многие годы вперёд; в душе и в своих действиях он был державником, государственным человеком. Своими устремлениями он создан быть всю жизнь сильным и мужественным человеком для осознанного необходимости выполнения трудных, требующих само-

¹⁴⁸ Там же. – С. 68.

отдачи государственных дел, какими бы сложными они ни были и в каком бы возрасте их ни приходилось выполнять. Он считал, что трудностей у человека, возможно, будет намного меньше в плане межличностного общения при условии его идеологической подкованности. И при этом все знающие его люди сетуют на то, что таких людей сейчас, в такое же трудное время, нет.

Б.Е. Щербина прожил очень интересную, беспокойную и бурную по партийной линии жизнь, которая на всех этапах была связана с нечеловеческим напряжением сил, напоминавшим сталинский стиль работы кадров – работы на результат, причём если его не достигали, то ответственного за направление работы в тот период снимали с занимаемой должности.

Во многом эта жизнь прошла в ладу с его взглядами в непростом времени середины двадцатого века. С его именем во многом связан бурный рост промышленного развития области: до его прихода перспективы области просматривались весьма туманно и противоречиво. Вся его трудовая целенаправленная деятельность чем-то во многом походила на трудовые успехи Семёна Никитовича Урусова, хотя порученные участки профессиональной деятельности были совершенно разными как по объёмам, так и по напряжению физических и умственных возможностей и по ответственности. Однако каждый исполнял возложенные обязанности в отдалении, а вместе они составляли единое целое в жизни страны и региона.

В своей интересной и непростой жизни Борис Евдокимович успел принять участие в советско-финляндской войне. Он участвовал в восстановлении экономического гиганта Харькова – промышленного символа первых пятилеток и не один год бывшего столицей Украинской ССР. Именно в Харькове он видел последствия система-

тического, ничем не оправданного, даже военными планами со стороны немецких войск, разрушения города. Видел памятники и захоронения сотен молодых людей, которые с обречённостью победителей в своей справедливой войне погибали под гусеницами танков элитных подразделений вермахта, чтобы приблизить день победы.

Б.Е. Щербину специалисты в Тюменской области и за её пределами считают основателем совершенно новой, не знакомой многим индустриально-мобильной отрасли, позволявшей в короткие сроки создавать трубопроводы и обустраивать месторождения в труднодоступных местах Севера. Слаженной мобильной хозяйственной деятельности в его жизни научила суровая военная и многолетняя послевоенная, полная трудностей и невзгод, действительность.

Однако многое из того, что здесь было названо, Борис Евдокимович Щербина мог получить в практике своей работы, только работая в Тюменской области и бывая на обустройстве нефтяных месторождений Севера. С Тюменской областью и с вопросами создания нефтегазового комплекса было связано почти тридцать лет его производственной деятельности.¹⁴⁹ Он стоял у истоков вахтово-экспедиционного и комплектно-блочного строительства на Крайнем Севере. В его бытность тысячи нефтяников и газовиков прилетали на работу на Север вахтовым методом, а учёные-медики приступили к изучению влияния на здоровье людей вахтовой системы разведки и добычи нефти и газа. Его предложения о транспортировке угольной пыли через систему трубопроводов на большие расстояния, очевидно, будут воплощаться в нашей стране только в XXI веке, когда будут осуществляться

¹⁴⁹ Большая Тюменская энциклопедия. – Тюмень, 2004. – Т. 3. – С. 427.

технологические прорывы в осуществлении грандиозных экономических проектов¹⁵⁰.

Он любил красивое: даже цветы, высаживаемые перед зданием обкома партии, одаривали всех прохожих горожан и приезжающих с Севера людей многоцветием юга, как бы показывая разнообразие жизненных подходов к земной красоте. Но какую мысль вкладывал Борис Евдокимович в цветовую гамму цветов, как бы мысленно привезённых из Харькова и высаженных по его настоянию прямо в центре далеко не южного областного центра, вряд ли кто скажет и сегодня...

Борис Евдокимович в этот раз уезжал на отдых, в котором он из-за напряжения сил так сильно нуждался, в санаторий ЦК КПСС – в Крым. Перед отъездом он попросил секретаря в приёмной обкома партии – обаятельную молодую женщину с приятным голосом – позвонить в Харьковский обком и сообщить время его приезда, чтобы его встретили, попросил также забронировать на один день гостиницу обкома партии, что находится и поныне в центре города. Никто тогда из его окружения не знал о том, что Борис Евдокимович был активным участником восстановительных работ в послевоенном разрушенном Харькове.

В Харьков Борис Евдокимович прилетел на обычном рейсе из Москвы на самолете Ту-104, его встретила «Чайка», в которой был встречающий – секретарь обкома партии, и на ней довели его до гостиницы, что возле площади Дзержинского (ныне площадь Свободы), проспекта Правды и проспекта Ленина. Вечером вместе с супругой – неперемное условие поездки для двоих – спланированное посещение русского драматического театра имени А.С. Пушкина, о котором так много говори-

¹⁵⁰ <http://www.iss.niit.ru/book-4/glav-3-23.htm>

лось среди руководящей и культурной элиты не только Харькова, но и Москвы.

Ночь была до неузнаваемости в послевоенное время тихой и непредсказуемой. Только изредка шурша шинами, проезжали легковые машины, провозя запаздывающих пассажиров по улицам большого города. Борис Евдокимович прислушивался к дыханию города, до боли в сердце знакомого ему, и в памяти его всплывали образы участников восстановительных работ в городе, когда у его стен была слышна артиллерийская канонада. Этот образ города нельзя было повторить ни в чём. И в этой стези Тюмень показалась ему не только маленьким городком с деревянными крышами, но и городом, построенным в центральной части военнопленными немцами — представителями иной культуры, пленниками истории столкновения народов и политических режимов. Область, имеющая при разумном распределении богатств неимоверно большую перспективу, в его глазах проходила период индустриализации намного позднее, чем центральные районы СССР.

Наутро он вместе с сопровождающим и специально выделенным гидом проехал по утреннему городу — по трагическим местам своей трудовой юности, где главным принципом жизни государства был приказ, который необходимо было выполнять во что бы то ни стало, где работал принцип: «Всё для фронта, всё для победы!».

«Как же изменился город: похоронел, кругом цветы, зелень южных фруктовых деревьев, особенно центр, который лежал совсем, кажется, недавно в руинах после окончания войны, расстроились и окраины этого города-труженика, — словно эхом пронеслись слова об уже заново отстроенном людьми за последние десятилетия центре индустриальной и научной мощи СССР. — Нам бы

такие центры по подготовке научных и трудовых ресурсов в области... Нет, нескоро наступит это время, — продолжая размышлять, Борис Евдокимович вглядывался в проезжавшие легковые машины и сельскохозяйственную технику, спешившую на поля. — Не следует торопиться оценивать прошлое — для этого необходимо время — о нём нужно рассказывать и его нужно продолжать», — произнёс Б.Е. Щербина, пересаживаясь на другое место в предоставленной легковой машине.

На окраине города проехали по дороге, которая шла от благоустроенного посёлка тракторостроителей по полю с подсолнухами. Приятно, как напоминание о прошлом, было смотреть Борису Евдокимовичу на это чудо природы, которое рано утром поворачивает свои солнечные головы в сторону восходящего солнца и так преследует его целый день.

Вдали дышали дымом и паром промышленные гиганты Харькова. Борис Ефимович чувствовал себя как-то одиноко: вера, власть, кресло, льготы — и ничего своего, как у православного священника; о пенсии думать не очень-то хотелось. «Несмотря на гонения на православие, мы всё-таки многое от православия заимствовали», — подумал он.

Во второй половине дня самолёт, прилетевший из Домодедовского аэропорта Москвы, унёс его вместе с семьёй в Симферополь, выхватив Бориса Евдокимовича из воспоминаний о боевом и трудовом прошлом, окрашенном розовым с багряным оттенком кровавым рассветом трагических дней далёкой юности, оставшейся в памяти на всю жизнь.

В небе над Харьковом собиралась гроза: на возвышенности у слияния рек Лопани и Харьков в небе начинали всё отчётливее чернеть тучи. Загремел гром, вместе с

почерневшими от жары южными тучами налетел порывистый ветер и хлынул с небес самый настоящий, характерный для этих мест ливень — и потоки мутной воды побежали по дорогам и ложбинам. Вспышки молний пронзали небесную высь до самой земли, и раскатистый гром с перекатами нёсся вслед улетевшему самолёту, в салоне которого не чувствовалась непогода, которая разгулялась в сотне километров от них. По салону разнесли газеты, напечатанные в Украине и частично на украинском языке. От усталости и навалившихся тяжёлых военных воспоминаний не очень-то хотелось читать, голова становилась тяжёлой от непривычного ощущения отпуска и отдыха, в котором он так редко бывал, и он потихоньку задремал... Проснулся он, когда самолёт пролетал над Симферополем, описывая большие круги в воздухе с постепенным снижением.

Это была его первая и последняя после окончания войны поездка в Харьков, через год он уже не работал первым секретарём обкома партии в Тюменской области. Впереди его ждала работа в Правительстве СССР. Он постоянно задумывался: вот придёт время перемещения на другую должность, и кто знает, возможно, даже с понижением, ведь сейчас уже противников у него было вполне достаточно. Как сложатся в будущем его отношения с Н.А. Тихоновым, который был к этому времени в довольно преклонном возрасте, он не знал, да и не мог знать, так как и перевод ещё не наметился и не был объявлен, хотя в Правительстве данный вопрос уже поднимался в процессе общения лидеров.

* * *

«Пришло время и мне уходить на другую, — востребованную на буровых, — должность. Буду работать

мастером вахтовой бригады по оказанию помощи всем нуждающимся бригадам – с подачи самого Фармана Салманова. Вот только вряд будут эти новые места спокойными для меня...», – Семён Никитович Урусов затруднился ответить даже самому себе. Вспоминались слова, в своё время сказанные Н.С. Хрущёвым: «Когда мне было 25, я считал, что я чего-то стою. А сейчас – 40 лет, говорят: молодой, куда он лезет. 21 год – это образованные люди, они имеют знания, энергию, задор, надо использовать это».¹⁵¹ – Вот пусть и привлекают больше молодых и образованных, которых и учить надо намного меньше. С каждым годом их становится на буровых всё больше и больше, наша эпоха постепенно уходит и надо бы с этим смириться. Оставляем после себя молодым всё: опыт, материальные ценности и разведанные природные ресурсы. Пусть только разумно ими распоряжаются. Будем надеяться, пригодятся молодым наши жизненные и производственные знания, и оставят они нас в нашем возрасте в качестве наставников. На большее мы со временем по возрасту и по состоянию здоровья уже будем не годны...», – с трудом выдавил из себя бригадир.

Позднее «возрождённый стахановский лидер» пятидесятых и шестидесятых годов показал себя на горизонте новых трудовых свершений будучи на другом трудном и востребованном для нефтяной и газовой промышленности месте – в областном центре городе Тюмени. В виду необходимости подготовки новых кадров по работе на новом оборудовании он принял тяжёлое для себя решение уйти из изыскательской бригады буровиков на предложенное место, тем более что состояние его здоровья желало быть лучшим.

«Трудно мне придётся: кто-то будет поддерживать моё решение, а другие сделают всё, чтобы меня оставили

¹⁵¹ <http://letopisi.ru/index.php>

на прежнем месте, правда, я уже не знаю для чего — ведь всё уже давно решено и обратного хода нет. Борис Евдокимович Щербина был своим человеком, распахнутой душой, в которую можно было окунуться, но сразу и не выплыть», — размышлял Семён Никитович Урусов, в последний раз встретившись со своей бригадой, а потом и простившись с ней. На буровой монотонно шумел буровой станок, обвешанный электрическими лампочками.

Бригада таким решением была не довольна и предложила ему ещё раз подумать относительно своего перехода на другую работу. Долго расспрашивали о возможной его работе на «большой земле» и были не согласны с его, как они считали, не правильным и не просчитанным до конца, решением, основанным на медицинском заключении.

«Как он будет там, без нас — ведь мы, как команда на большом корабле, — с болью в сердце выговаривались друг другу работники бригады. — Начальство может предложить различные варианты повышения в должности, но ведь последнее слово остаётся всегда за бригадиром».

Они уже представляли, что с уходом командира со временем распадётся бригада, все постепенно разъедутся по родным местам под разными предложениями. Со временем многое забудется. Они в большинстве рассчитывали свои шаги именно так, как делал в своё время их бригадир.

Бригаду ещё долго называли «урусовской», даже когда произошла одна и вторая волна замены кадров молодыми бурильщиками.

Семён Никитович, уже находясь в Тюмени, поздно вечером никак не мог уснуть и вспоминал своих сотоварищей: «Мои озорные парни стали заслуженными — удос-

тоены многих наград: у Шадловского – орден Ленина; у Распопова – ордена Ленина и Трудового Красного Знамени; у Николая Урусова – ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, Знак Почёта и медали...».

Расставался он с бригадой тяжело. «Даже вспоминать об этом без сожаления и боли в прямом и переносном смысле слова и сейчас, по прошествии стольких лет, невозможно», – высказался он впоследствии тем, кто будет приходить к нему во время отпусков уже в Тюмени.

Жалко расставаться было с Севером, но ничего страшного: среди нефтяников остались бригадиры расчётливые и сильные духом, они-то продолжают начатое дело. Как здесь не вспомнишь Виктора Васильевича Китаева: ведь он после окончания вуза начинал с Шаимской конторы бурения, работал инструктором Кондинского РК КПСС, затем – окружком партии и вновь работа по бурению скважин, но теперь уже на знаменитом Самотлоре. Для Семёна Никитовича Урусова газетный пафос того времени был знаком. Но и поработал В.В. Китаев бригадиром буровой бригады на Самотлорском месторождении в полном напряжении своих сил и возможностей. Его бригада была инициатором соревнования с трудовыми коллективами Мангышлака, и их знала вся страна. Да и сам он был награждён орденом Трудового Красного Знамени, а два члена его бригады были удостоены премии Ленинского комсомола.

Такое отношению к труду стало нормой для профессионалов Самотлора: так, впервые в отрасли буровой бригадой Г.М. Левина был достигнут 100-тысячный рубеж проходки, который затем стал нормой для буровых бригад «Главтюменьнефтегаза».

«Какие же они всё-таки молодцы! Создал же бригадир такой творческий коллектив. Значит, есть и нам хорошая

замена, есть руководители, которые показывают чудеса творчества, достойные подражания, — продолжил свои размышления первооткрыватель сибирской нефти. — Ох, и полетал же я по Северу вдоволь: и в Уренгое, и в Ямбурге и в Харасавее побывал после перехода на инструкторскую работу бригадиром вахты. Сам Фарман Салманов несколько раз отправлял нашу бригаду в Уренгой, чтобы направить работу бригады буровиков, прибывших из Чечено-Ингушской Республики...», — воспоминания роились в голове славного труженика.

* * *

У геологов учреждён переходящий приз имени первооткрывателя сибирской нефти Семёна Никитовича Урусова. Красивый приз — никелированное буровое долото. Вручают его лучшей молодёжной бригаде проходчиков. Первым обладателем этого долота стал коллектив мастера Владимира Соловьёва.

К великому сожалению, к приезду самого писателя в колледж № 7 г. Тюмени никто из руководителей этого учебного заведения так и не смог вспомнить время, когда здесь работал С.Н. Урусов, однако был сделан шаг к тому, чтобы расшевелить новое поколение людей, выросших в новых исторических условиях и не знающих историю великих свершений.

* * *

Семён Никитович Урусов не дожил, к его счастью, до распада великого СССР всего несколько месяцев. Перед самой смертью вспоминал прошлое: в памяти его всплыли произнесённые в детстве слова одного из его знако-

мых, который принимал участие в восстании 1921 года: «Оставьте нам нашу сельскую Россию, не лезьте в неё, если вы её не знаете!».

С.Н. Урусов всю жизнь прожил так, как он себе представлял, и история ушедших десятилетий с каждым годом удалялась в прошлое, лишь изредка выныривая в памяти и не давая спокойно жить.

На сердце его стало так тяжело, как никогда. Оставленный им Север теперь уже удивлял своей индустриальной мощью, которая росла в геометрической прогрессии, оставив далеко позади развитое сельское хозяйство юга Тюменской области. А заманил людей Север также по причине молодости работающих кадров с их совершенно новыми жизненными подходами. Осознание этого пришло, когда ему было уже далеко за пятьдесят. Он знал, что вместе с ростом производства в городах и посёлках возрастало количество работающей технической интеллигенции по всем направлениям, которая была уже не безропотной по отношению к своей роли в общественно-политической жизни промышленного гиганта на Севере, дававшего от тридцати до пятидесяти и более процентов всех валютных поступлений государства.

«Разъединилась окончательно моя бригада, считанные единицы остались...», — с сожалением думал он, находясь на отдыхе у озера, над которым перекатами из аккуратно включённого динамика автомобиля неслись слова песни:

*Деревня моя, деревянная, дальняя,
Смотрю на тебя я, прикрывшись рукой.
Ты в лёгком платочке июльского облака,
В веснушках черёмух стоишь над рекой.¹⁵²*

¹⁵² Четверостишие из песни «Деревенька моя», музыка Н. Кудрина, слова В. Гундарева, 1960-е годы.

Именно эта песня в его представлении была самой популярной в семидесятые годы прошлого века и ассоциировалась с водоразделом в развитии страны в целом и области в частности при переходе направления развития хозяйства в индустриально-аграрное русло...

«Многие, уже выйдя на пенсию, сохранили какое-то душевное единство, которое высказать словами было невозможно, но оно существовало, хотя и возникло в тот момент, когда ударил этот первый в Западной Сибири нефтяной фонтан», — подумал Семён Никитович Урусов. Руки его слегка задрожали, на глаза навернулись слёзы.

Нет тех поразительно пышных и понятных всем партийных съездов, нет тех речей, призывающих упрочить экономическую мощь государства, нет уже крепкого единения народов, наконец, нет того сильного, сплочённого и не знавшего, что такое национальная неприязнь, государства. Политические лидеры, обещавшие ускорение экономического развития страны, скатились в своих действиях к методу подсчёта голосов на партийных мероприятиях. Государство стало не тем, каким было ранее, — и Семён Никитович почувствовал его надлом, ощутил, что с этим надломом сам начинает уходить не только в прошлую историю страны, но и в прошлое по своему здоровью. Он уже не видел идеалов прошедших лет своей жизни, постепенно всё в этой жизни переворачивалось наизнанку. Это были в первую очередь трудности жизни пенсионера, которые не встречались ранее в его стране, а именно неуважение к прошлому — нет, не для этого он жил...

Болела голова и ныли руки, словно после перенесённого тяжёлого заболевания, и ему показалось, что он сейчас в том положении, в котором были восставшие

крестьяне, боровшиеся за восстановление прежних устоев жизни и потерпевшие поражение, понеся большие потери. Ещё раз вспомнились слова из истории, которые произносил раб в Древнем Риме при возвращении с победой военного начальника: «Смотри, не упади!».

Да куда же ещё падать! Всё разом рухнет и меркнет в его глазах — всё то, во что он верил и что стремился преумножить всей своей трудовой деятельностью, и не только он один — тогда казалось, что в этом принимала участие вся страна от запада до востока и что этому не будет конца.

* * *

«Звёздочки» нефтяников начали постепенно гаснуть на трудовом небосклоне. Первыми потихоньку стали уходить из системы управления бригады-передовики, под руководством которых бригады бурили по сто тысяч метров горной породы в год, — сказывалось страшное перенапряжение и кризис в нефтяной промышленности в первой половине восьмидесятых годов, когда резко упал дебит скважин и увеличилось их обводнение. В это время повысилась требовательность к нефтяной промышленности.

Не всем нравилось в центре и на местах, что В.И. Муравленко сам решал проблемы, — с ним считались даже в Москве, в Министерстве нефтяной и газовой промышленности, где решили «позаботиться о его здоровье» и уже подыскивали место где-нибудь в столице. Однако провожать его пришлось в совершенно иной мир... А ведь ему было всего-то шестьдесят пять лет, но о состоянии своего здоровья он уже знал задолго до своей смерти. Когда ему об этом сказал лечащий врач, он выслушал всё

молча, а потом произнёс: «Будь что будет...». Умер он внезапно после встречи в Министерстве с ответственными людьми: вышел от них в хорошем настроении, однако сердце не выдержало...

Затем в 1990 году ушёл из жизни Борис Евдокимович Щербина. Люди, знавшие его биографию, ссылались на то, что он получил облучение будучи ликвидатором последствий чернобыльской аварии; другие говорили, что он вёл бессистемный характер работы, постоянно был в разъездах и в состоянии нервного перенапряжения.

«Необходимо время, чтобы прийти в себя, – сказал он себе. – Хватит хандрить, надо держать себя в форме при любой ситуации, везде есть выход, вот только каким он будет – покажет время».

На занятия в колледж идти не надо, он уже несколько лет как пенсионер; сокращалось количество людей, которые навещали его, затем их стало катастрофически не хватать. Остались только самые родные и близкие. А он привык и избалован был вниманием властей на всех уровнях, особенно работая в Кондинском районе – нефтяной «жемчужинке» красивого ожерелья Западной Сибири. Вместо встреч приходилось много читать (как всегда, театральные пьесы), слушать и смотреть по телевизору оперы – как оставшуюся ещё с юности часть любви и уважения к искусству. В последние годы было выпущено много книг о начале освоения недр Западной Сибири. Он своим опытным взглядом всегда определял, что из всего этого имеет заказной характер, а что идёт от самого сердца.

* * *

Не хотелось верить, что закрывались в Тюмени нефтяные главки, а центр по управлению перемещался на

север — поближе к нефтедобыче. Но мировой энергетический кризис жёстко ударил по экономике страны: цена за баррель нефти составила чуть более двадцати долларов.

«Тюменьгеология» — это крупный трест, который собрал под своим крылом более ста тысяч геологов и сформировал мощную научно-техническую базу. Именно здесь засветился организаторский талант Юрия Георгиевича Эрвье как первого руководителя крупнейшего в мире, уникального и неповторимого по своей структуре предприятия «Главтюменьгеология». В одночасье всё рухнуло.¹⁵³ Вырученной валюты от продажи нефти и газа за рубеж, возможно, хватило бы на многое, если бы не оказание помощи «друзьям»: сложилось впечатление, что многие крупные месторождения просто не нужно было даже разрабатывать — всё равно передали социалистическим странам и иже с ними больше того, что они могли вернуть. Сами набрали долгов на сто пятьдесят миллиардов долларов и другим одолжили столько же, вот только за всё рассчитываться придётся нефтедолларами Севера. Должники же эти явно ничего не вернут из-за нехватки средств у них самих.

По всем предприятиям нефтяной и газовой промышленности начались массовые увольнения. В 1989-1990 гг. были ликвидированы «Главтюменьгеология» (именно она являлась крупнейшей организацией министерства — на неё приходилось более 50% разведочного бурения в стране), «Главтюменьнефтегаз», «Главтюменьгазпром»¹⁵⁴. Увольняли специалистов, проработавших многие годы и поистине знавших толк в своём деле: за их плечами

¹⁵³ <http://old.tsogu.ru/Newsitems/University/Headline/> (Headline. 2009.-04-04-16.56 51)

¹⁵⁴ Колева Г.Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазоносного комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири: Автореф. ... д.и.н. — Томск, 2007. — С. 26-28.

добыча на территории Тюменской области одного миллиона тонн нефти и одного миллиарда кубических метров газа в сутки. Однако след в душе многих работавших в нефтяной и газовой промышленности всё это оставило. Больно было видеть, как сокращается уровень добычи нефти и газа на Тюменском Севере. Даже руководители порой не знали, что же делать дальше, а простые рабочие, бурильщики из бывших советских республик выезжали за пределы Российской Федерации, не оставив после себя замены.

Из всех, кто внёс существенный вклад в развитие области, остался только Г.П. Богомяков – руководитель с достаточно твёрдым характером и железным здоровьем. Ему-то и придётся давать анализ событий, которые произойдут в стране и в регионе, когда нас уже не будет...

* * *

По площади Тюменская область протянулась от казахских степей до Карского моря, где дышала культура десятков наций и народностей. На севере живут ненцы, которые, к примеру, до сих пор являются самыми подвижными кочевниками и, передвигаясь в год от четырехсот до двух тысяч километров, заселяют более трети приарктических земель, а также ханты, зыряне и манси. На юге жили казахи, выпасающие общественный и личный скот; значительной частью местных жителей было и татарское население.

Различия в уровне жизни между севером и югом области, как и во всём мире, были разительны: север рос, развивался, а юг как бы законсервировался... Постепенно, с запозданием от всего мира, стиралось различие между ведущими классами по материальному и образовательному уровню.

В ямальской тундре небо освещалось на десятки километров — горели факелы попутных нефтяных газов. В лютую стужу с колючим пронизывающим ветром трудно было женщине-хозяйке согреть чай, просто растопив буржуйку: приходилось идти по тундре и собирать выброшенные весенним разливом ветки. После этого она вскипятила воду и заварила чай. Старшая сестра, приехавшая в гости на несколько дней, с жалостью смотрела на усилия своей сестры поддержать огонь и сварить пищу. Тонкие ветки разгорались медленно и давали мало тепла, но хозяйка с упорством продолжала варить оленину... А газ, несущий тепло и уют, был совсем рядом...

Природа тундры и на сотни километров раскинувшейся древней тайги в своём объединённом дыхании давали столько богатств для человека, что это отдавалось за тысячи километров...

* * *

Семён Никитович Урусов ушёл из жизни так же стремительно, как и загорелась его трудовая звезда... Его не стало 22 апреля 1991 года. Он действительно был героем своего времени для тех, кто участвовал в освоении нефтяных богатств Тюменской области. О нём говорили на всех совещаниях, как о настоящем герое. Он был человеком той эпохи и сумел скрепить в своей судьбе союз серпа и молота, объединив классовые интересы рабочих и крестьян. Семён Никитович показывал пример новой, рассчитанной поминутно организации труда. На него ориентировались все, кто хотел поехать на этот далёкий, холодный и необъятный Север с его огнями нефтяных вышек и вечными факелами. Указом Верховного Совета СССР в 1963 году ему было присвоено почётное

звание Героя Социалистического Труда. Он выполнял возложенную на него миссию с особым трепетом и интересом, продолжая разумно играть роль, отведённую ему расчётливым руководством Тюменской области и Ханты-Мансийского национального округа. Его человеческие качества и организаторские возможности в деле творческого отношения к труду вызывали не только зависть, но и стремление подражать: быть скромным, рачительным хозяином порученного участка работы и уметь отвечать за полученный результат.

* * *

«Возможно, в процессе всех изменений в области не всё решалось своевременно, но ведь время было такое — оно неумолимо гнало вперёд. Закроешь одну проблему, появится другая...», — размышлял Г.П. Богомяков в сложное время значительного увеличения добычи нефти и газа на территории Тюменской области. По его мнению, в семидесятые годы в области не было застоя — в промышленном развитии она стремительно продвинулась вперёд, оставив большой задел на восьмидесятые годы, которые и для неё стали непростыми, однако строились новые города, вводились в строй очередные нефтяные и газовые месторождения.

Работать бесценно на посту первого секретаря обкома партии Г.П. Богомякову в определённой степени помогали не только опыт партийной и научной работы, но и особенность склада его характера. По инерции партийные и советские органы в работе уважительно относились к сильной власти и сильной личности. Богомяков работал по тем законам, которые для него диктовало само общество, внешне мирное, а внутренне жестокое,

где постоянно существовала жёсткая борьба за место, которое могут дать прежде всего власть, деньги и желаемые результаты по собственному самоутверждению. В этом обществе, как в средневековой деспотии, власть стояла на первом месте. Он своевременно убирал с работы возможных своих противников – под разными предлогами, например, за невыполнение решения обкома КПСС по отъезду на учёбу.

В работе он был педантичен и требователен, следил за ротацией кадров там, где это было возможно и безболезненно для него самого и других. Как вспоминал сам Г.П. Богомяков¹⁵⁵, никто не получал продвижение по служебной лестнице, не пройдя всю школу руководителя с «низов» до самого «верха»: не работал агрономом после окончания высшего учебного заведения – не будешь главным агрономом района и т.д. Так, например, П.М. Телепнев, имея лесотехническое образование, первоначально работал первым секретарём Кондинского РК КПСС, затем первым секретарём Ханты-Мансийского окружкома КПСС и только после этого был назначен первым секретарём Архангельского обкома партии: именно в Архангельске он оканчивал лесотехнический институт, а в области одной из ведущих отраслей хозяйства была лесоперерабатывающая промышленность.

В отдалённом будущем всё это могло не понравиться высшему руководству страны. В семидесятые годы прошлого века М.С. Горбачёву была предложена должность первого заместителя председателя Госплана СССР по сельскому хозяйству. От должности он отказался, сделав ссылку на то, что он не имел производственного стажа на селе за исключением помощи родителям в летнее

---

¹⁵⁵ Записано по воспоминаниям Г.П. Богомякова, с. Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

время, и заявив, что в этом деле он не специалист. Об этом Н.А. Байбаков рассказывал Фарману Салманову. Несколько позднее М.С. Горбачёву предложили пост секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству, а он посчитал, что для этого его компетентности достаточно¹⁵⁶. Именно тогда кадровый вопрос стали решать довольно быстро, упрощённо и не совсем обдуманно. Многие решения не были подкреплены производственной практикой. Выдвинувшаяся часть людей, вставшая у руля власти, стала в значительной мере диктовать свои условия жизни и деятельности в некогда великом и могучем СССР, развалившемся в итоге в силу подобных причин в эпоху М.С. Горбачёва...

Так и получилось: после освобождения от должности Б.Е. Щербины в декабре 1973 года (результат известного некоторым сведущим людям заседания обкома КПСС 18 декабря) постепенно стал меняться и состав самого обкома, часть работников которого ушла с переводом на менее ответственную работу. К этому времени на нефтяных и газовых промыслах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов уже появлялись новые подготовленные кадры: эпоха практиков вполне закономерно и обоснованно с течением времени сдавала постепенно свои позиции, — им на смену пришли профессионалы средних лет, полные энергии и желания работать, имеющие высшее профессиональное образование и стаж работы в различных геологических и нефтедобывающих регионах СССР — в Татарстане, Азербайджане и т.п.

В 1969 году было введено в эксплуатацию крупнейшее в стране Самотлорское месторождение, и уже через три года там добывалось нефти больше, чем в Баку.¹⁵⁷

¹⁵⁶ Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. — М., 2003. — С. 518.

¹⁵⁷ Быковский В.А. Край земли. Сгоревшие факелы. — М.: Луч, 2005. —

В последующее время Самотлор собрал настоящих профессионалов, уже обладающих опытом бурения в условиях бездорожья и суровой сибирской зимы. Это было время творческих поисков, дерзких инженерных решений, равных которым не было в СССР, внедрения передовых технологий в проводке скважин, широкого распространения соперничества за скоростное бурение. Самотлор стал школой экспериментов. Экспериментировали постоянно...¹⁵⁸ На весь Советский Союз были известны имена мастеров С.А. Повха, В.Т. Громова, Г.М. Левина, В.М. Давыдова, Г.К. Петрова, А.Д. Шакшина, С.Ф. Ягофарова, В.М. Колесникова, В.В. Китаева.

* * *

Сформированные практически на пустом месте главы, крупнейшие не только в СССР, но и в мире, работали в областном центре вдали от нефтяных месторождений, и не всё можно было решить так быстро, как того хотелось. Решению проблем помогал производственный энтузиазм управленческих кадров, помогающий в ответах на сложные вопросы. Только в последние годы начала развиваться на юге и на севере области транспортная связь, развитию которой мешала чрезмерная централизация управления: даже линии автобусов по городам приходилось открывать только с разрешения Москвы.

В тысяча девятьсот семьдесят седьмом году была принята Конституция СССР, окончательно поставившая точку в споре о роли КПСС в жизни общества: именно тогда была прописана шестая статья о ведущей и направляющей роли партии в коммунистическом строительстве.

Т. 2. – С. 159.

¹⁵⁸ Преодоление / под ред. Перепелкина. – М.: Эпоха, 2009. – С. 181.

Раньше даже И.В. Сталин рассматривал партию как инструмент решения назревших вопросов, сейчас же позиция коренным образом изменилась: партии принадлежала вся сила власти в стране.

Первый секретарь Тюменского обкома КПСС Г.П. Богомяков как хозяйственник по складу характера сумел привнести в работу партийной организации области хозяйственный управленческий стиль и выстроить всю пирамиду системы хозяйственного руководства области, которой никогда в такой форме не существовало. Область по направлению развития хозяйственной деятельности постепенно переходила из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную колею. До 1977 года флагманом развития промышленности северных регионов была нефтяная отрасль. Для компетентного её развития на пост первого секретаря окружка партии Ханты-Мансийского национального округа были рекомендованы специалисты нефтегазовой промышленности, имеющие большой опыт партийной работы – такие, как В.В. Бахилев (1973-1975), Ю.П. Старцев (1975-1977), В.С. Петров (1977-1982). В последнее десятилетие, отведённое историей Советскому Союзу, на высших должностях партийной иерархии появились лидеры, имеющие не только партийный опыт работы, но и производственный опыт в организации добычи углеводородного сырья, например, В.В. Китаев (1982-1985), избранный на должность первого секретаря Ханты-Мансийского окружка партии в 1982 году¹⁵⁹. После него это кресло занял Валерий Андреевич Чурилов (1985-1990), проработавший совместно с Г.П. Богомяковым не один год. Несмотря на противоречивость партийных взаимоотношений, стиль работы его был во многом похож на тот, с каким ему

¹⁵⁹ Там же. – С. 121.

приходилось встречаться в Тюмени, а именно – сделать в своей работе всё возможное и даже невозможное для того, чтобы сосредоточить имеющиеся силы на основных направлениях хозяйственной деятельности в округе, для содействия достижению поставленной цели – добыть на территории всей области один миллион тонн нефти и один миллиард кубических метров газа в сутки. Это был действительно богомяковский стиль управления, однако таких результатов на всей территории так никто после этого и не достиг. И сегодня найдётся немало «скептиков», которые ставят вопросы о том, нужно ли было достигать таких результатов, поставив на карту производственной деятельности судьбы области и сотен тысяч работающих здесь людей, – ради орденов, медалей и высоких званий при достижении самых высоких показателей добычи нефти и газа за сутки.

«В России победителей не судят... Первый секретарь обкома партии выполнял всё, что ему поручалось, на самом высоком уровне¹⁶⁰», – высказал своё мнение при встрече с автором Г.В. Черкашин.

Именно в этот период на различных участках партийной и хозяйственной деятельности работали деятели, впоследствии определившие положение автономных округов как субъектов Российской Федерации.

Всё это потребовало определённых затрат сил и энергии, тщательного подбора кадров, чтобы успешно выполнять установленные партией и правительством параметры развития такого громадного и богатого региона. Однако Г.П. Богомяков из-за специфики собственных убеждений оставил частично без контроля другие формы партийной работы, что отрицательно сказалось на

¹⁶⁰ Записано по воспоминаниям Г.В. Черкашина, работавшего при Г.П. Богомякове заведующим Домом политического просвещения, г. Ханты-Мансийск, 25.10.2009 г.

последующей политической и партийной карьере его самого: он просмотрел наперёд намерения своих противников и был уверен в том, что опыт и результаты его работы дадут ему дополнительный козырь в продвижении. В критический период развития страны – в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году – под контролем М.С. Горбачёва ЦК КПСС принял решение, что партия больше не будет заниматься хозяйственными делами. Это дезорганизовало и внесло хаос в хозяйственную жизнь и страны, и региона, а также сделало бессмысленным применение Г.П. Богомяковым сложившегося стиля партийного руководства. В области и автономных округах возникла тенденция к усилению хаоса в хозяйственной деятельности, которая давно привыкла к жёсткой системе контроля и распределения. На уровне страны стало невозможным применение китайского метода строительства социализма, давшего невиданные темпы экономического развития страны. Любой трезво мыслящий политик об этом должен был знать. В стране начался массовый отток руководящих кадров из партийных структур, наблюдалась апатия к партийной жизни в целом.

Г.П. Богомяков реже стал планировать встречи аппарата обкома партии с идеологическим активом, а сам вообще не принимал участие в их проведении, всё чаще перепоручая этот участок работы своим бывшим секретарям по идеологическим вопросам. Однако всё, что могло дать экономический эффект в работе, было взято под дополнительный неофициальный контроль после принятия решения по руководству экономикой.

«До этих дней все проблемы разрешались с трудом через убеждение и личный пример, но решения принимались сравнительно быстро и эффективно, а кто их сейчас принимать будет? – Воспроизводил суть ситуации тех

лет бывший руководитель области при встрече с писателем. – Взять хотя бы проблемы с открытием индустриального института. В Министерстве среднего и высшего образования были категорически против открытия этого института, однако после заседания правительства А.К. Протозанов сумел добиться того, что под разрешительными документами была поставлена подпись Д.Ф. Устинова (1908-1984), который в это время был одним из заместителей Н.С. Хрущёва. Когда он с этими документами пришёл в Министерство высшего и среднего образования, то там даже его давнишние друзья восприняли подписанный документ что называется в штыки. А.К. Протозанов и здесь нашёл выход: «А вы знаете, Н.С. Хрущёв на заседании Президиума ЦК сказал, что раз в области активно начали добывать нефть, пусть и готовят там свои кадры». После таких слов всем осталось только выполнять поступивший приказ. Это была самая настоящая заслуженная и далеко идущая победа для Тюменской области...»

«Какой же ты дипломат!», – воскликнул позднее Г.П. Богомяков, глядя в глаза Протозанову.

Для вескости своих аргументов по открытию индустриального института в областном центре в Москве была даже проведена фотовыставка, в которой рассказывалось о начале освоения нефтяных и газовых месторождений Севера и о начале строительства индустриального института. Правда, на снимках в первом варианте были запечатлены стены строящейся средней школы, но это всё равно возымело определённый эффект на присутствовавшую элиту. Индустриальный институт успешно заработал, став кузницей кадров на многие десятилетия. Строительный и медицинский институты увеличили набор студентов в городе Тюмени. В педагогическом институ-

те областного центра успешно стали готовить учителей истории высшего звена, появились первые доктора исторических наук, например, Павел Иванович Рощевский и Юрий Александрович Васильев. В последующее время количество докторов наук постепенно возрастало. Это позволило в тысяча девятьсот семьдесят третьем году после приглашения дополнительно научных кадров на базе педагогического института открыть университет.

Изменения в жизни всей области были видны повсюду – и в городах, и в сельской глубинке. Область обрела второе дыхание в своём развитии, которым необходимо было грамотно руководить, а самое главное – во всех ситуациях не сбавлять набранных оборотов.

На очередном заседании идеологического актива области многое говорилось и объяснялось слушателям с позиций международного положения страны и мирового социалистического содружества. По вопросам военно-патриотического воспитания слово взял военком области. В спокойной обстановке он как бы между прочим сказал о том, что с начала военного конфликта в Афганистане в действующую сороковую армию ограниченного контингента войск было направлено из состава призывников более трёх тысяч человек, и лишь трое отказались идти и служить в этой горячей точке планеты. Все эти факты говорят нам о том, что вопросы военно-патриотического воспитания в образовательных учреждениях области проводились на достаточно высоком уровне...

Несколько месяцев спустя согласно заключению, сделанному комиссией учёных-обществоведов, приглашённых из состава ведущих высших учебных заведений Свердловской и Тюменской областей и проанализировавших деятельность пацифистов на территории Тюменской области, дело было передано в судебные органы для вы-

несения обвинительного акта. Все участники движения пацифистов получили от трёх до девяти лет лишения свободы с отбыванием сроков в колонии общего режима, а позднее были направлены на лесоповал в районе уральского города Нижний Тагил.

* * *

«Вот и пришло, очевидно, время мне уходить, как и всем, только на пенсию...¹⁶¹ Или ещё поработать в сельском хозяйстве? – Многозначительно спросил сам себя Г.П. Богомяков. – Поработаю, пожалуй, ещё, даст Бог, здоровье если позволит... Россия всегда выходила из всех трудностей... политических, экономических, вот только беда заключается, к сожалению, в том, что она эти трудности себе сама и придумывает... Поймёт ли это сам русский народ или для этого потребуются вновь трагическое время экономических и политических испытаний?..»

Г.П. Богомяков окончил в 1952 году Томский политехнический институт и, как это было положено в то время, объехал и исходил многие районы Дальнего Востока, Забайкалья и т.д. Защитил в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году кандидатскую диссертацию по геолого-минералогическим наукам. В двадцать семь лет стал секретарём партийной организации. Затем создаётся филиал этого института, и 1960 году он приехал в Тюмень открывать первый институт геологии в Тюменской области. В 1960-1967 гг. Геннадий Павлович – директор Тюменского филиала СНИИГТИМПС.

В своей жизни он ценил семью и по возможности отдавал ей всё свободное время. Он любил природу, уважал рыбную ловлю; после особенно напряжённых

¹⁶¹ <http://www.as-libr.ru/Persons/000/Src/0004/934911e7.shtml>

мероприятий выезжал на лоно природы. Водная гладь на озере успокаивала его, давала силы для размышлений. Был он человеком-практиком, отличался высоким уровнем аналитического ума и педантизмом. Ежедневно, когда Геннадий Павлович работал первым секретарём обкома партии, в восемь часов утра ему докладывали о том, сколько было добыто нефти и газа, каков уровень выполнения плана по сельскому хозяйству и т.д. — и всё это приходилось хранить в памяти, а память у него была идеальной.

Что касается лесоперерабатывающей промышленности, то в восьмидесятые годы область заготавливала более двадцати миллионов кубических метров древесины в год, и практически всё шло на переработку: стройкам Севера нужны были пиломатериалы, и в области об этом заботилась.

Рыбная промышленность тоже была на подъёме: добывали более трёхсот тысяч центнеров рыбы в год. О какой бы отрасли промышленности мы ни говорили, везде наблюдался рост и с этим нужно просто согласиться. Эти показатели не превзойдены до сих пор, хотя прошло более двадцати лет. Ведь именно тогда, в тысяча девятьсот семьдесят девятом году, в Казанке прошло Всероссийское совещание по развитию рыбной промышленности после известной записки о развитии рыбной промышленности в Тюменской области.

В отношениях с первыми руководителями страны Геннадий Павлович всегда выглядел знающим и эрудированным руководителем-хозяйственником с большой буквы. Ему не была свойственна усталость от тяжести занимаемой должности, не было у него и узости только производственного или партийного мышления, в жизни он всегда стремился быть в курсе самых интересных и

пользующихся спросом литературных произведений. Он действительно знал то, чего другие не знали, и читал многое, в меру возможности интересовался философией. Доклады, с которыми ему приходилось выступать, писали совместно все сотрудники обкома партии, представителей высших учебных заведений для этих целей не приглашали.

Даже сегодня по истечении стольких лет те, кому удалось с ним поработать, отзываются о нём: «Это «глыба» – по ёмкости памяти и производственным знаниям. Очень жаль, что остался не у дел в пятьдесят девять лет. Он ещё мог поработать, да ещё как, если бы не эти происки. События развивались чисто по-русски: «Бей своих, чтобы чужие боялись».

После знаменитого приземления легкомоторного самолёта на Красной площади могло произойти что угодно: ведь санкцию на уничтожение нарушителя должен был дать президент М.С. Горбачёв, но этого не произошло, зато полетели командирские головы и армия была унижена, как во времена Н.С. Хрущёва.

Свою производственную воспитанность прошлого столетия, ясность ума и прекрасную память показал Геннадий Павлович в беседе с самим писателем в селе Исетское, стремясь отвести суть разговора в нужную для него сторону и припоминая то, что «простой смертный» вряд ли смог бы сделать в такой ситуации. Расчёт был сделан на то, что пришедший явно знает меньше, значит, всё можно обрисовать так, чтобы можно было заштриховать то, что не совсем вписывалось, по его мнению, в содержание беседы. Так что беседа получилась по-партийному не совсем откровенной, но местами довольно интересной – зато вписывалась в стиль некогда сложившейся работы для самого бывшего руководителя

области. Сложилось впечатление, что он давненько вот так просто не вёл беседу, зная о том, что её содержание будет опубликовано.

Геннадий Павлович знал всех крупных руководителей, их имена, послужной список, стиль работы, человеческие качества, на которые в те далёкие времена за общими цифровыми показателями выполнения плана мало кто обращал внимание. Считал занятие физическим трудом для себя активным отдыхом. Вся его деятельность в обкоме партии более всего напоминала хозяйственную с почти военной организацией труда. Каждый, кто входил в его круг общения, чётко знал, что никакой поблажки и поддержки он никогда не получит ни при какой ситуации – всё будет решаться только по тем позициям, которые вписывались в рамки организационных вопросов устава партии и производственных целей. Все остальное заставляло его размышлять на темы возможности существования противоположного мнения. В организации своей деятельности он как бы сумел воссоединить в себе человека, привязанного к промышленности, и человека, любящего село и сельскохозяйственный труд. Он высоко ценил руководителей, любивших свой край и привязанных к нему. Геннадий Павлович несколько раз предлагал более перспективные должности Александру Васильевичу Филипенко¹⁶², но тот отказался, мотивируя тем, что он себя ещё не реализовал в Ханты-Мансийском автономном округе, да и дети ещё не подросли.

Возглавляя отдел нефти и газа в обкоме партии, Богомяков работал с А.К. Протозановым, который занимал должность второго секретаря обкома КПСС по промышленности. Затем Г.П. Богомяков шестнадцать лет был

---

¹⁶² Записано по воспоминаниям Г.П. Богомякова, с. Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

первым секретарём Тюменского обкома КПСС. По продолжительности пребывания на этом посту его можно сравнить с пребыванием Л.И. Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС с той лишь разницей, что никакого застоя в Тюменской области не было. В своей деятельности Геннадий Павлович Богомяков не испытывал никакого давления, которое могло бы снизить производственную и партийную инициативу непосредственно на местах, что очень часто приписывают периоду, когда у партийной власти стоял Л.И. Брежнев, закрепивший за собой репутацию человека компромиссов. Геннадий Павлович был делегатом двадцать четвёртого и последующих съездов партии, а для многих людей партийные съезды ассоциировались прежде всего с грандиозными планами промышленного и сельскохозяйственного строительства, с отправкой молодёжи на возведение Байкало-Амурской магистрали, успешным выполнением пятилетних планов, встречами с политическим руководством страны.

К примеру, встречи с Л.И. Брежневым всегда носили деловой характер, так как затрагивали прежде всего вопросы снабжения страны углеводородным сырьём и строительством объектов нефтехимии, особенно в тысяча девятьсот семьдесят третьем и семьдесят четвёртом годах – в период после резкого скачка цен на нефть на мировом рынке. По времени встречи назначались очень чётко, задержки были только тогда, когда состояние здоровья Л.И. Брежнева было не совсем хорошее (обычно это было связано с приездом немецких врачей для лечения повреждённой во время войны челюсти).

Такой же чисто деловой стиль отношений сложился с Ю.В. Андроповым, но на более высоком уровне, хотя времени для деловых отношений историей было отведено предельно мало. Геннадий Павлович интуитивно

чувствовал, что есть какая-то причина того, что Брежнев поддерживал Андропов, что-то Леонид Ильич знал о его прошлом – то, чего он не хотел разглашать. Хотя в Юрии Владимировиче всегда привлекала внутренняя культура и интеллигентность, широта кругозора, требовательность к себе и окружающим, знание всей обстановки в стране.

С М.С. Горбачёвым, по воспоминаниям самого Г.П. Богомякова, отношения были такими же при встречах, как и со всеми первыми секретарями областей и краёв. Они были знакомы ещё с периода его работы первым секретарём на Ставрополье. Единственное, что могло смущать Г.П. Богомякова, так это то, что эта территория всегда была любимым местом санаторного отдыха партийной и государственной элиты. Найти общий язык с представителями всех ветвей власти как в ЦК партии, так и в правительстве М.С. Горбачёву при желании было не так уж и трудно, что впоследствии, очевидно, и привело, по мнению Фармана Салманова, к его стремительному продвижению по служебной лестнице, чему могли позавидовать многие стремившиеся к росту политики¹⁶³.

Тюменская область в те исторические десятилетия была кузницей кадров, здесь как бы перемалывался весь застоявшийся на время стиль любого руководителя, и то, что было нормой на «большой земле», здесь становилось абсолютно неприемлемым, более всего менялся сам человек как политик и хозяйственник. При такой шквальной насыщенной работе политики на время становились хозяйственниками, о политике вспоминали спустя многие прожитые на Севере годы.

Однако непосредственно на местах, глядя сквозь политическую призму, через определённое время всё полу-

¹⁶³ Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. – М., 2003. – С. 520.

чилось с точностью наоборот, что привело в отдалённом будущем на небольшой срок к ухудшению взаимоотношений центра области и автономных округов. Север больше не стал устраивать принцип диктата, а порой и силовой, в плане административного влияния, подход к решению многих, если не всех вопросов. Сейчас почти никого из тех, с кем приходилось работать Г.П. Богомякову на довольно высоком уровне, нет в Тюмени — все разъехались, большинство устремилось в Москву. Кто-то жалеет о своём отъезде, но таких очень мало, а в основном внешне довольны своей новой столичной жизнью уже на пенсии, а в Тюмень всё равно тянет.

Даже уйдя на пенсию, он большее время проводил в своём доме в селе Исетское на юге Тюменской области. Разводил для себя сорта скороспелого картофеля, привезённого из разных стран с различными климатическими условиями. Очень любил и любит предоставлять возможность своей супруге Елене Дмитриевне высаживать цветы — белые и многоцветные, сочетающие всю красоту природного ландшафта окружающего мира.

Никакая работа после ухода с занимаемой должности по объёму занимаемой памяти и мыслительной деятельности не шла ни в какое сравнение с той, что была у него в столь критический «золотой век» периода развития области и в целом страны по добыче углеводородного сырья.

«Ведь мы же ночевали на стройках, когда строили газопровод на Урал. Каждый день я пролетал, — вспоминал Геннадий Павлович, — на Ми-2 от восьмисот до тысячи километров... Знали всё: где трубы вовремя не подвезли, где другие проблемы возникали, и всё-таки пустили этот газопровод на год раньше срока. Поставки природного газа всколыхнули тогда весь промыш-

ленный Урал и дали новый стимул для развития. То же самое было при строительстве первых нефтепроводов Тюмень – Шаим и Усть-Балык – Омск. В первый год строительства нефтепровода Усть-Балык – Омск необходимо было довести трубу до Демьянска, чтобы максимально сократить расстояние доставки нефти до Омска по воде, и эту задачу строители выполнили к очередной годовщине со дня рождения В.И. Ленина. Для доставки труб большого диаметра впервые в стране стала применяться военная авиация...».

По прошествии почти двадцати лет с момента вынужденного ухода на пенсию Геннадий Павлович в беседе с автором книги активно высказывал своё мнение и о прошлом, и о настоящем. Довольно веско, с ещё не потерянным навыком аналитического подхода к современным событиям, говорил: «Мы всегда считаем себя во всем правыми – нет, я думаю, что нас время не учит ничему, и болтунов политических как всегда не убавляется, а временами их становится намного больше. Не очень-то мне нравится и Геннадий Зюганов, как руководитель коммунистической партии РФ, ведь умных и опытных людей вокруг него было предостаточно, вот только куда они делись после этой болтовни. Работать всем надо больше, аналитически мыслить, а не болтать на темы, не касающиеся производства! Откройте ныне газету любого уровня: если там на первых полосах нет портрета руководителя, да ещё с различного рода встречами, то главного редактора вскоре не будет на месте. А сможете ли вы узнать о том, что делается на производстве? Вряд ли, а ведь в недалёком прошлом всё это было. Вот вы сами работали в Армизонском районе руководителем, и, судя по задаваемым мне вопросам, владели ситуацией. Вот в чём одно из главных, с моей точки зрения, предназначений

периодической прессы — она обязана мобилизовывать людей на творческий труд.

Примеров здесь привести можно из истории области множество. Возьмём хотя бы 1975 год: кто-то в правительстве убедил всех совершить путешествие на нефтяные месторождения Ухты и довести добычу нефти сначала до двадцати пяти миллионов тонн, а в последующем и до ста миллионов. Вот и вылетели всей командой вместе с Алексеем Николаевичем Косыгиным и с Борисом Евдокимовичем Щербиной, ну и мне как руководителю области пришлось быть вместе с ними. После Ухты планировали побывать на севере Тюменской области. А.Н. Косыгина всегда интересовали компрессорные станции, тем более что они всегда вводились с большим запозданием, а он, не скрывая от всех, представлял их не такими большими, какие они есть на самом деле, и говорил об этом постоянно и даже начал требовать, чтобы по возможности посадили самолёт вблизи какой-нибудь компрессорной станции. Чтобы решить такую проблему, я отпросился у руководителя рабочей группы и вылетел на сутки раньше в Надым. Вечером по прямой связи мне позвонил Борис Евдокимович и попросил помочь решить проблему: их устроили на ночлег в воинской казарме, да ещё с не совсем свежими спальными принадлежностями. Тогда я, — продолжил рассказ Геннадий Павлович, — вызвал начальника управления гражданской авиации по Тюменской области и спросил у него, сколько времени потребуется, чтобы перевести рабочую группу в Надым. Тот связался с лётным отрядом и ему ответили, что полётное время составляет всего один час и пять минут. Вот так вся бригада через час вылетела в Надым. Я специально попросил летчиков дать круг над месторождением Медвежьим, чтобы присутствующие увидели, что

делается внизу. Все пассажиры просто прильнули к иллюминаторам: там внизу было светло, трактора тянули трубы, машины доставляли оборудование, бульдозеры иностранного производства взламывали вечную мерзлоту своими огромными ножами и толкали взрытый грунт... Да уж... такое я мог видеть только в годы войны, когда эвакуированные заводы строили на новых местах на Урале — какой энтузиазм и какие сроки строительства! Ведь за год до этого здесь ничего не было!».

«Глядя на эту стройку, можно с уверенностью сказать, что вся Тюменская область превратилась в громадную строительную площадку, — произнёс Алексей Николаевич Косыгин.¹⁶⁴ — До революции царская Россия имела золотой запас самый большой в мире, более двухсот тонн которого утонуло в годы Гражданской войны в Байкале. Нам бы его сейчас — всё строилось бы намного быстрее и масштабнее, с применением импортной техники, ведь мы её сейчас покупаем за золото. Теперь приходится бороться с военными и сокращать космические программы — слишком уж обременительны они для страны...», — продолжил он свои размышления.

Самолёт Як-40 приземлился возле компрессорной станции, где Алексею Николаевичу показали весь цикл её работы. Оценивая увиденное на газоперекачивающей станции, Косыгин восторженно воскликнул на партийном и хозяйственном активе: «Это же целый завод с высоким уровнем автоматизации!..».

После этого приземлились в Надыме, — продолжил Богомяков, — и нас сразу пригласили в столовую — в деревянное здание, оставшееся ещё со времен 501-й стройки, построенное заключёнными. После ужина

---

¹⁶⁴ Записано по воспоминаниям Г.П. Богомякова, село Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

А.Н. Косыгин, будучи человеком прагматическим, умным, которому завидовали многие, однако он редко улыбался, вёл себя дружелюбно со всеми, с кем его сталкивала производственная деятельность, — тихо попросил отвести его в любой продовольственный магазин, чтобы лично увидеть жизнь простых жителей этого холодного и кажется не очень приветливого края, что и было исполнено. Каково его было удивление, когда он, зайдя в магазин, не увидел очередей и спросил: «И это у вас всегда?».

«Да», — ответила продавщица.

«Алексей Николаевич, если бы это было не так, то сейчас у нас была бы длинная-предлинная очередь, но её ведь нет».

Председатель Совета министров А.Н. Косыгин, удовлетворённый состоянием дел, в сопровождении Г.П. Богомякова и других лиц вышел из магазина и, подойдя к многоэтажному зданию, спросил у жильцов: «Как у вас с теплом?». Стоявшая рядом женщина, не растерявшись, сразу обратила внимание на раскрытые во всех окнах форточки — это означало, что в каждой квартире было даже слишком тепло.

Пройдя половину пути вместе с небольшой группой охраны, которую было практически не заметно, до места встречи со всей рабочей группой, Алексей Николаевич подумал о том, что в Ухте всё было наоборот в социальной сфере, и, идя на очередную встречу с населением, он даже опасался вновь встретиться с такой же ситуацией.

«Хорошо, что этого не произошло, осталось время подумать о другом, кажется, о самом главном: принесёт ли всё, что делается здесь, на Севере, процветание для страны? Ведь чем больше добываем нефти, тем больше покупаем продовольствия за границей, и маховик этот

никак сейчас не остановить¹⁶⁵. И так все заседания правительства начинаем с того, что знакомимся с показателями добычи нефти и газа. Хотя народ доволен, но всегда ли довольны мы, сами управленцы, – вопрос очень интересный. По индустриализации страны с момента первых пятилеток сделали многое, а что получил народ, и стала ли богатой наша страна? Быть могучей и непобедимой и быть богатой – вещи кардинально противоположные... У нас в России были самые богатые чернозёмы, однако стали ли мы от этого богатыми, – продолжал размышлять Косыгин. – Получается чёртово колесо: за что бы русский народ ни взялся в хозяйственной жизни, он богаче от этого, даже великого дела, жить не смог. Нам не помогли ни Колыма, ни Магадан, ни рабский труд политзаключённых на лесозаготовках и добыче полезных ископаемых. И это, очевидно, будет до тех пор, пока у нас не будет самовосстанавливающейся промышленности и сельского хозяйства на таких же условиях развития. Как же разорвать этот порочный круг для страны и народа? Какие реформы надо ещё провести, чтобы промышленность развивалась по своим, не зависящим от нас, законам самовозобновления?.. И первым шагом для этого должно быть то, что необходимо свести на нет чрезмерную централизацию хозяйственной деятельности предприятий, однако сделать это в рамках действующей системы невозможно! – Перед его глазами всплывали результаты кооперативной деятельности в период НЭПа и его кооперативная деятельность в Сибири и северной части нынешнего Казахстана. – Народ трудился во все времена творчески, порой на пределе сил, и это длится уже не одно десятилетие, преодолевая все трудности – бытовые, продовольственные.

¹⁶⁵ Народное хозяйство СССР в 1922-1972 гг. – С. 372.

Это хорошо, что благодаря таким руководителям региона все сыты и нет очередей в торговых точках, важно сейчас сохранить у народа надежду на лучшее будущее... По средней продолжительности жизни людей к этому времени страна достигла 70,4 лет – это был самый высокий результат за всю историю существования СССР и Российской империи, и вклад Севера в этот процесс – за счёт валютных поступлений от продажи углеводородного сырья – был значителен¹⁶⁶.

Ведь я же помню, что было с областью всего-то пятнадцать лет тому назад. Можно было представить себе, рассматривая потоки заключённых, что это была вторая Колыма, только невольных работников было около ста пятидесяти тысяч человек. Каждый год на пополнение погибших заключённых на эти севера отправляли по железной дороге, реками и морем более двадцати пяти тысяч человек...

Я сдержал данное самому себе слово, что в случае открытия большой промышленной нефти, сделаю всё, чтобы область сделать комсомольско-молодёжной стройкой. Десятки крупных студенческих отрядов ежегодно работают здесь, на этой гигантской, не имеющей равных по капиталовложениям стройке мира. Похоже, эта молодёжь вникает сейчас во все возникающие проблемы достаточно быстро и оперативно. Да и область в целом при умелом руководстве не раз доказывала свою состоятельность... Здесь, в Западной Сибири, по объёмам капиталовложений каждые полгода словно бы строилось по Волжскому автозаводу, за год возводился КамАЗ, каждые два года прокладывался БАМ¹⁶⁷. Какое перена-

¹⁶⁶ См. Мерль. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 112.

¹⁶⁷ Быковский В.А. Край земли. Сгоревшие факелы. – М.: Луч, 2005. – Т. 2. – С. 159.

пряжение сил нужно, чтобы все эти планы выполнить и постараться сделать это досрочно, как требовали партия и правительство?! Правительство осталось в большом и неоплаченном долгу перед Западно-Сибирским нефтегазовым комплексом: так и не была разработана и реализована долгосрочная комплексная программа развития народно-хозяйственного комплекса Западной Сибири и вместе с ней не была спланирована и её социальная составляющая. Вопрос о строительстве предприятий нефтехимии был неоправданно затянут до 1974 года, что неизбежно сказалось и скажется в будущем на развитии инфраструктуры строящихся городов и посёлков городского типа.

А ведь было время, когда Тюменская область ещё только формировалась и всякие разговоры можно было услышать по этому поводу: одни твердили, что создание области выгодно тем, кто стремится превратить этот край во вторую Колыму и хотел бы иметь начальство как можно ближе, чтобы ставить его в известность о результатах своей деятельности только тогда, когда они посчитают возможным, и это не будет занимать много времени, да побыстрее отправлять в северные ИТЛ как можно больше заключённых — тогда их должности будут обеспечены всем и с большим запасом; другие предпочтение стремились отдать бывшей заслуженной столице Сибири — старинному Тобольску как областному центру и считали, что он намного ближе к северным просторам, а это значит, что Север не будет со временем казаться таким далёким сейчас и в отдалённом будущем для потомков; третьим всё это было безразлично...

Это хорошо когда нам есть во всём замена, это значит, нам скоро придётся идти на заслуженный отдых, тем более что с Л.И. Брежневым у нас не совсем хорошие

отношения и с каждым годом становятся всё более натянутыми, рано или поздно он заставит меня уйти...», — размышления, перемешиваясь с воспоминаниями, роились в голове Алексея Николаевича Косыгина.

Предчувствие А.Н. Косыгина оказались не напрасными: это была его последняя поездка на нефтяные и газовые месторождения Тюменского севера. Личность Косыгина осталась в истории страны не тронутой критикой приверженцев перестройки. В своей практической деятельности он так далеко проник в сферу решения экономических проблем страны, что многие из его окружения могли об этом лишь задумываться, но не воплощать...

* * *

В небо поднялись с аэродрома два Як-40, на которых прилетела делегация, оставив в Москве правительственные Ту-134: в Ухте не было аэродрома, способного их принять. Словно принимая эстафету от небольших и некомфортабельных Як-40, на посадку не спеша заходили правительственные лайнеры — через четверть часа на накатанной снежной полосе в мороз под сорок градусов они уже стояли в ожидании своих хозяев.

После обеденного перерыва в Надыме в приспособленном уютном помещении начал работать партийный и хозяйственный актив для представителей партийных, советских и хозяйственных руководителей по проблемам развития Севера.

Алексей Николаевич Косыгин, выступая на партхозактиве, обозначил перспективы добычи нефти и газа на Тюменском севере на ближайшие десять лет: в тысяча девятьсот восьмидесятом добыча нефти должна была со-

ставить 300-310 млн. тонн, а через пять лет – 375-385 млн. тонн; добыча и транспортировка природного газа во второй половине восьмидесятых должна была даже по самым скромным подсчётам составить миллиард кубических метров в сутки... Такие перспективы развития ни в одном регионе СССР не предусматривались...

Как вспоминал сам Г.П. Богомяков, встречам с руководителями такого уровня предшествовала самая тщательная подготовка, при которой выверялась каждая цифра, поступавшая с промыслов, а самое главное – при этом никогда не забывали людей, от труда которых зависело могущество страны Советов.

Пожалуй, вряд ли в стране мог найтись в то время первый руководитель региона, который столько времени проводил бы в поле в лютую стужу, да ещё в Москве в Правительстве в кабинетах исполнительной власти обивал пороги, помогая решать важные хозяйственные проблемы.

На местах много внимания уделялось обустройству месторождений, строительству городов и посёлков городского типа для нефтяников и газовиков. Никаких препятствий со стороны центральных и местных органов власти не было – всё зависело в основном от наличия строительных материалов, которые в большинстве своём производились здесь же, на лесоперерабатывающих комбинатах области. На первых руководителей отраслей из состава Правительства СССР неизгладимое впечатление произвёл уровень снабжения населения продовольствием и состоянием дел жилищного строительства. Область к тому времени только в сельском хозяйстве давала до так называемой «перестройки» от 1 600 000 до 2 000 000 тонн хлеба.

«До революции, в 1913 году, как я уже говорил, — продолжал беседу Геннадий Павлович Богомяков, — сельские жители имели шестьсот тысяч голов только крупного скота, сегодня — менее трёхсот. Я ведь об этом говорил С.С. Собынину, бывшему тогда губернатором Тюменской области, а ныне работающему в администрации президента РФ. В 1989 году скота было девятьсот восемьдесят девять тысяч, и это при таком численном различии населения, проживавшего на этой территории, с разницей почти в сто лет. В 1989 году нефти добывали 1 млн. 100 тыс. тонн в сутки. Показатель, который вряд ли будет достигнут даже в отдалённом времени...¹⁶⁸ А чего это всё стоило: мы ведь тогда бурили два миллиона семьсот тысяч метров горных пород в год, и прирост запасов нефти давал на одну добытую две, а сегодня бурим семьсот тысяч. Мы в последние полтора десятка лет проедаем то, что было сделано с большим задёлом в восьмидесятые годы, — продолжал свой непростой и даже с горечью обиды рассказ Геннадий Павлович Богомяков. — Жаль было порой смотреть на некомпетентный подход руководителей к проблемам расселения северян на «большой земле» после их ухода пенсию или выработки северного стажа. Вот, например, поступил ответ: «Стройте здесь, ведь такая погода прекрасная стоит на Севере, у вас, очевидно, такая держится довольно часто». У Фармана Салманова, который находился в центре разговора, такой подход вызвал бурю негативных эмоций — он даже скрывать этого не мог и скорее всего не хотел, и не напрасно: он как бы предчувствовал интуитивно, что именно это «избрание президентов» на многие годы приостановит строительство Байкало-Амурской

¹⁶⁸ Записано по воспоминаниям Г.П. Богомякова, село Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

магистрали и железной дороги от Лабитнанги в сторону богатейших месторождений, из-за чего освоение новых богатейших месторождений природного газа на Севере задержится на многие годы.

По истории Великой Отечественной войны более-менее осмысленно стали писать в Советском Союзе только через двадцать пять лет после этого «события»¹⁶⁹, и этот процесс продолжается, но ведь в основном только в нашей стране, посмотрите сколько искажений публикуется на Западе. Мне представляется, – продолжал Богомяков, – что ещё не наступило время дать подробный анализ роли Севера Тюменской области в развитии всего Советского Союза, развития самого человека, его мыслительной деятельности. Ведь мы ещё только сделали первый шаг к тому, чтобы осознать необходимость освоения северных нефтяных и газовых месторождений, но не шагнули дальше в своём развитии – это шаг к рациональному использованию полученных богатств. И даже когда возможная потребность в углеводороде заметно снизится, мы всё же задумаемся, рационально ли мы использовали то богатство, которое нам было предоставлено, или нет. Ведь это же богатейшая область с уже развитой транспортной инфраструктурой. За будущее не стоит беспокоиться и тревожиться – оно всё равно наступит – его надо строить, стремиться воплощать в своих принятых решениях и действиях по выполнению намеченных планов. Мне думается, что роль города Тюмени была бы намного ниже сегодня, если бы железную дорогу в конце девятнадцатого века провели бы из Ирбита прямо на Тобольск. Все помнят Ирбитскую ярмарку с её постоянным ростом товарооборота. Вот тогда этот

¹⁶⁹ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. 65-летию Великой Победы посвящается. – М.: ОЛМА медиа групп, 2010. – С. 672.

город процветал бы, имея такие природные богатства и красивый ландшафт вокруг него.

Вместе с тем время переоценки прошлых лет на региональном уровне рано или поздно наступит, и картина будет очень противоречивой. Так же, очевидно, будет и при оценке роли политиков современности: кто из них просто много болтал, а кто делал всё для укрепления мощи нашей Родины. И даже современный кризис показывает, что всем невзгодам может противостоять только реально действующий «механизм» всего региона, когда каждый его «винтик» будет что-то очень весомое значить, а вместе их вывести из строя будет просто невозможно¹⁷⁰. Однако и здесь нужен совершенно новый подход в региональной политике, чтобы укрепить экономический потенциал такого региона, который ещё многие десятилетия будет определять многое в политическом курсе страны, давая в казну более половины валютных поступлений.

Ведь в двадцатом веке было добыто и потреблено семьдесят три триллиона кубических метров газа. США потребили двадцать семь триллионов кубических метров, СССР добыл тринадцать триллионов кубических метров газа, из которых продал более трёх триллионов. В ситуации, что само существование СССР, а ныне России связано с историей освоения углеводородного сырья, наверное, не стоит упрекать страну за то, что она «сидит на нефтяной игле», ведь и для добычи сырья требуются всё более сложные технологии, которыми должна овладевать наша страна...».

Г.П. Богомяков, вспоминая прожитые годы, в беседе с писателем упомянул, что нынешний губернатор Тюменской области бегал когда-то со своими друзьями-

---

¹⁷⁰ Записано по воспоминаниям Г.П. Богомякова, село Исетское Тюменской области, 25.08.2009 г.

мальчишками в Надыме, когда там происходила встреча с А.Н. Косыгиным.

«И не ему ли лучше всего представлять и понимать те процессы, которые происходят да и, очевидно, будут происходить в стремительно развивающемся северном регионе. Ведь рост экономического влияния Севера на окружающий нас мир будет продолжаться. Именно от позиции Севера во многом зависит и будет зависеть процветание всей России на многие десятилетия вперёд, ведь её судьба теперь уже неотрывно связана с нефтяной иглой, на которую её посадили по своему неразумению.

Народную дипломатию надо активнее применять в системе руководства всего региона, жизнь всегда требует подобного уважительного подхода, ведь здесь надо быть таким же деликатным человеком, видящим далеко наперёд, каким был в своё ещё более трудное время А.К. Протозанов, вот так и хочется сказать: «Да, были люди в наше время...».

* * *

Это действительно было время и, кажется, не совсем далёкое для тех, кто прожил здесь не одно десятилетие, когда на авансцену хозяйственной и политической жизни области почти одновременно вышла целая плеяда талантливейших руководителей со своими судьбами и проблемами, но было в них что-то общее, что их объединяло. Вполне очевидно, это объединяющее идейное начало и обеспечило всей области прорыв в производственных показателях, что привело к перестановке многих акцентов в мировой политике.

Уже позднее на вопрос писателя бывшему секретарю по идеологическим вопросам Тобольского района, а впоследствии заведующему Домом политического про-

свещения обкома партии Г.В. Черкашину: «Что было общего в делах и во взглядах второго секретаря обкома партии А.К. Протозанова и Г.П. Богомякова?» – последовал чёткий ответ: «Все они были прежде всего хорошими хозяйственниками. Б.Е. Щербина был политиком с большой буквы¹⁷¹, в этом и наблюдалось различие стилей партийного руководства областью, в которой постоянно крепла позиция автономных округов».

В.В. Китаев, яркий представитель Ханты-Мансийского автономного округа – кадровый нефтяник, проработавший десятки лет на Севере, – был избран первым секретарём обкома партии и работал сразу после смещения Г.П. Богомякова, но пробыл на занимаемой должности недолго и вскоре был отозван на повышение по должности в Москву, а вместо него был избран Чертищев, ранее работавший вторым секретарём в республиканских партийных органах Узбекистана. Однако в девяносто первом году сразу же после путча в Москве КПСС была распущена...

* * *

Вокруг крепкого сельского дома со всеми удобствами стояли золотом одетые берёзы – бессменные осенние невесты сельской жизни. От осенней чистоты воздуха и красоты окружающего мира даже не хотелось заходить в этот хлебосольный дом, и беседа затянулась на беседке у русской баньки, где в открытую дверь были видны с любовью заготовленные берёзовые венички с лечебной травой...

Открылась дверь во двор со стороны улицы и вошла Валентина Емельяновна Плотникова – невысокого роста

---

¹⁷¹ Записано по воспоминаниям Г.В. Черкашина, работавшего при Г.П. Богомякове заведующим Домом политического просвещения. – г. Ханты-Мансийск, 25.10.2009 г.

женщина, однокурсница писателя – именно она должна была пригласить его уже на другую встречу...

В небе над Исетским высоко в осенней синеве, выстроившись большим клином, пролетали с курлыканием серые журавли, словно неся вести с далёкой ямальской тундры, которая, возможно, не одно столетие ещё будет обогревать необъятные и нетёплые российские просторы. Крики эти будоражили воображение и давали повод к размышлению.

«Как бы мы ни относились к личности М.С. Горбачёва сегодня, вся завершающаяся история XX века нашей страны как бы разделена на два периода: до Горбачёва и после него», – размышлял, сидя за столом рядом со своим гостем из Ханты-Мансийска, Геннадий Павлович Богомяков.

Он вполне очевидно жалел о том, что из-за негативной позиции Верховного Совета СССР по утверждению его министром газовой и нефтяной промышленности СССР не пришлось уехать в Москву и работать в объединённом Министерстве нефтяной и газовой промышленности. Система начала заниматься самопоеданием своих, взращённых этой системой и преданных ей, кадров. И руководство Тюменской области не было исключением. Это была самая крупная показательная порка по партийной линии в лице Геннадия Павловича и областной партийной организации – во всём бывшем СССР аналогов этому не было. Начиная с конца сороковых годов прошлого века в стране не было таких репрессий политического масштаба, которые были в тридцатых и сороковых годах, – их сменили партийные интриги и постепенная отправка неугодных партийных лидеров на работу в дипломатический корпус или отправка поскорее на пенсию. Из самой системы привилегированного положения личности всё-таки не выводили, но понижали в должности –

в назидание другим. Правда, в отличие от того времени не было смертных приговоров, но зато ставилась точка на производственной и политической карьере своих же членов ЦК КПСС. По результатам проведённой работы Г.П. Богомяков был выведен из состава ЦК КПСС – «в связи с уходом на пенсию».

Вскоре поздней ночью ему приснился сон: прилетел молодой ворон и «каркнул» ему, что многое при снятии его с занимаемой должности зависело от позиции молодых перспективных сотрудников бывшего партийного аппарата, которые в своё время работали с ним, но не поддержали его...

«Нет, такого не может быть, ведь я так много сделал для них!», – вскрикнул он и проснулся...

Он, конечно, понимал, что в его профессиональной деятельности бывало всякое. Были ситуации, которые можно и сейчас расценить по-иному. Так, в апреле 1991 года по вердикту одного из его выдвиженцев на пост секретаря обкома партии на центральной площади одного из областных центров в торжественной обстановке был поставлен памятник В.И. Ленину. Он стал последним памятником основателю советского государства в СССР...

«Какой же он консерватор, не думал я, что он таким будет, ведь он принимал участие в открытии нефтяных месторождений в Западной Сибири. Так кого же на пенсию надо было отправить быстрее? Меня?..», – закрались сомнения в душу Геннадия Павловича.

Через четыре месяца у парадного входа Высшей партийной школы города Москвы стояла мощная подъёмная техника: закинув металлическую петлю на шею, снимали бронзовый памятник В.И. Ленину – в присутствии иностранцев...¹⁷²

¹⁷² Записано по воспоминаниям бывшего смотрителя здания Высшей партийной школы, г. Москва, 27.06.2010 г.

* * *

Вот так «ушли» руководителя-хозяйственника, который сделал всё возможное и невозможное для развития крупнейшей в стране области по добыче углеводородного сырья, на многие годы ставшего основным источником валютных поступлений СССР. Север Тюменской области ценою перенапряжения своих сил кормил страну и её правителей, но в новых условиях лидер региона оказался не у дел и вынужден был уйти на пенсию в самом расцвете своих творческих сил.

Общество, не видевшее своего будущего, расправилось со своими же служивыми людьми и в итоге рухнуло, не продержавшись и трёх лет. В тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году была внесена поправка в организацию деятельности партийных организаций, которые с этого момента должны были заниматься только идеологическими вопросами, что вписывалось в общий последующий подход к партийным кадрам. При смещении Г.П. Богомякова, когда ещё действовал его стиль управления, область давала стране около трёхсот миллионов тонн нефти в год и вышла на рубеж добычи нефти один миллион сто тысяч тонн в сутки. Такого уровня добычи Север после этого не знал: в тысяча девятьсот девяносто пятом году, опираясь на чрезмерное напряжение сил нефтяников Ханты-Мансийского автономного округа, который к этому времени стал полноправным субъектом Российской Федерации, область смогла выдать всего сто семьдесят миллионов тонн нефти. Сказалась смена форм собственности, роспуск крупнейшего в мире главка и смена лидера области, смена системы отношений с автономными округами.

При смещении руководителей такого уровня причину обычно ищут не в результатах работы области, а в на-

личии в бывшем ближайшем окружении молодых людей, стремящихся к карьерному росту, облачённых по желанию вышестоящих руководителей ореолом несбывшейся «талантливости», не получивших конкретных результатов в своей деятельности и постоянно кого-то в этом обвиняющих... Таких людей на пути Геннадия Павловича было немало на всех уровнях власти, а они в своё время имели покровителей. Да и сам Богомяков из-за своей самоуверенности проиграл выборы и впервые с начала перестройки не получил мандат депутата областного совета. С этого момента всё пошло наперекосяк на политическом уровне – ведь первый секретарь обкома КПСС должен быть (по постановлениям ЦК КПСС) депутатом областного совета народных депутатов. Как здесь не вспомнить, что говорили по этому случаю на Руси: «Беда одна в дом не приходит».

Кто же в результате выиграл? Скорее всего, никто. М.С. Горбачёв как Генеральный секретарь ЦК КПСС, начавший перестройку с применяемыми «показательными порками» не совсем послушных региональных партийных лидеров и партийных организаций, вскоре сам ушёл с политической арены страны, а его имя на долгие годы стало синонимом развала СССР. Седьмого ноября тысяча девятьсот девяностого года Михаил Сергеевич Горбачёв последний раз в должности Генерального секретаря ЦК КПСС поднялся на ступени мавзолея В.И. Ленина и произнёс речь: «Наша перестройка с огромной симпатией встречена за рубежом... Сегодня у нас реальный шанс – через вторую великую революцию преобразовать своё общество. В идеале это и было целью В.И. Ленина...».

Посол США с каждым днём всё больше убеждался в том, что Горбачёв не знает, куда направляется: «Он привёл в действие политические силы, не представляя себе,

какой должен быть финал». Через год США отказали нашей стране в экономической помощи, которая могла бы остановить дезинтегрирующую волну тысяча девятьсот девяносто первого года.¹⁷³

Однако, обращая взгляд на значительное понижение добычи нефти в девяностые годы прошлого столетия, можно с полной уверенностью сказать, что за многие не совсем продуманные передвижения в системе отраслевого управления расплачивалась страна и народ, уровень жизни которого настолько снизился, что до показателей тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года теперь придётся двигаться ещё много лет. Именно это в идеале по всем показателям вряд ли подходило к таким преобразованиям общества и целям В.И. Ленина, кто и как к этой исторической личности не относился бы.

В очередной раз в стране провозглашалось то, что более всего походило на историческую подставу: ведь никто никому не поручал от имени народа так осуществлять «перестройку»... Зато на референдуме, прошедшем семнадцатого марта тысяча девятьсот девяносто первого года, жители страны явным большинством голосов высказались за сохранение СССР, но сохранить его таким образом не смогли... Глас народный остался криком вопиющего в пустыне...

По нынешним меркам экономического развития государства развитие наиболее успешно идёт в том случае, если численность населения страны превышает двести миллионов человек. Население Российской Федерации по результатам последней переписи составляет порядка сорока двух миллионов человек...

Судьба Геннадия Павловича Богомякова была несколько схожа и в то же время диаметрально противоположна

¹⁷³ Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. – М., 2003.

с жизненными перипетиями бывшего председателя Совета министров СССР Николая Ивановича Рыжкова, который не дал в своё время согласие на выдвижение своей кандидатуры на высший государственный пост в стране, опасаясь раскола в партии, о чём сейчас очень жалеет.

Трудно сказать, по какой причине Г.П. Богомякову не предоставили возможность возглавить объединённое Министерство нефтяной и газовой промышленности — даже с учётом положительного подхода к этому вопросу Н.И. Рыжкова. Однако в 1990-е годы от этого решения не стало лучше ни стране, ни Министерству нефтяной и газовой промышленности, показатели которого за десятилетие резко покатались вниз — к уровню конца семидесятых годов, — и к середине девяностых годов в Ханты-Мансийском автономном округе добывали лишь сто семьдесят миллионов тонн нефти (в 1990-м — триста миллионов). Позднее, при встрече с полномочным представителем президента РФ по Уральскому федеральному округу, Г.П. Богомякову показалось, что его знание проблем Тюменской области особого интереса не вызвало: «Время бесследно ушло, — подумал он, — и унесло в прошлое многое из решения сложных проблем Севера...».

Н.И. Рыжков, как и Г.П. Богомяков, уважал стабильность и определённость в движении общества, однако это спокойствие исчезло: общество встало на путь разрушения всего, что было создано трудом предыдущих поколений. Богомяков этого перенести не смог и удалился в далёкое село Исетское, которое было, как и большинство подобных провинциальных поселений, носителем стабильности и вечного труда сельского жителя...

Сидя перед телевизором и наблюдая за событиями в стране и в мире, он вспоминал о роли генерала Александра Лебеда в улаживании конфликта в Приднестровье.

При въезде на территорию одного из промышленных предприятий г. Бендеры был вывешен плакат, восхваляющий горбачёвскую перестройку. Взбешённый генерал вышел из машины и приказал снять все лозунги, содержащие призывы к проведению перестройки: «Снять немедленно и доложить мне! Да здесь каждое слово написано кровью!..»¹⁷⁴.

«Вот и оценка всего того, что было в начале девяностых годов. Это результат не всегда продуманной политики перестройки в великой некогда стране», – подумал Геннадий Павлович Богомяков.

В отличие от него Николай Иванович Рыжков оставил за собой право быть в большой политике, а Геннадия Павловичу сделать этого не удалось, да он и не захотел по стечению обстоятельств.

«Ведь нужно было начинать и проводить перестройку в стране, спросив при этом мнение народа, а этого не сделали. Её можно было провести в спокойной продуманной обстановке, применяя опыт других стран, в двух областях – в экономике и политической области...», – высказал собственное мнение Николай Иванович Рыжков в интервью программе «Вести» 27 сентября 2009 года накануне своего восьмидесятилетия¹⁷⁵.

Н.И. Рыжков действительно пользовался довольно широкой поддержкой населения в стране, в том числе и в Ханты-Мансийском автономном округе. Так, к приезду председателя Совета министров СССР в Нижневартовск в двадцатых числах мая тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года руководство города, накопив для этого все возможные ресурсы, приказало снести так называ-

---

¹⁷⁴ В кровавых событиях межнациональных конфликтов после развала СССР как итога перестройки погибло на бывшей его территории более 600 тысяч человек.

¹⁷⁵ Телевизионная программа «Вести». – Телеканал «Россия», 27.09.2009 г.

емый район «Шанхай», название которого ассоциировалось со старым восприятием развития Китая: квартал балков и всевозможных хижин-«временок» находился в северо-восточной части города, там жили тысячи людей, от труда которых зависела судьба и благополучие страны, в центре был установлен стяг с огромным красным полотнищем, которое трепетало от порывов ветра. Два мощных бульдозера «Катерпиллер» крушили то, что когда-то называлось временным жильём¹⁷⁶, ставшим постоянным; остановился даже общественный транспорт; тысячи людей стояли на обочине и наблюдали за этим мероприятием, вполне возможно организованным отделом пропаганды и агитации горкома КПСС. Все ждали от приезда видного политика и начальника неординарных, но верных решений, но никак не его отставки, которая последовала вскоре после расхождений во взглядах с М.С. Горбачёвым на суть происходящих событий в момент начавшейся перестройки по стратегическим вопросам проведения реформы в стране.

С его фамилией на посту председателя Совета министров СССР всегда связывалась стабильность в экономическом развитии страны...

* * *

Через пятьдесят лет с момента, когда на Шаимской площади скважина дала приток нефти всего-то в одну тонну в сутки, и более сорока лет с того момента, когда ударил фонтан нефти на буровой Р-6, можно сказать, что молодое поколение геологов плохо знает тех, чьи-

¹⁷⁶ См. Мазуров Б.Ф. Общество, образование и политические режимы в истории современной России // Гуманитарные науки Югории: сборник научных трудов. – Вып. 3. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2004. – С. 9.

ми именами сегодня называют месторождения. Вклад в решение этой проблемы должен внести спецкурс «История нефтяной и газовой промышленности страны» в Нефтегазовом институте¹⁷⁷. К сожалению не каждый студент ТюмГНГУ знает, почему Юрию Эрвье установили памятник. Для того чтобы сохранить память о первооткрывателях тюменских недр, необходимо издать книгу по истории тюменской геологии, и документальный фильм, который в последующем можно будет направить не только в вузы, но и в школы – такое решение вынесли участники организованного в Тюмени круглого стола, посвящённого столетию со дня рождения Юрия Георгиевича Эрвье¹⁷⁸.

В своей жизни Ю.Г. Эрвье всегда считал своей второй родиной Тюменский север, именно поэтому и оставил завещание – после смерти похоронить его в Тюмени, что и было выполнено. Он помнил о том, что для него значила Тюмень именно как вторая родина... Но не стала ли забывать эта родина своего героя, легендарного строителя новой жизни?..

Ю.Г. Эрвье сочетал в себе качества по-настоящему талантливого человека, организатора, крупного учёного и даже литератора. По своим заслугам перед народом и страной он стоит в одном ряду с академиками Курчатовым и Королёвым в оценке результатов практической деятельности, перевернувших окружающий мир не только на уровне региона и страны, но и на углеводородном топливном рынке во всём мире...

---

¹⁷⁷ Колева Г.Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазоносного комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири: Автореф. ... д.и.н. – Томск, 2007. – С. 24.

¹⁷⁸ <http://old.tsogu.ru/Newsitems/University/Headline/> (Headline. 2009.-04-04-16.56 51)

Эпилог

*Север является фасадом-лицом
общественного здания всей России,
дыханием экономики, жизни в политическом
настоящем и в далёком будущем её...*

Б. Мазуров

Летом тысяча девятьсот семьдесят пятого года седой мужчина, в своё время сумевший в ИТЛ под Салехардом по тонкому льду перегнать паровоз на противоположный берег Оби, собрал все документы на лечение в санатории и вылетел в Сочи. Путёвку бесплатно выделил профсоюз: на пенсию, которую ему назначили в размере ста двадцати рублей за отработанный большой трудовой стаж, как говорили пенсионеры того времени, «жить можно было...». Билет на авиарейс от Тюмени до Адлера стоил пятьдесят два рубля в одну сторону.

Его дети давно выросли и имели свои семьи и детей... Никто никогда не расспрашивал о жизни деда в исправительно-трудовом лагере возле Салехарда — это было «не модно» да и не интересно молодым. Настало совершенно иное время. Внешне мягкий режим при Брежневеве создал минимальные нормальные условия для жизни тех, кто не покладая рук трудился на производстве.

«Да я за все свои прожитые годы таких условий жизни для себя не видел», — сам себе сказал он, реже вспоминая прошлое, напомилавшее о себе только болями в застуженных суставах да ноющим сердцем, несущим в себе память тех жестоких лет.

Самолет Ан-24, ревя моторами, совершил посадку в адлерском аэропорту. Мужчина сел в такси и уже в Сочи подъехал к санаторию имени Двадцати шести бакинских комиссаров. В фойе, где он устраивался в комнату на проживание, сидела женщина выше средних лет в окружении любопытствующих мужчин. Она кокетничала, обмахиваясь веером, невесть каким образом привезённым из Италии, очевидно, ещё в дореволюционное время.

«Мне хоть и далеко за семьдесят, но мне почему-то все дают шестьдесят девять...», — улыбалась она.

«Что-то в ней и её поведении говорило о том, что она в юности получила образование в пансионе благородных девиц — какая осанка, горделивая походка да и сама манера общения...», — подумал начавший заметно стареть человек. И только через десятилетия уже больному и почти не двигающемуся из-за больных ног человеку, бывшему узнику, как очередной жертве сталинской эпохи выдали «компенсацию» в размере двух рублей за каждый день отсидки в ГУЛАГе¹⁷⁹, а всего как человеку, отсидевшему в коммунистическом аду более пяти лет, — сумму в размере двух третей от средней по стране заработной платы.

* * *

Из всех, кому всё-таки удалось сбежать из сталинских лагерей, в живых осталось всего трое, в том числе и тот самый вор-рецидивист, который пинал отставшего от группы сбежавших, не давая ему заснуть на холодной тундровой земле. Работал он не всегда на производстве, больше всего вёл распутную и разгульную не по карма-

---

¹⁷⁹ Александр Штамм. Кенгир как конец сталинского ГУЛАГа // Посев. — 2004. — № 6.

нам жизнь, какими-то путями сменил фамилию и избежал преследования за старые грехи, но и новых было уже вполне достаточно, чтобы получить не меньший по длительности срок. Он собрал себе весь необходимый по справкам трудовой стаж на предприятиях и оформился тоже на пенсию в сто двадцать рублей.

Злые языки судачили про него: «Купил себе, видать, трудовой стаж на производстве, вот и гарцует сейчас. Надо бы его обратно в Магадан или на Ямал отправить, да вот не шумит он больше, ведёт относительно спокойный образ жизни».

При встрече всегда говорил: «Я этот социализм никогда не строил и строить не собираюсь, пусть его другие строят. Живу как хочу на этом свете...».

Вот только сын от любившей его в молодости женщины почти не общался с ним, так как в детстве тот его не воспитывал и не помогал материально. Взял он от отца внешне всё самое лучшее: карие глаза, чёрные волнистые волосы и улыбку, сводящую с ума даже весьма красивых женщин, любил рестораны, где в большом количестве оставлял деньги, заработанные то на Тюменском севере, то в далёком Магадане...

«И как это он не попал в зону, — удивлялся его отец, — Не в меня пошёл...»

Жизнь встала в сравнительно спокойное состояние: всем хватало рабочих мест, никто не жил с мыслью потерять её; многим такая жизнь нравилась...

* * *

В семидесятых-восьмидесятых годах прошедшего века в совхозе Прохоровский Армизонского района на ферме Жирыки в осеннее время, как и в далёком прошлом, соби-

рали по осени богатый урожай хлеба, чтобы отвезти его на государственные хлебоприёмные пункты. Построили школу в капитальном исполнении и заложили фундамент для интерната. Администрация школы совместно с руководством совхоза сделала всё возможное, чтобы организовать почти бесплатное питание для детей. Для группы продлённого дня стоимость двадцати четырёх обедов за месяц стоила один рубль двадцать пять копеек...

Приехали обратно на работу в совхоз и школу её выпускники предыдущих лет, получившие высшее образование... И только память о прошлом волновала душу тех, кто ещё помнил оставшиеся в прошлом события крестьянского восстания, да по ночам седым матерям снились их погибшие дети, мужья и молодые братья.

В девяностых годах XX столетия были «залечены» окровавленные стены и раны Троице-Сергиевского монастыря в городе Тюмени и освящены все «тяжёлые» исторические места. Стоящий на высоком берегу реки Туры он блестит золотом своих куполов, которые видно за несколько километров, зазывая к себе как верующих, так и туристов... Лишь галки по-прежнему шумят утром и вечером и разлетаются на ночлег под звуки колокольного звона. Верующие со всех ближайших районов в очередной раз пришли на встречу с историческим прошлым и совсем иным настоящим, целуя святые иконы Русской православной церкви.

Ханты-Мансийский автономный округ как в СССР, так и в новой России XXI века сохранил свой статус главного нефтедобывающего региона, на его карте появились десятки городов и посёлков городского типа, где главным направлением деятельности проживающего населения была и остается нефтедобыча. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа постепенно заняли одни из веду-

щих позиций в экономическом развитии страны. Однако в структуре энергоресурсов газовая составляющая стала превалировать над нефтяной. Уникальность развития национальных округов Тюменского Севера состояла в том, что одновременно получили развитие нефтяная и газовая отрасли, ставшие базовыми для экономики страны и выполняющие обязательства по экспортным поставкам и пополнению бюджета.

* * *

Над Иртышом медленно разгорался холодный осенний рассвет, окаймлённый золотистым с красным переливом оттенком в мареве уже видневшейся жёлтой и багряной осенней листвы. Он производил на всех ободряющее воздействие. И глядя в окно гостиницы в Югорской долине, проживающий в люксовом номере норвежец, обращаясь к своему знакомому Нику, восхищённо произнёс: «Господи, до чего же красива природа вокруг города Ханты-Мансийска! Может, они этого не понимают, привыкли к этой красоте и живут спокойно... Мы же с тобой вместе были в музее нефти и газа в окружном центре. Какое красивое здание! Судя по отзывам посетителей и красоте самого строения, оно входит в десятку самых красивых зданий в мире, а какое богатство представленных экспонатов!.. У нас такое за столетия, наверное, сделали бы, а они за десятилетия. Смотри, кругом молодёжь, студенты. Политическая активность, все жители многим интересуются. Такое впечатление, что этот край, несмотря ни на какие трудности, имеет своё будущее. Я ведь согласился с тобой приехать сюда с надеждой увидеть этот город таким красивым. А может это в последний раз, и город могут перевести в другой разряд, или я могу не приехать сюда ещё раз».

«Да хватит тебе паниковать, я знаю, что ты собрался побывать здесь на Олимпиаде по шахматам в 2010 году, — возразил Ник. — Слушай меня, оставь ты планы этих русских, мы всё равно их не поймём, пусть они решают все проблемы самостоятельно. Они это сейчас умеют делать. Я это испытал на себе. Пригласили меня в русскую баньку попариться после вечеринки у богатого человека. Знаешь, какой у них был тост? Хорошо, что не первый: «Чтоб вам было сегодня так хорошо, как назавтра плохо».

«Ну и как — всё так и было?», — спросил напарник.

«Так всё и получилось: на следующее утро я после этой русской баньки с берёзовыми и лечебными вениками ни о чём думать не мог, как только об огуречном рассоле, а они — ничего, всё выдержали, как будто и не пили ничего, смеялись, радовались жизни. Ну и крепкие же у них мужики — и работать, очевидно, могут...»

«Но ведь каких-то двадцать лет тому назад финны пили водку в русских городах так, как пьют русские сейчас, но посмотри, что у них со страной и производством стало... Ведь многие удивляются, возможно ли это вообще?», — возразил собеседник.

«Они и сейчас, скорее всего по привычке, делают это, только профессионально в Эстонии¹⁸⁰», — не успокаивался Ник.

«Это хорошо, что здесь к руководству такой великой державы пришли молодые, решительные и стоящие люди, с ними и работать легче, и страна встаёт на ноги, как уже начинающая богатеть держава. Вот только очень уж часто премьер-министра страны можно видеть за управлением военной техникой. В истории России только

¹⁸⁰ Материалы круглого стола «О нравственности, патриотизме, культуре и бескультурье» (актуальный разговор на вечные темы) // Вопросы философии. — 2009. — № 11. — С. 3-27.

император Александр III любил повторять, что «у России есть только два союзника – её Армия и Флот»¹⁸¹.

«Смотри, смотри!», – воскликнул сидящий в кресле рядом с норвежцем и ведущий разговоры с ним Ник и поднял руку, указывая в большой застеклённый балкон. Он смотрел в самое для него интересное место в бездонном голубом небе. Там, в необъятном холодном небесном пространстве, перелётные птицы в недостижимой высоте летели гордо и плавно на юг, переговариваясь друг с другом, неся на своих крыльях красоту этого удивительного северного природного мира...

* * *

Через восемьдесят пять лет, заслышав приближающуюся с каждым днём к его гнезду урчащую и ломающую всё на своём пути технику, принимавшую участие в строительстве дороги до Нягани, тот самый ворон, что когда-то сидел на сухостое на кладбище и размышлял о разумности деятельности человека, слетел с насиженных мест и решил посмотреть на то, что же толкает людей двигаться всё дальше и дальше вглубь непроходимой тайги. Как показалось ворону в тайге, на юге от дороги, на берегах древней реки Конды перестали заготавливать лес, и безработные лесозаготовители повсюду ищут работу¹⁸².

Широко взмахнув крыльями, с попутным ветром и вновь появившимися размышлениями подлетела птица

¹⁸¹ Российская корона. Князья, цари и императоры. – ЗАО «Издательский дом «Ридерз Дайджест», 2009. – С. 284.

¹⁸² Ежедневник «Мой город без цензуры». Статья «Как я провел эти лета»: Частные рассуждения о судьбе Орденоносного Кондинского лесопромышленного комбината и его директоре Вове Сафронове». – Ханты-Мансийск, 19.08.2010. – С. 4-5.

к уже почему-то незнакомому городу, сменившему устаревшее название Остяко-Вогульск на чуточку более современное Ханты-Мансийск, с красивейшими домами на неузнаваемых улицах, с дворцами, скульптурами и большим красным мостом через реку Иртыш.

Перелетев над поймой реки с революционного цвета мостом, ворон рано утром уселся на сук столетнего кедра и гаркнул от неожиданности, разглядывая внизу замысловатые контуры незнакомых животных, что по желанию людей словно разбежались по лужайке возле ледового дворца. Таких зверей он не видел за все двести лет, что пришлось ему жить на Югорской земле. Повертев головой и рассмотрев расставленных бронзовых животных, ворон, сверкая на солнце сизым царским оперением, взлетел с кедра и полетел в незнакомый ему, выстроенный почти заново город. Он так хотел взглянуть на новые городские кварталы и посмотреть уже забытые красивые, оставшиеся в его юношеской памяти места, а сейчас уже и не знакомые, за исключением нескольких десятков дряхлых, стоящих на обочинах, со сгнившими деревянными стенами домов.

Из одного дома вышла старая седая женщина с морщинами на лице, и пригляделся ворон своими дальнорезкими глазами, и узнал в ней того самого ребёнка, которого когда-то вела мама, шагая по приказу из комендатуры, на принудительные работы.

«Время хранит свою память, вот только помнят ли своё прошлое люди? – подумал ворон. – Вот женщина на больных ногах с трудом вышла из старого и очевидно холодного для северных условий жилого строения. Наверное, не всегда люди делают правильно, когда пытаются воспитывать своих детей только на положительных примерах, а молодёжь при этом слишком сильно

тянет совершить дела противоположные по направленности, вот и не замечают они ничего, что надо бы устроить...»

Заметил ворон и обветшалые здания в центре города, очевидно оставленные, как он подумал, для показа, как историческую реликвию времени... Во всей красе предстало перед вороном здание совсем молодого университета, который стоит подле горы и красуется прекрасным спортивным залом с плавательным бассейном. А вот библиотеки — источника мудрости — он сразу и не разглядел, хотя есть она и не маленькая.

И показалось тогда прилетевшему из вечности ворону, что совсем рядом с забытым хантыйским кладбищем построена новая школа где-то на самой горе.

«Не к добру это, — подумал он. — Что-то в городе слишком много чумов стало, один другого выше стоит, — с недоверием окинул ворон своим взглядом пространство, — в центре и вдали виднеется. А в аэропорту люди выходят из здания с каким-то несибирским и даже нероссийским загаром на коже, — странно это показалось философствующей птице, — неужто в диковинные страны летать стали люди. Да и дворцы стоят в лесу, видно — не пустуют. Представительные делегации одна за одной на совещания и конференции приезжают, видно жить с размахом собрались. Вот только не подрезали бы им крылья, как это часто бывает. На Руси не очень-то любят тех, кто самостоятельно мыслить начинает.

Детишек на площади много — бегают, играют. Значит, люди не боятся своего будущего. А давно ли наступило такое спокойное и стабильное настоящее? Так поумнел ли народ за эти прошедшие годы или нет?», — с задумчивостью и удивлением от происшедших изменений продолжил гулко каркать-проговаривать про себя обо всём

увиденном мудрый и, кажется, вечно живущий на этой северной земле ворон.

По разнёсшимся в тайге слухам, которые распространяются в ней быстрее, чем в любом городе, как говорят пожилые ханты, где-то здесь на горе люди собирались возвести огромный дом в виде чума в семьдесят с лишним этажей. Однако сколько чёрно-седой ворон из любопытства ни летал над семью зелёными холмами, ничего подобного, к сожалению для себя, так и не встретил, вот только городские дороги ему показались очень старыми с огромными заплатами. Дорога выглядела в этих местах такой, какой бывает стратегия у ряда старомодных и не постоянных в своих взглядах политиков...

«Видно, передумали люди строить эту гигантскую гору для жилья или для работы. Однако всё ещё впереди — надумают и построят, — подумал он. — Вижу людей в больших важных зданиях, и только несколько сотрудников много лет на этой земле, а вот остальные невесть откуда привезённые таланты. Оскудела, видимо, уральская и сибирская земля...», — отметил для себя ворон, собираясь улетать из города и на прощание произнёс, шевеля своими широко раскинутыми крыльями: «И всё же богата талантами Россия...».

И тут в памяти его всплыл отрывок жизненного пути, когда он лет восемь тому назад пролетал над главным административным зданием окружного центра и обратил внимание на повышенную заинтересованность к географии и демографии автономного округа, которая была интересна, очевидно, многим, особенно экономическая сторона. Один из руководителей как представитель важнейшей структуры округа с улыбкой вычеркнул из готовящегося к изданию учебника по региональной географии понятие «народнохозяйственный комплекс», очевидно, как не оправдавшее себя в прошлом столетии.

После непродолжительных воспоминаний, долго летал ворон в поисках местного шамана (такие ещё были на Югорской земле в последний его прилёт восемьдесят лет тому назад), но не нашёл ни одного – даже обручей от старых шаманских бубнов не осталось.

«А где здесь соединительные каналы, которые были вырыты местными ханты и манси, сплетающие все озёра воедино для общения и доставки рыбы?», – ничего напоминающее даже близко ворон так и не нашёл – везде были заросли тальника и травы...

«Ведь недаром местных ханты, живших по берегам Оби, в те уже далёкие времена спецпереселенцы называли «талоедами»¹⁸³. Видно, забросили умные люди все эти каналы.

Где-то здесь должно было заканчиваться море, которое люди планировали завести от самого Салехарда, построив гигантскую бетонную плотину, но его нет, и даже берега пересохли – и здесь что-то не получилось...

«Странно, – подумал ворон, вспоминая давно прошедший шум возмущённых и недовольных местных птиц, – нет даже водного канала шириной двести метров, который собирались строить в виде эксперимента от самого Ханты-Мансийска в Среднюю Азию, чтобы перебросить воды северных рек в южные азиатские степи и пустыни – это же две с половиной тысячи километров!.. Для этого даже начали ужесточать статьи уголовного права, чтобы трудовых резервов было достаточно, и так – вплоть до середины восьмидесятых годов прошлого века...¹⁸⁴ Похо-

¹⁸³ По воспоминаниям бывших спецпереселенцев с. Нялино Ханты-Мансийского района, Ханты-Мансийский автономный округ, июль 2004 г.

¹⁸⁴ Решение о строительстве канала отменено постановлением Правительства СССР от 14 августа 1986 года – по причине отсутствия необходимых средств. Начавшееся строительство и все закупленные за границей машины и оборудование, все материальные ценности были заморожены и

же на то, что многим для отмывания больших денег, как это делается в ряде стран мира, был вновь необходим этот гигантский проект гибели и замерзания Севера... Ведь даже Академия наук СССР дала на это согласие. Может быть, люди поумнели и уже давно перестали постоянно экспериментировать над судьбой этих тружеников – автономных округов?..»

Испугали птицу огромные языки пламени, которые выжигали силу здешней земли, как на прошедшей кровопролитной войне вдали от Ханты-Мансийска.

Ещё через час он навестил то самое кладбище и удивился тому, сколько же здесь в вечном сне лежит молодёжи – видимо, другие проблемы предстоит решить человечеству в следующее столетие...

Умная птица полетела искать себе убежище в таёжной глухомани, рассматривая на лету стаи птиц, стремящихся к далёкому тёплому югу, и вспоминая историю их борьбы за выживание с птичьим гриппом на этом облаканном солнцем и сытом месте зимовки представителей пернатого царства...

«Да, не у одного человечества в его минутной едва мерцающей жизни много нерешённых проблем, например, вопрос о тепле, достатке и уюте для людей, живущих здесь, на этой промёрзшей земле Севера, чем вызывают непонимание жителей других регионов России», – продолжал свои размышления летающий на большой высоте седой и мудрый от прожитой сотни лет ворон. – В Тюмени все требуют власти над Севером, а сами уже двадцать лет фактически им не управляют, у них нет даже отработанной структуры управления и кадров, а самое главное – личности, которая могла бы повести

переданы Министерству мелиорации СССР. Произошло примерно то же, что и на бывших стройках 501 и 503, только без брошенных в поле техники и иных материальных ценностей.

за собой весь этот процесс. Прилетал ко мне с юга Тюменской области, — вспоминал старый мудрый ворон, — в поисках лучшего места молодой ворон и высказался: «У нас нет кадров нужной величины, таких, каким был Г.П. Богомяков, которые могли бы решить многие проблемы, и структуры управления, зато у нас есть место, куда можно перечислять деньги с Севера».

«Слишком богатыми будете, деньги на любую стройку сможете загнать столько, сколько хотите, как это было с большей частью запустевшим в девяностые годы прошлого века Тобольским нефтехимическим комбинатом. Вы и пенсию сможете назначать тому, кому пожелаете из московской политической элиты, реки вспять повернуть можно будет, но дойти до человека на такой большой площади вы не сможете», — бесполезно попытался пояснить и поправить мудрый ворон, однако не стал больше этому противиться и замолчал»¹⁸⁵.

Слышал мудрый ворон также и то, что в далёкий Салехард приезжали посовещаться по вопросам добычи энергоносителей долгожданные гости из Москвы и всех регионов России. К вечернему приёму погода им очень благоволила и по-весеннему, по-апрельски подарила тёплый вечерок, но когда стали говорить о туманном политическом будущем Севера... природа взбунтовалась, и утром ударил такой мороз, что покрылись льдом все проталины и водяные полыньи на реках — сама природа показывала всем свой непокорённый нрав...

И ненцы, коренные жители холодной и кажется вечно белой тундры, в холодный майский день на вечерней заре под жёлтым холодным солнцем обогревали свои чумы, топя печи прутиками тундровой берёзы и размышляя

¹⁸⁵ Из воспоминаний автора при встрече в самолете, выполняющим рейс Москва — Тюмень, — в частной беседе с представителем политической элиты юга Тюменской области, 30.07.2010 г.

о том, когда же внутренняя огненная сила их родной необъятной земли будет обогревать их жилища ничего не весящим, но жарким голубоватым огнём...

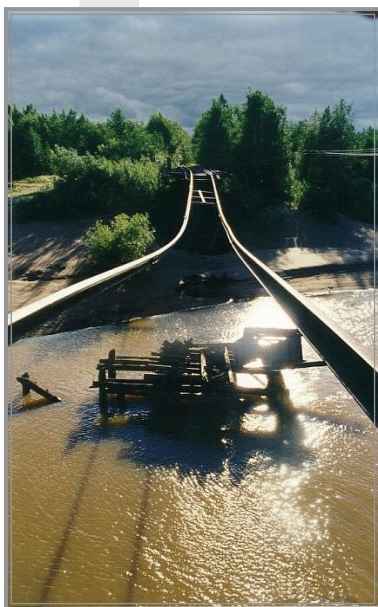
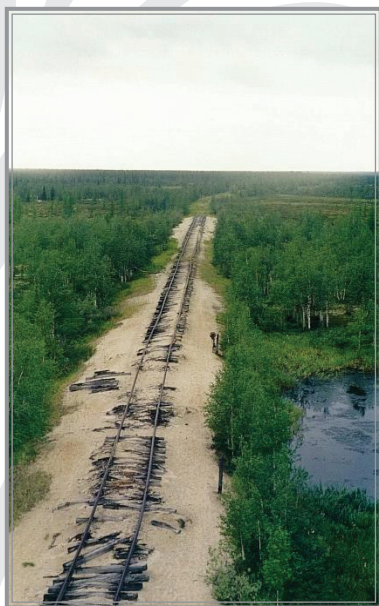
В конце мая в Ханты-Мансийске расцвели перед административным зданием окружного центра красные, белые, жёлтые тюльпаны. Ещё через несколько дней зацвела черемуха и с Арктики дохнуло северным леденящим ветром со снегом и дождём, как и тысячи лет тому назад...

Как в воздухе, беспокойном от перепадов воздушных потоков, на Югорской земле чувствовалось некое беспокойство — здесь ощущалась борьба идей за приватизацию денежных потоков Севера. Задумчивый чёрно-седой от старости и мудрости прожитых лет философствующий ворон летел дальше, паря в воздухе, безудержно ворча на окружающий уже непонятный ему мир. Пролетая на бреющем полёте, почти не шевеля своими огромными крыльями, размышлял он о том, кто в этой вечной борьбе одержит верх — старое, как это часто бывало в истории, или новое, с большим трудом пробивающее себе путь в обозримое будущее.

«Да, — воскликнул ворон, — до тех пор, пока в стране будут смешивать государеву политику с государственной, ждут Россию и Сибирь ещё много испытаний!»

Весь в раздумьях, под колокольный звон, распространившийся по всей округе от храма Воскресения Христова, он удалился и растаял в голубой холодной дали небосклона у самого слияния могучего Иртыша с полноводной Обью, чтобы объявиться здесь через сто лет...

Фотодокументы

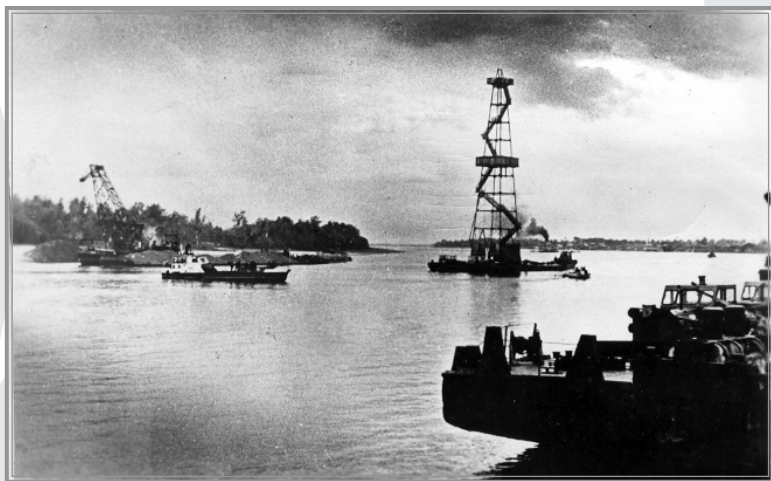

*Заброшенная трансполярная железная дорога
(стройки № 501 и № 503)*

*Первая нефть Шаима...
Горит нефтяной фонтан...*

Буровую вышку везут по Юганской Оби (1964 год)

*Буровая вышка установлена
и готова пробиваться к подземным кладовым...*

Обледенение буровой в Берёзово, 1954 год

*«Нефтежуравль» – качает нефть
из разведанных буровиками месторождений*

*Прокладывание первого нефтепровода Шаим – Тюмень –
ответственное дело! (1965 год)*

*А.Н. Косыгин (второй справа)
и Б.Е. Щербина (первый слева)
на встрече со строителями новых городов Севера*

*Борис
Евдокимович
Щербина*

*Александр
Константинович
Протожанов*

*Алексей
Николаевич
Косыгин*

*Геннадий
Павлович
Богомяков*

*Месторождение нефти Усть-Балык.
Слева направо: третий – С.Ф. Соловьёв,
четвертый – Ю.Т. Эрвье, пятый – А.К. Протозанов*

*Семён Никитович Урусов на встрече
с учениками – будущими бурильщиками (1975 год)*

*Встреча первооткрывателей югорской нефти:
Семён Никитович Урусов (Шаим)
и Григорий Иванович Норкин (Самотлор)*

Нелёгкок труд бурильщика...

*Интересная встреча после трудовой смены...
Харасавэй, 1978 год*

Здание бывшего Тюменского обкома КПСС

*Тюменский нефтегазовый колледж.
Здесь в своё время учился С.Н. Урусов,
а позднее – преподавал основы бурильного мастерства*

*Учебно-
тренировочные
установки
для обучения
бурильщиков
в Тюменском
нефтегазовом
колледже*

*Ханты-Мансийск – город у слияния
могучих сибирских рек – Оби и Иртыша*

ПЕРВЫЕ СЕКРЕТАРИ

*Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б) –
Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) –
Ханты-Мансийского окружкома КПСС*

ДРУЖИНИН Фёдор Лаврентьевич

05.1931 г. – 03.1933 г. – ответственный секретарь
Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б).

СИРСОН Артур Янович

03.1933 г. – 12.1934 г. – ответственный секретарь
Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б).

ШИРОКОВ Михаил Васильевич

12.1934 г. – 11.1936 г. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б).

ПАВЛОВ Фёдор Алексеевич

1936-1938 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б).

ВОЛКОВ Пётр Макарович

11.1938 г. – 10.1940 г. – первый секретарь
Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б).

КУЛАГИН Иван Ефимович

1940-1945 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б).

УЖЕНЦЕВ Василий Васильевич

01.1945 г. – 11.1946 г. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б).

ЕРШОВ Фёдор Иванович

1946-1947 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б).

ИВАНЕНКО Николай Васильевич

1947-1952 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б).

ЗОЛОТУХИН Анисим Семёнович

1952-1954 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.

- САВИН Михаил Яковлевич**
1954-1957 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.
- КУЗНЕЦОВ Григорий Яковлевич**
1957-1961 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.
- ЗАЙЧЕНКО Виталий Витальевич**
1961-1962 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.
- СОЛОВЬЁВ Сергей Фёдорович**
1963-1966 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.
- ТЕЛЕПНЕВ Пётр Максимович**
1966-1970 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.
- КУДРЯВЦЕВ Лев Иванович**
1970-1973 г. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.
- БАХИЛОВ Василий Васильевич**
1973-1975 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.
- СТАРЦЕВ Юрий Павлович**
1975-1977 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.
- ПЕТРОВ Владимир Сергеевич**
1977-1982 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.
- КИТАЕВ Виктор Васильевич**
1982-1985 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.
- ЧУРИЛОВ Валерий Андреевич**
1985-1990 гг. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.
- РЫБАЛОВ Алексей Аркадьевич**
01.1991 г. – 09.1991 г. – первый секретарь
Ханты-Мансийского окружкома КПСС.

ПРЕДСЕДАТЕЛИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

*Совета народных депутатов
(до 1936 г. – Совета рабочих, крестьянских
и красноармейских депутатов,
до 1977 г. – Совета депутатов трудящихся)
Ханты-Мансийского автономного округа
(до 1940 г. – Остяко-Вогульского округа,
до 1977 г. – национального округа),
глава администрации
Ханты-Мансийского автономного округа,
губернатор Ханты-Мансийского
автономного округа – Югры.
(Июнь 1931 г. – февраль 2010 г.)*

РОЗНИН Яков Матвеевич (17.06.1931 г. – 02.03.1932 г.)
председатель Оргбюро по организации
Остяко-Вогульского национального округа.

РОЗНИН Яков Матвеевич (03.03.1932 г. – 12.05.1934 г.)
председатель Остяко-Вогульского окрисполкома.

ВАСИЛЬЕВ Владимир Семёнович (02.08.1934 г. – 13.12.1935 г.)
председатель Остяко-Вогульского окрисполкома.

АНУФРИЕВ Фёдор Маркович (01.1936 г. – 11.1936 г.)
председатель Остяко-Вогульского окрисполкома.

КОШЕЛЕВ Яков Иванович (16.02.1937 г. – февраль 1938 г.)
председатель Остяко-Вогульского окрисполкома.

ТРОФИМОВ Тимофей Фролович (02.1938 г. – 07.1938 г.)
председатель Остяко-Вогульского окрисполкома.

САВИН Михай Яковлевич (10.1938 г. – 10.1943 г.)
председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.

КОМАРОВ Алексей Гаврилович (15.10.1943 г. – 1946 г.)
председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.

- САВИН Михей Яковлевич** (27.06.1946 г. – 1948 г.)
председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.
- ЛОСКУТОВ Аркадий Николаевич** (15.08.1948 г. – 1951 г.)
председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.
- ЕГОРОВ Леонид Михайлович** (08.1951 г. – 1954 г.)
председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.
- ЛОСКУТОВ Аркадий Николаевич** (15.08.1954 г. – 1961 г.)
председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.
- СОЛОВЬЁВ Сергей Фёдорович** (03.1961 г. – 1963 г.)
председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.
- КОМИССАРОВ Сергей Алексеевич** (01.1963 г. – 03.1969 г.)
председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.
- ГРИГОРЬЕВА Антонина Георгиевна** (03.1969 г. – 05.1982 г.)
председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.
- ТЕЛЕНКОВА Валентина Павловна** (05.1982 г. – 1987 г.)
председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.
- УШАКОВ Анатолий Константинович** (03.1987 г. – 1989 г.)
председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.
- ФИЛИПЕНКО Александр Васильевич**
(03.1989 г. – 18 декабря 1991 г.)
председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.
- ФИЛИПЕНКО Александр Васильевич**
(18 декабря 1991 г. – 26 октября 1996 г.)
глава администрации Ханты-Мансийского
автономного округа.
- ФИЛИПЕНКО Александр Васильевич**
(27 октября 1996 г. – 10 февраля 2010 г.)
губернатор Ханты-Мансийского
автономного округа – Югры.
- КОМАРОВА Наталья Владимировна**
(1 марта 2010 г. – по настоящее время)
губернатор Ханты-Мансийского
автономного округа – Югры.

ПЕРВЫЕ СЕКРЕТАРИ
Тюменского обкома ВКП(б) и КПСС
в 1944–1991 годах

ЧУБАРОВ Фёдор Михайлович
(1944 – сентябрь 1949)

АФОНОВ Иван Ильич
(сентябрь 1949 – ноябрь 1951)

ГОРЯЧЕВ Фёдор Степанович
(ноябрь 1951 – декабрь 1955)

КОСОВ Василий Владимирович
(декабрь 1965 – май 1961)

ЩЕРБИНА Борис Евдокимович
(май 1961 – январь 1963)

ЩЕРБИНА Борис Евдокимович
(январь 1963 – декабрь 1964) – 1-й секретарь
Тюменского сельского обкома КПСС

ПРОТОЗАНОВ Александр Константинович
(январь 1963 – 1964) – 1-й секретарь
Тюменского промышленного обкома КПСС

ЩЕРБИНА Борис Евдокимович
(декабрь 1964 – декабрь 1973)

БОГОМЯКОВ Геннадий Павлович
(декабрь 1973 – январь 1990)

КИТАЕВ Виктор Васильевич
(и.о., январь – апрель 1990)

ЧЕРТИЩЕВ Владимир Сергеевич
(апрель 1990 – апрель 1991)

ПРЕДСЕДАТЕЛИ
Тюменского облисполкома

КОШЕЛЕВ Кузьма Фёдорович
(ноябрь 1944 – февраль 1950)

КРЮКОВ Дмитрий Николаевич
(февраль 1950 – январь 1960)

ПРОТОЗАНОВ Александр Константинович
(январь 1960 – декабрь 1962)

ШУЛЯКОВ Илья Павлович
(декабрь 1962 – декабрь 1964) – председатель
Тюменского промышленного облисполкома

ЧИКОВ Павел Степанович
(декабрь 1962 – декабрь 1964) – председатель
Тюменского сельского облисполкома

МИХАЙЛОВ Александр Евгеньевич
(декабрь 1964 – 1966)

МАКУРИН Константин Петрович
(1967–1972)

КУЗНЕЦОВ Лев Николаевич
(1972–1976)

НИКИТИН Владилен Валентинович
(1976–1985)

ЧЕРНУХИН Николай Алексеевич
(1985 – май 1990)

РОКЕЦКИЙ Леонид Юлианович
(май 1990 – сентябрь 1991)

Об авторе

МАЗУРОВ Борис Фёдорович – историк, философ, преподаватель.

Родился 18 октября 1949 года в посёлке Лиственничный Кондинского района Тюменской области в трудовом сталинском спецпоселении, в семье спецпереселенцев.

В 1972 году окончил историческое отделение Тюменского государственного педагогического института по специальности «преподаватель истории и обществоведения».

Работал учителем Раздольской средней школы, директором Прохоровской средней школы Армизонского района, школы № 37 станции Вагай Министерства путей сообщения СССР (Омутинский район) Тюменской области, учителем истории и обществознания в школах Кондинского района, гг. Радужного и Ханты-Мансийска, в партийных органах Кондинского района. С 1990 года – трудится в системе повышения квалификации работников образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

В 1997 году защитил диссертацию по специальности «история философии», кандидат философских наук, доцент. В научных кругах известен как автор исследований в области философии образования, русской религиозной философии «Серебряного века». Пристальное внимание уделяет истории края.

Любимыми занятиями являются работа с историческими архивами и общение с природой. Увлекается психологией, шахматами, английским языком.

В настоящее время Борис Фёдорович живёт и работает в Ханты-Мансийске.

Оглавление

От автора	3
Двадцать лет спустя... ..	15
Весенние цветы	22
Трудный поиск выхода из ситуации	122
Необъятная величина	141
Дух огня	161
Храня память поколений... ..	213
Эпилог	296
Фотодокументы	310
Краткая хроника власти Тюменского региона ...	322
Об авторе	328

Фотоматериалы и документы
предоставлены из следующих источников:

- Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа.
- Фотоархив Бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Музей геологии, нефти и газа».
- Строители России. XX век. Нефтегазостроители Западной Сибири. Книга 1. – М.: Российский Союз нефтегазостроителей, 2004.
- <http://ru.wikipedia.org> – Свободная Интернет-энциклопедия.

Борис Фёдорович Мазуров

А птицы летят...

Социально-исторический роман

Редактор И.В. Булатов
Оператор вёрстки И.В. Булатов
Корректор И.В. Булатов
Дизайнер обложки М.В. Белов

Подписано в печать 21.02.2012 г. Формат 60x84/16. Бумага ВХИ.
Гарнитура MyslNarrowC. Печать офсетная. Усл. п.л. 19,18.
Тираж 1000 экз. Заказ №